

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2019 г., том 26, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Молодин В.И. Приоритетные направления развития гуманитарной науки как стратегической составляющей фундаментальной науки в России и роль Объединенного ученого совета СО РАН по гуманитарным наукам	5
---	---

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Бобров Д.С. Взаимоотношения гражданских и ведомственных военных властей в Кузнецком уезде в начальный период административных преобразований середины XVIII в.	9
Борисов А.А. Якутское чиновничество в 1775–1803 гг.	16
Белов С.Г., Матвеев Г.В., Суслов А.Ю. Развитие российского законодательства и положение рабочих в конце XIX в. (по материалам Казанской губернии)	23
Тимофеева Ю.В. Теоретические и исторические аспекты модернизации круга чтения сибиряков в конце XIX – начале XX в.	30
Кромер Л.В. Участие комсомола в выборах в сельсоветы РСФСР (1924–1925 гг.)	37
Цубикова Л.С. Признаки выделения кулацкого хозяйства в 1920-е – начале 1930-х гг. в Восточной Сибири.	44
Санникова Я. М. Традиционное хозяйство якутской Арктики в 1992 г.	50
Курьянова Т.С. Нематериальное культурное наследие как объект зарубежного и российского научного дискурса.	58

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Зверев В.А. Тренды смертности населения в восточных регионах Российской империи за тридцать лет (1887–1917)	64
Семенов М.А. Здоровье населения и развитие здравоохранения в Сибири в конце XIX в. – 1940 г.	72
Исупов В.А. Редкое явление в демографической истории Сибири: демографический взрыв во второй половине 1920-х гг.	79
Бурматов А.А. Смертность населения в Западной Сибири в 1964–1970 гг.	85

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Старышкина А.А. Русские журналистки второй половины XIX – начала XX в. – авторы эго-документов	93
Дикий Я.В. История формирования первых археологических коллекций Кяхтинского краеведческого музея (конец XIX – первая треть XX в.)	97
Запороженко Г.М. Томский кооператив «Деятель» как часть социокультурного облика губернского центра (1912–1918 гг.) ...	101
Батырева С.Г. Материальное наследие номадов: войлок в экспозиции Музея калмыцкой традиционной культуры имени Зая-Пандиты	106
Ерохина Е.А. Родство, социальные связи и коммуникации: российский и международный опыт исследования.	111
Мехришвили Л.Л., Карпов В.П. Международная научная конференция «Тюменская область: историческая ретроспектива, реалии настоящего, контуры будущего»	114
Титова Л.В. Научный археографический семинар, посвященный памяти академика Н.Н. Покровского.	116
Элерт А.Х. Рец. на кн.: Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 504 с.: ил.	119

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), академик РАН, *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), канд.ист.наук *В.В. Данилович* (Минск), доктор, профессор *Дашдэндэв* (Улан-Батор, Монголия), академик РАН профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист.наук *А.С. Зуев* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор, профессор *В. Линн* (Торонто, Канада), доктор *К. Мацузато* (Токио, Япония), академик РАН, профессор *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор, профессор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), д-р ист.наук *И.В. Побережников* (Екатеринбург), *Я. Садовски* (Краков, Польша), чл.-кор. РАН *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск), д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Ж.А. Ермекбай*, д-р ист. наук *Г.М. Запорожченко*, д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *Л.Н.Мазур*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, канд. ист. наук *Т.И.Морозова*, д-р ист. наук *С.А. Некрылов*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *В.Н.Разгон*, д-р ист. наук *Н.Н. Родигина*, д-р ист.наук *Т.А. Сабурова*, канд. ист. наук *А.И. Савин* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Л.Н.Славина*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. (7–383) 330–24–31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемужева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Выход в свет 30.12.19. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Цена свободная. Заказ № 262.

А д р е с и з д а т е л ь с т в а и т и п о г р а ф и и:
630090 Новосибирск, Морской проспект, 2. Издательство Сибирского отделения Российской академии наук

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2019, vol. 26, N 4

CONTENTS

Molodin V.I. Priorities for the humanities development with in the joint academic council of the SB RAS, as a strategic component of the fundamental science in Russia	5
---	---

NATIONAL HISTORY

Bobrov D.S. Relationship between civil and departmental military authorities in Kuznetsk Uyezd at the early stage of administrative transformations in the mid-XVIII century	9
Borisov A.A. Yakut bureaucracy in 1775–1803	16
Belov S.G., Matveev G.V., Suslov A.Y. The Russian legislation’s development and workers’ status in the late XIX century (based on the Kazan province)	23
Timofeeva Y.V. Theoretical and historical aspects of modernization of Siberians’ circle of reading in the late XIX – early XX centuries.	30
Kromer L.V. The Komsomol’s participation in the village council’s elections of the Russian Soviet Federal Socialistic Republic (1924–1925)	37
Tsubikova L.S. The criteria of definition kulak farms in the 1920s – early 1930s. in Eastern Siberia	44
Sannikova Ya. M. Traditional economy of Yakutian Arctic in 1992	50
Kurianova T.S. Intangible cultural heritage as an object of international and Russian scientific discourse	58

HISTORICAL DEMOGRAPHY

Zverev V.A. Trends in mortality in the Russian empire eastern regions over thirty years (1887–1917)	64
Semenov M. A. Population health and health development in Siberia in the late XIX century-1940.	72
Isupov V.A. Rare phenom in Siberian demographic history: population explosion in the second half in the 1920s	79
Burmatov A.A. The mortality rate of Western Siberia in 1964–1970.	85

INFORMATION, SCIENTIFIC LIFE

Staryshkina A.A. Russian women journalists of the second half of the XIX – early XX centuries as authors of ego-documents	93
Dikii Ya.V. History of forming the first archeological collections in Kyakhta Local Lore Museum (the late XIX – early XX centuries)	97
Zaporozhchenko G.M. Cooperative “Deyatel” in Tomsk as part of the socio-cultural image of the provincial center (1912–1918).	101
Batyreva S.G. Material legacy of nomads: felt in the exhibition of the Museum of Kalmyk traditional culture named after Zaya-pandita	106
Erokhina E.A. Kinship, social relations and communications: Russian and international research experience	111
Karpov V.P., Mekhrishvili L.L. International scientific conference “Tyumen region: a historical retrospective, the present realities, the future contours»	114
Titova L.V. Scientific archaeological seminar dedicated to the memory of Academician N.N. Pokrovsky	116
Elert A.Kh. Book review: Vershinin E.V. Russian colonization of Northwest Siberia in the late XVI-XVII centuries. Yekaterinburg, Demidov Institute, 2018. 504 p.: ill.	119

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Academician of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Candidate of historical Sciences *V.V. Danilovich* (Minsk, Belarus), Doctor of Philosophy *N.B. Dashdendev* (Ulaanbaatar, Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor *M. Junge* (Germany), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor of Philosophy, Professor *Viola Lynne* (Toronto, Canada), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Doctor of historical Sciences *I.V. Poberezhnikov* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences *Jakub Sadowski* (Krakow, Poland), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *A.S. Zuev* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *J.A. Yermekbay*, Doctor of historical Sciences *G.M. Zaporozhchenko*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Mazur*, Doctor of historical Sciences *A. Yu. Maynicheva*, Doctor of historical Sciences *N.P. Mathanova*, Candidate of historical Sciences *T.I. Morozova*, Doctor of historical Sciences, Professor *S.A. Nekrylov*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.N. Razgon*, Doctor of historical Sciences *N.N. Rodigina*, Doctor of historical Sciences *T.A. Saburova*, Candidate of historical Sciences *A.I. Savin* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Slavina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*

Editorial address: Institute of History, SB RAS, office 301, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

DOI: 10.15372/HSS20190401
УДК 001.89

В.И. МОЛОДИН

**ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ
КАК СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ В РОССИИ
И РОЛЬ ОБЪЕДИНЕННОГО УЧЕНОГО СОВЕТА СО РАН
ПО ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ**

Объединенный ученый совет СО РАН по гуманитарным наукам,
РФ, 630090, Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 17

Россия – многонациональная страна, где каждый народ имеет свою уникальную историю, свой язык и самобытную культуру. Одна из задач гуманитарной науки – рассказать каждому человеку о его истории и культуре. Это важно и в плане понимания современной геополитической ситуации в мире, и в плане воспитания патриотических чувств к своему Отечеству.

В Объединенном ученом совете (ОУС) СО РАН по гуманитарным наукам состоит 9 научно-исследовательских институтов, тесно связанных проводимыми междисциплинарными исследованиями с научно-техническими и естественнонаучными институтами в составе СО РАН. Показатели эффективности научных исследований зачастую превышают плановые, о чем свидетельствуют итоги 2018 г. В тексте данного выступления, подготовленного для Общего собрания СО РАН в апреле 2019 г., приводятся данные по публикационной активности научно-исследовательских институтов гуманитарной направленности в составе СО РАН. В заключении дана резолюция ОУС по дальнейшим перспективам развития гуманитарных наук.

Ключевые слова: Объединенный ученый совет, гуманитарные науки, публикационная активность, научно-исследовательские институты.

V.I. MOLODIN

**PRIORITIES FOR THE HUMANITIES DEVELOPMENT WITH IN
THE JOINT ACADEMIC COUNCIL OF THE SB RAS, AS A STRATEGIC COMPONENT
OF THE FUNDAMENTAL SCIENCE IN RUSSIA**

The United Scientific Council of the SB RAS for the Humanities,
17, Ac. Lavrentieva ave., 630090, Novosibirsk, Russian Federation

Russia is a multi-ethnic country, where every nation has its own unique history, its own language and original culture. One of the humanities' tasks is to tell each person about his history and culture. This is important both in terms of enhancing understanding of the geopolitical situation of the modern world, and in terms of upbringing patriotic feelings for one's Fatherland. The United Scientific Council of the SB RAS for the Humanities consists of nine research institutes. They are closely connected with technological and natural science institutes within the SB RAS by ongoing interdisciplinary research. The indicators of the scientific research effectiveness often exceed the planned ones, as illustrated by the results of 2018. The text of this speech, prepared for the General Meeting of the SB RAS in April 2019, provides data on the publication activity of the humanitarian research institutes within the SB RAS. In conclusion, the United Scientific Council resolution on further prospects for the development of the humanities is given.

Key words: United Scientific Council, humanities, publication activity, research institutes

---

Вячеслав Иванович Молодин – академик РАН, д-р ист. наук, заместитель председателя ОУС по гуманитарным наукам СО РАН, e-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Vyacheslav I. Molodin – Academician, Doctor of History, Vice-Chairman of the Joint Academic Council of the SB RAS for the Humanities.

Развитие гуманитарной науки в России в целом и в Сибири в частности играет стратегическую для страны роль. Россия является федеративным государством, на территории которого проживают около 200 народов, из них 68 – в Сибири и на Дальнем Востоке, причем русского населения в Сибири — 32,5 млн чел. Каждый из этих народов имеет богатейшую историю, своими корнями уходящую в глубокую древность, самобытную культуру, свой язык. И каждый народ имеет право знать свою историю. После распада СССР в Сибирь переселилось на постоянное и временное место жительства значительное количество так называемых мигрантов.

Современные геополитические процессы в мире, включая распад СССР, ярко демонстрируют, что в основе многих негативных явлений, доходящих порой до военных столкновений, лежат проблемы, связанные с попытками переписать историю, а также языковые проблемы. Именно эти проблемы стали движущими факторами так называемых цветных революций. Между тем исторический опыт ярко свидетельствует, что одними из главных причин победы Советского Союза в Великой Отечественной войне были дружба и братство всех народов этого великого федеративного по сути государства.

Трудно переоценить значение гуманитарных наук для воспитания человека, формирования патриота своего Отечества. Очевидно, что только человек, знающий свою историю, со всеми ее взлетами и падениями, переживающий эти падения как трагедию своей страны и ее народа, знающий культуру и язык, – будет всегда бороться за свое Отечество. Напомню в этой связи слова нашего великого писателя Ивана Сергеевича Тургенева: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас не может обойтись без России».

Современная геополитическая ситуация в мире и, в частности, в Азии диктует необходимость знания истории прежде всего таких стран, как Китай, Монголия, Корея, Япония, Индия, бывших союзных республик Средней Азии и их взаимоотношений с Россией в исторической ретроспективе. Очевидно, что все вышесказанное диктует приоритетные задачи для гуманитарных наук Российской академии наук в целом и Сибирского отделения в частности.

В Стратегии научно-технического развития Российской Федерации сформулированы так называемые «большие вызовы для общества, государства и науки», отмечена роль гуманитарных наук в обществе. Непосредственно с гуманитарными науками связано положение о том, что «новые внешние угрозы национальной безопасности (в том числе военные угрозы, угрозы утраты национальной и культурной идентичности российских граждан), обусловленные ростом международной конкуренции и конфликтности, глобальной и региональной нестабильностью и усиление их взаимосвязи с внутренними угрозами национальной безопасности» определяют приоритеты и перспективы научно-технологического развития страны, направленные на «возможность эффективного ответа

российского общества на большие вызовы, с учетом взаимодействия человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе используя потенциал гуманитарных и социальных наук».

В настоящее время в Объединенный ученый совет по гуманитарным наукам СО РАН входит 9 научно-исследовательских институтов. Тесно связаны с ними гуманитарные факультеты и институты сибирских государственных университетов. Это сложившиеся структуры с сильным научным потенциалом. В академических институтах работают 4 академика, 3 члена-корреспондента РАН, 2 профессора РАН, достаточно мощно представлен корпус докторов и кандидатов наук. Доля исследователей до 39 лет составляет 28 % от общего числа научных сотрудников. Фактически это треть всего гуманитарного научного потенциала Сибирского отделения.

Отличительной чертой широкого спектра гуманитарных направлений институтов СО РАН, делающей их весьма привлекательными на мировом уровне, является использование в научных исследованиях междисциплинарного подхода, в том числе к поиску и анализу источников с их последующей интерпретацией.

Позволю себе перечислить институты Сибирского отделения РАН, с которыми мы, гуманитарии, сотрудничаем наиболее тесно: это Институт нефтегазовой геологии и геофизики, Институт геологии и минералогии, Институт катализа, Институт органической химии, Институт почвоведения и агрохимии, Институт «Международный томографический центр СО РАН», Институт цитологии и генетики, Институт экономики и организации промышленного производства, Институт ядерной физики, а также Новосибирский государственный университет.

О высоком уровне развития гуманитарного знания в СО РАН свидетельствуют показатели эффективности фундаментальных научных исследований, в рамках программы государственных академий наук. Так, в 2018 г. все плановые показатели, которые весьма масштабны, не только были выполнены, но и порой существенно перевыполнены. Например, показатель по публикациям в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных Web of Science, превосходит плановые показатели более чем в 2 раза (134 статьи вместо 66 планируемых); особенно значимый для гуманитарной науки показатель по числу вышедших монографий также перевыполнен – вместо планируемых 27 издано 47. За последние пять лет в журналах «Nature» и «Science», рейтинг которых считается наивысшим в мире, было опубликовано 17 статей с участием сотрудников наших институтов.

Оценивая потенциал гуманитарных институтов, патронируемых Сибирским отделением РАН, остановлюсь лишь на некоторых, наиболее значимых с моей точки зрения масштабных проектах в области сохранения и изучения культурного наследия народов Сибири.

Начну с проекта по написанию и изданию новой версии «Истории Сибири» (в 4 томах), в создании ко-

торой принимают участие исследователи Института археологии и этнографии СО РАН, Института истории СО РАН, Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, а также Института экологии человека СО РАН. С момента выхода прежнего пятитомника, удостоенного Государственной премии СССР, прошло полвека. За это время накоплен колоссальный научный материал, позволяющий не только закрыть целый ряд «белых пятен» в истории Сибири, но и на принципиально новом уровне интерпретировать важнейшие для мировой истории события. Инициаторами создания четырехтомника явились академик А.П. Деревянко и член-корреспондент РАН В.А. Ламин.

На стадии завершения редакционной подготовки находятся два первых тома: в них на принципиально новом уровне рассматривается проблема первоначального появления человека в Сибири, охарактеризованы во многом ранее неизвестные этнокультурные явления периодов палеолита, неолита, бронзы, раннего железа, Средневековья, с реконструкцией их палеоэкономики, социальной и духовной культуры.

Особо следует подчеркнуть, что роль археологии в изучении исторического прошлого народов Сибири вообще трудно переоценить, поскольку письменность в регионе распространилась довольно поздно, фактически с приходом русского населения, поэтому историческое прошлое региона на протяжении около миллиона лет можно реконструировать на основании данных прежде всего археологии.

В 3-м и 4-м томах рассматриваются проблемы начиная с прихода в Сибирь русского населения, освоения в кратчайшие сроки огромных пространств на востоке нашей страны, дается строго научный взвешенный анализ событий нового и новейшего времени в Сибири в контексте исторических реалий мировой истории, а также в дореволюционной России, Советском Союзе и современной России.

Реализация данного проекта проводится в рамках базовой программы СО РАН «Историческое развитие Сибири в составе Российского государства: роль традиций и новаций» (координатор программы – чл.-корр. РАН В.А. Ламин).

В изучении и сохранении культурного наследия народов Сибири особое место занимают масштабные археологические исследования (в том числе в рамках спасательной археологии), которые ведутся силами пяти институтов СО РАН, а также этнографические исследования, выполняемые учеными четырех институтов. Фундаментальные научные результаты мирового класса достигнуты коллективом Института археологии и этнографии СО РАН (директор Института – член-корреспондент РАН М.В. Шуньков, научный руководитель – академик А.П. Деревянко).

Что касается исторического наследия, особо отмечу уникальное, постоянно пополняющееся собрание рукописных и старопечатных материалов. (Институт истории СО РАН). Кроме того, в рамках базовой программы ГПНТБ СО РАН «Выявление, изучение

и сохранение памятников культуры Сибири в условиях информационного общества» проводятся ежегодные археографические экспедиции, с последующей оцифровкой древних книг, создание электронной библиотеки «Книжный памятник Сибири», координаторы – канд.техн.наук А.Е. Гуськов и д-р пед. наук Е.Б. Артемьева.

Следует отметить введение в научный оборот уникальных источников «ранней» сибирской этнографии XVIII в., где хочу особо выделить издание Г.Ф. Миллера «Этнографические труды», подготовленное сотрудником Института истории д-ром ист. наук А.Х. Элртом.

Особое место в рамках изучения и сохранения языков народов Сибири занимает продолжающееся академическое издание «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». За последнее время вышли три тома (32-й, 33-й, 34-й). В качестве примера можно привести т. 32 «Обрядовая поэзия и песни эвенков». Подготовку и издание этого тома осуществляли Институт филологии СО РАН и Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Кроме того, Институт филологии СО РАН проводит исследования в области русского языка как связующего звена между фольклорно-языковыми традициями Европейской России и Сибири. В качестве наиболее значимых результатов можно привести «Толковый словарь устаревших слов и фразеологических оборотов русского литературного языка» проф. А.И. Федорова и «Русский этимологический словарь» академика А.Е. Аникина. Увидел свет уже 12-й его выпуск (базовая программа «Литература и фольклор в контекстах исторических эпох и культурных традиций», координатор – д-р филол. наук И.В. Силантьев).

Особое место в системе гуманитарных институтов ОУС СО РАН занимают академические учреждения национальных республик Бурятии и Якутии. Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера в рамках базовой программы «Генезис и взаимодействие этнокультурных и социальных общностей в пространстве Севера» (координаторы – проф. А.Н. Алексеев и проф. А.Н. Богашов) подготовил завершающие тома «Большого толкового словаря якутского языка» (т. XV). Новизной словаря является его двуязычность. Толкования слов даются на якутском и русском языках, что делает «Словарь» незаменимым источником для сравнительно-исторических исследований.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН ведет исследования в рамках базовой программы СО РАН «Исторический опыт социально-экономического и межкультурного взаимодействия России в трансграничье Центральной и Восточной Азии» (координатор программы – академик Б.В. Базаров), которая включает такие традиционные направления, как сохранение и изучение письменных памятников народов Востока, этнологические исследования, изучение языка и фольклора монголо-

язычных народов, философские, религиоведческие и исторические исследования культурного наследия народов Внутренней Азии, изучение и сохранение археологических объектов на территории России и Монголии. Институт располагает уникальным книгохранилищем, в котором сконцентрированы собираемые на протяжении почти 100 лет письменные памятники на восточных языках, архивные документы и т.д. В Институте получили устойчивое развитие два основных направления буддологии – синологическое (китаеведное) и тибетологическое. Основным объектом буддологических исследований является универсальный философско-этический потенциал буддизма, который обеспечивает единство и взаимосвязь всех его философских, социальных и культурных компонентов.

В заключение нельзя не отметить базовую программу, разрабатываемую Институтом философии и права СО РАН «Интеграция социального пространства России: динамика институциональных и этносоциальных процессов на региональном уровне» (координатор – д-р филос.наук Ю.В. Попков), в контексте «Противодействие техногенным, биогенным, социокультурным угрозам, терроризму и идеологическому экстремизму, а также киберугрозам и иным источникам опасности для общества, экономики и государства». В качестве примера приведу лишь одну выдержку из аналитической записки Ю.В. Попкова «Этнокультурное многообразие и социокультурные угрозы», содержащую некоторые конкретные предложения, в том числе для органов власти, а именно:

– осуществление диагностики этнокультурного разнообразия народов России и разработка типологии с выделением групп народов с разным потенциалом этнокультурного производства;

– конкретизация задач по сохранению и развитию этнокультурного разнообразия в разных регионах;

– на законодательном уровне более четкое определение содержания национальной политики на муниципальном уровне управления;

– разработка типологии муниципальных образований с выделением соответствующих полномочий и возможностей в области национальной политики для каждого из них (сельских районов, городских районов, малых городов, крупных городов).

В качестве ближайших перспектив развития гуманитарных наук от нашего ОУС мы предлагаем:

– в рамках формируемой программы фундаментальных научных исследований на 2021 – 2035 гг. считать гуманитарные проекты стратегически важными для государства и сибирского региона, продолжить их организационное совершенствование и проведение конкретных исследований;

– продолжить поиск форм и средств для реанимации ряда междисциплинарных исследовательских программ в Отделении;

– в рамках программы «Академгородок 2.0» и грядущего 300-летия Российской академии наук рассмотреть вопрос о создании Объединенного музейного комплекса, включающего музеи институтов СО РАН, строительство которого уже было начато при председательстве академика В.А. Коптюга, но по известным причинам оказалось свернутым;

– просим также оказать целевую поддержку изданию фундаментального четырехтомника «История Сибири», требующего большого тиража и соответствующего оформления.

Статья принята редакцией 19.09.2019

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20190402
УДК 94(571.1)"17"

Д.С. БОБРОВ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ И ВЕДОМСТВЕННЫХ ВОЕННЫХ ВЛАСТЕЙ В КУЗНЕЦКОМ УЕЗДЕ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ СЕРЕДИНЫ XVIII в.

Алтайский государственный университет,
РФ, 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61

В статье предпринят историко-генетический анализ взаимоотношений местных гражданских и дислоцированных в Кузнецком уезде в конце 30-х гг. – первой половине 40-х гг. XVIII в. ведомственных военных властей в ходе освоения региона и развития здесь административно-политического процесса. Источниковую основу исследования составили еще не введенные в научный оборот делопроизводственные материалы из фондов Российского государственного архива древних актов. Анализируются характер и практики управленческих коммуникаций командиров «кузнецких» рот Новоучрежденного драгунского полка с уездными воеводами и приказчиками острогов и слобод; в качестве наиболее острых выделяются вопросы административного подчинения, снабжения гарнизонных команд, выдачи соли. Автор приходит к выводу о скрытой конкуренции между различными ветвями власти: так, уездная, пользуясь отсутствием четких законодательных разграничений, с целью сохранения собственных статусных позиций оказывала давление на военных командиров, а, они, в свою очередь, демонстрировали разные модели поведения в отношении гражданских структур.

Ключевые слова: система управления, воеводы, приказчики острогов и слобод, регулярные войска, Новоучрежденный драгунский полк, Кузнецкий уезд, Верхнее Приобье, Бийская крепость.

D.S. BOBROV

RELATIONSHIP BETWEEN CIVIL AND DEPARTMENTAL MILITARY AUTHORITIES IN KUZNETSK UYEZD AT THE EARLY STAGE OF ADMINISTRATIVE TRANSFORMATIONS IN THE MID XVIII CENTURY

Altai State University,
61, Lenin str., Barnaul, 656049, Russian Federation

The article deals with the historical and genetic analysis of the relationship between local civil and departmental military authorities deployed in Kuznetsk Uyezd in the late 1730s – early 1740s within frameworks of the regional colonization, administrative and political processes. The research is based mainly on documents of records management from the fonds of the Russian State Archive of Ancient Acts. Most of these documents have not been previously introduced into scientific circulation.

Soon after the Newly formed dragoon regiment's creation in Siberia, three companies of the formation were officially redeployed – to Kuznetsk, but in fact they were situated in the Biysk Fortress area; their commanders holding the ranks of Mayor and Captain interacted with the civil

---

Денис Сергеевич Бобров – канд. ист. наук, доцент, Алтайский государственный университет, e-mail: bds-eureka@yandex.ru
Denis S. Bobrov – Candidate of History Sciences, Associate Professor, Altai State University.

administration system represented by voivodes and prikazchiks. Initially the most urgent problem was the provision of garrison, which was not solved by the uyezd authorities and shifted onto ostrog chiefs, and, as a result, on local peasants, that caused protests among the poll-tax paying population.

When V. Sokolov, the Kuznetsk companies' commander, was redeployed to Kolyvan-Voskresensk plants region, the lieutenants remaining at the outposts in ostrogs and slobodas began to appeal not to their immediate military commanders but to the Kuznetsk voivode office to make important decisions. They sought some administrative patronage there despite the fact that the voivode office gave obvious priority to more rudimentary system of prikazchiks. The uyezd authorities controlled the state of troops left in Upper Priobie, purchased hay and even supplied the troops with horses.

However, the excessive model of administrative communications did not last long and the next military commander A. Bibikov held a course for centralization and started to make numerous demands of the uyezd center. The main point of controversy was salt.

The personality factor was key one in building relationships between the civil and military authorities under conditions of legislative misregulation in Kuznetsk Uyezd in the late 1730s – mid 1740s.

Key words: management system, voivodes, prikazchiks in ostrog (fortresses) and slobodas (rural settlements), regular army, Newly formed dragoon regiment, Kuznetsk Uyezd, Upper Priobie, Bysk Fortress.

В первой половине XVIII в. южные районы Западной Сибири стали ареной одновременного налогообложения, взаимосвязи и противоборства разнородных социально-политических процессов, сопровождавших имперскую колонизацию, которая в короткие сроки приобрела интенсивный характер. Начало активной промышленной разработки и эксплуатации руд предгорий Алтая совпало с усилением военно-политической роли Джунгарского ханства, претендовавшего на большую часть Обь-Иртышского междуречья. Конвергенция столь многогранных составляющих предопределила более-менее целостное оформление структурных элементов сразу нескольких управленческих вертикалей: гражданской, замыкавшей наиболее широкие полномочия на губернаторе, а на уровне уезда представленной квазиерархией «воеводы – приказчики острогов и слобод»; промышленно-ведомственной, ключевая роль в которой принадлежала частновладельческому приказчику Акинфия Демидова; наконец, военно-ведомственной. Военные ведомственные власти принадлежали к особой разновидности отраслевого управления, ориентированной на администрирование регулярных и приравненных к ним категорий войск; заняли ведущие позиции в политической системе Сибири в результате преобразований второй половины 40-х гг. XVIII в. Однако в южных областях региона они появились значительно раньше.

В Верхнем Прииртышье стационарно расквартированные воинские подразделения начали дислоцироваться сразу после серии экспедиций конца 1710-х гг., способствовавших возведению группы крепостей. Организация охраны острогов Верхнего Приобья (Бикатунского и Белоярского) на протяжении первых двух десятилетий после их сооружения осуществлялась исключительно иррегулярными силами – посылавшимися из Кузнецка в статусе годовальщиков служилыми людьми во главе с приказчиком. Численность таких отрядов в разное время колебалась от 100 до 30–35 казаков [1, с. 147–150]. К середине 30-х гг. XVIII в. дефицит людских ресурсов для организации охраны сибирских границ стал настолько очевидным, что подтолкнул центральные власти к созданию гарнизонных Новоучрежденного драгунского полка и Тобольского пехотного батальона [2, с. 98–108].

Вскоре после завершения первоначального комплектования полка одна из рот была перебросена

в Кузнецк, откуда сразу же направлена в Бийск в связи с эскалацией напряженности в российско-джунгарской приграничной зоне. Спустя несколько месяцев войсковые соединения этого локального района были усилены за счет переброски еще двух рот под командованием Якова де Граве [2, с. 109]. Подразделения лишь условно дислоцировались в «Бийской крепости», фактически они располагались скорее в «ведомствах» Бийской и Белоярской крепостей, в административных округах соответствующих острогов, образуя полустационарные, стихийные форпосты. В результате российские укрепленные пункты Верхнего Приобья в конце 30-х гг. XVIII в. стали одной из ведущих на юге Западной Сибири площадок для апробации различных способов насыщения крепостных гарнизонов – одновременно иррегулярными и регулярными воинскими частями, а в более широком смысле – полигоном первичной коммуникации военных и гражданских властей местного уровня.

В литературе до сих пор отсутствуют исследования, специально посвященные вопросам взаимоотношений властей различной отраслевой принадлежности в Западной Сибири XVIII в. Советская историография обнаружила осязаемый крен в сторону дихотомии «вольнонародной» и государственной колонизации, определяя в качестве центрального и фактически единственного субъекта-объекта освоенческого процесса «население» региона [3; 4; 5]. Современные специалисты в области административной истории, как правило, концентрируются на изучении опыта построения и функционирования какой-либо одной вертикали власти. М.О. Акишиным с акцентом на соотношении центрального и регионального уровней воссозданы модели самодержавной политики, а также организации гражданского управления Сибири XVIII в. [6]. Схожий характер имеют работы О.Ю. Шаходановой и Д.Н. Гергилева [7; 8]. Институт воевод в системе имперского дискурса представлен в монографиях Е.В. Вершинина и Д.А. Ананьева [9; 10]. Администрирование острогами Верхнего Приобья и крепостями Верхнего Прииртышья до возникновения оборонительных линий проанализировано Д.С. Бобровым [1, с. 110–202]. Феномен горнозаводского управления довольно полно раскрыт А.В. Контевым и В.Б. Бородаевым, они показали принципы построения иерархии власти в период принадлежности «ведомства Кольвано-Воскресенских заво-

дов» А. Демидову [11, с. 60–72, 114–130]. Отдельные аспекты взаимоотношения частновладельческих администраторов с гражданскими структурами местного и локального уровня затронуты Д.С. Бобровым [1, с. 122–137; 12, с. 23–29]. Складывание ведомственной вертикали управления после передачи алтайских предприятий под управление Кабинета (его императорского величества) освещено в трудах Т.Н. Соболевой и В.Н. Разгона, А.Н. Жеравиной, А.А. Пережогина [13; 14; 15].

В значительной степени изучен опыт организации воинских частей в Сибири. А.Ю. Огурцов делает акцент на военно-инженерной политике Российского государства, которая рассматривается в качестве самостоятельного механизма освоения южных районов Западной Сибири в XVIII в. на фоне региональных этно- и геополитических процессов [16; 17, с. 40–67]. История создания Сибирских укрепленных линий, а также эволюция их стратегий и практик администрирования в фокусе второй половины XVIII столетия прослежены С.Р. Муратовой [18]. А.С. Зуевым и А.В. Контевым затронуты организационные аспекты перестройки структуры регулярных и иррегулярных войск в регионе [19, с. 22–27; 20, с. 51–56], наконец, А.В. Дмитриевым комплексно реконструированы контингенты, кадровый состав и материальное обеспечение регулярных армейских частей Сибири XVIII в. [2].

Целью настоящей статьи является историко-генетический анализ взаимоотношений в Кузнецком уезде местных гражданских и дислоцированных в конце 30-х гг. – первой половине 40-х гг. XVIII в. ведомственных военных властей с учетом освоенческих и административно-политических процессов. Историко-генетический метод, ключевой в данном исследовании, предполагает изучение изменений в рассматриваемом предмете [21, с. 387–390], т. е. в частном случае – изменений в отношениях разноотраслевых управленческих структур. Источниковую основу изысканий составили подавляющей частью не введенные в научный оборот делопроизводственные материалы из фондов 517 (Кузнецкая воеводская канцелярия) и 1402 (Бийская земская изба (Бийская крепость)) Российского государственного архива древних актов. Наибольший удельный вес среди них занимают воеводские указы и определения, доношения, рапорты, а также требования.

Соединения Новоучрежденного драгунского полка, направлявшиеся в Верхнее Приобье, подлежали определенной ротации, они не находились в районе стационарно расквартированными, что сближало их с годовальщиками. Однако период дислокации регулярных войск был несравнимо большим. В 1738 г. в окрестности Бийска прибыла команда, возглавляемая поручиком Петром Фадеевым [2, с. 109; 22, с. 60–61; 23, с. 93], в подчинении у которого находилась рота недавно образованного полка численностью 100 чел. (30 он сразу должен был отправить в Белоярск), а также 50 кузнецких служилых людей во главе с пятидесятником Тимофеем Бессоновым [17, с. 48]. В начале 40-х гг. XVIII в. командование воинскими подразделе-

ниями в локальном районе было передано капитану Василию Соколову, в подчинении у которого находились поручики Зиновий Прямогладов, возглавлявший гарнизон Белоярского острога, и Александр Тарасов, руководивший обороной Малышевой слободы¹. Перемены в офицерском корпусе сопровождались неуклонным увеличением численности гарнизонов: в 1743 г. в Бийской крепости дислоцировалось 64 драгуна и солдата (в Белоярской крепости – 56, т.е. всего 110 чел.)². По сведениям А.В. Дмитриева, в 1744 г. в Кузнецке находилось уже 377 военных [2, с. 127] (точнее, на периферийных юго-западных острогах и слободах Кузнецкого уезда). Архивы Бийской крепости дают схожую картину. На рубеже 1744–1745 гг. суммарное число военных в острогах и слободах Верхнего Приобья превысило 300 чел.: в округе Бийска располагалось 202 чел., в Белоярской крепости – 58, в Малышевой слободе – 51 отставной казак³. В результате административных решений конца 30-х – начала 40-х гг. XVIII в. остроги Верхнего Приобья получили существенное ресурсное насыщение в виде регулярных воинских частей, что, безусловно, повышало обороноспособность укреплений и снижало нагрузку с команд служилых людей, но вместе с тем ставило вопрос о разграничении полномочий и сфер ответственности приказчиков и военных командиров.

С.Ю. Исупов рисует эволюционную по своему характеру картину, когда «на смену казачьим приказчикам приходят новые, “регулярные” гарнизонные командиры, управлявшие крепостью с помощью “канцелярии полковых дел”» [24, с. 15]. Однако это утверждение справедливо лишь для второй половины 40-х гг. XVIII в., когда началась следующая, более явная фаза административной перестройки. В конце 1730-х – начале 1740-х гг. приказчики и командиры расквартированных в Бийске полковых рот сосуществовали вместе, так или иначе частично разделяя свои функционалы. Законодательство практически не регулировало эту область отношений. Немногочисленными исключениями являлись губернаторские указы воеводам или воинские инструкции командирам рот, однако и те и другие в реалиях имперской административно-правовой системы XVIII в. имели силу подзаконных актов.

А.В. Дмитриев приходит к справедливому выводу о том, что вплоть до конца 1730-х гг. государственная власть не уделяла специального внимания положению регулярных подразделений на сибирских окраинах [2, с. 111]. В полной мере это характерно и для административного статуса воинских команд, который оставался нечетким.

При направлении в округу Кузнецка П. Фадееву предписывалось всеми силами не допустить разорения юго-западных окраин уезда, для чего определялось драгун и казаков «никуда не респускать и иметь

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1402. Оп. 1. Д. 4. Л. 38 об.

² Там же. Ф. 517. Оп. 1. Д. 119. Л. 3 об.

³ Там же. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 4. Л. 39.

в крепости (Бийской. – Д.Б.) денно и ночью отъезжие караулы, как воинский артикул повелевает» [17, с. 48]. Близким к этому было и положение В. Соколова, который при назначении в Верхнее Приобье получил указ подчиняться Кузнецкой воеводской канцелярии «без всякого отрицания и прекословия». Однако капитан по-прежнему должен был соблюдать и директивы своего военного начальства.

В конце 1730-х – начале 1740-х гг. наиболее важным во взаимоотношениях с гражданскими структурами стал вопрос о снабжении гарнизонных команд. Резолюция Кабинета министров о создании Новоучрежденного полка предполагала среди прочего «провиантом их (офицеров и солдат Новоучрежденного полка и Новоучрежденного пехотного батальона. – Д.Б.) довольствоваться и на лошадей овес употреблять из десятинного хлеба» [2, с. 106]. В реалиях Кузнецкого уезда воеводская канцелярия, за редкими исключениями, взяла курс на перекладывание решения этой задачи на приказчиков.

В условиях немногочисленности населения в округе Бийска изначально планировалось направлять провизию из богатой сельскохозяйственными угодьями Малышевой слободы, что вызвало массовые протесты местного податного населения, вылившиеся в фактический саботаж доставки четверикового провианта в Бикатунскую крепость. В коллективной челобитной воеводе крестьяне в резкой форме подчеркивали невозможность соответствующих операций в силу приписки значительного числа населения к Кольванским заводам⁴. В ответ на это уездный администратор Андрей Герасимович Шапошников определил приказчику Бикатунской крепости Тимофею Шестакову «а как ли из Малышевой слободы того провианта и поныне в Бийск не привесено, то да привосу того провианта взять у бийских обывателей заимообразно, а по привосу тот провиант из Малышевой (слободы. – Д.Б.) провианта отдать возвратно немедленно»⁵. Таким образом, речь шла об обязанности приказчика частично изымать хлеб у поднадзорных ему крестьян вплоть до соответствующих поставок.

Административная практика показывала, что такие задержки могли достигать двух–трех лет, что, в свою очередь, порождало недовольство в среде податного населения. Тем не менее состояние неурегулированности вопросов снабжения, характерное для первых лет функционирования в Верхнем Приобье регулярных частей, относительно быстро сгладились за счет эволюции управленческого подхода. Уже в 1744 г. все тот же А.Г. Шапошников отправил бийскому приказчику 100 руб., предписав «в нынешнее время купит в Бийску у бийскаго ведомства в деревнях на дачу обретающимся в Бийску на фарпостах драгунам провианту муки ржаной самую настоящею ценою... и оной по требованию обретающегося в том бийском фарпосте командира (В. Соколова. – Д.Б.) производит поме-

сично в дачу без всякаго задержания»⁶. Одновременно воеводам удалось установить другой канал снабжения – округа Мунгатского острога (станца), откуда финансировались покупки от 30 до 65 подвод муки и круп (по 15 пуд. каждая) в год⁷.

Однако даже после этих мер проблема обеспечения провиантом и фуражом регулярных частей, располагавшихся в окрестностях Бийска, не была полностью закрыта. Показательным в этом отношении является направленное В. Соколовым местному приказчику С. Гилеву требование, в котором напрямую указывалось на промедления последнего в закупках хлеба и муки, более того, капитан фактически открыто грозил «усилно принуждать» в случае отсутствия позитивной динамики решения вопроса⁸.

Четкой иерархии подчинения не существовало и среди офицеров, командовавших войсковыми соединениями в Верхнем Приобье. После джунарского набега на Чагырский рудник в 1744 г. и вызванного этим обострения ситуации в междуречье Чарыша и Алея В. Соколов был переброшен в окрестности Кольвано-Воскресенских заводов. Кузнецкая уездная канцелярия на время отсутствия офицеров перекладывала важнейшие обязанности и функции (надзор за больными драгунами и их лошадьми, контроль над заготовкой сена, выдачей пороха и свинца, расходом служебного имущества) на плечи приказчиков острогов и слобод⁹. Казалось бы, воеводы в данном случае действовали наиболее рациональным с точки зрения администрирования образом, однако такие решения выглядели как игнорирование оставшихся в обязательном порядке на форпостах поручиков/подпоручиков. Тем самым уездная власть существенным образом повышала роль приказчиков и, как следствие, гражданской власти в административном процессе, одновременно стараясь минимизировать влияние на него военных управленцев.

Таким образом, следует отметить существенные изменения на низовом уровне управленческой иерархии после переброски командующего «кузнецкими» ротами Новоучрежденного полка в окрестности Кольванско-Воскресенских предприятий. Оставшиеся на форпостах при острогах и слободах поручики для принятия важных решений стали обращаться не к капитану – своему непосредственному военному начальнику, а к Кузнецкой воеводской канцелярии, у которой они искали административного покровительства, даже несмотря на то, что та отдавала очевидный приоритет все более рудиментарному институту приказчиков. После отбытия В. Соколова из окрестностей Бийска поручик З. Прямогладов начал жаловаться Кузнецкой воеводской канцелярии на отдельные приказы своего командира: «для некоторого резону отправляется он, капитан (В. Соколов. – Д.Б.), ис Кольванских заводов

⁶ Там же. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 4. Л. 27 об.

⁷ Там же. Ф. 517. Оп. 1. Д. 293. Л. 31.

⁸ Там же. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 4. Л. 48–48 об.

⁹ Там же. Ф. 517. Оп. 1. Д. 293. Л. 4–7.2.

⁴ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 119. Л. 1–1 об.

⁵ Там же. Д. 140. Л. 1 об.

в Кузнецк, и между тем требует, дабы я следовал в Колыванские заводы к команде немедленно»¹⁰. Поручика откровенно смущало отсутствие четких инструкций относительно подобных случаев как от воеводы, так и от войсковых канцелярий, неясность с численностью команды, находившейся в округе Колыванско-Воскресенских предприятий. З. Прямогладов не скрывал своего стремления подчиняться не командиру «кузнецких» рот Новоучрежденного полка, а гражданским уездным властям: «понеже я... в главной команде в Кузнецке воеводской канцелярии, а не у него капитана Соколова, и без определения оной Кузнецкой воеводской канцелярии, без... резону в Колывано-Воскресенские заводы следования не имею до резолюции»¹¹. При этом ранее поручик не осмеливался сомневаться в легитимности аналогичных предписаний о командировке, предъявленных находившимся в Барнаульском заводе Андреем Бэром, и просил уездные власти лишь назначить исполняющего обязанности в Белоярском форпосте на время потенциального отъезда¹².

На уездной власти замыкался контроль над состоянием оставшихся в Верхнем Приобье войск, курированием сенозаготовок и даже снабжением войск лошадьми. В 1745 г. дислоцировавшийся в окрестностях Бийска поручик Осип Свешников на основании существенного падежа лошадей (5 случаев за месяц) обратился к воеводе с просьбой изыскать необходимое количество их для восполнения недостатка. Прошение было удовлетворено: А.Г. Шапошников показательно решил – «временно» выделить лошадей из имевшихся в районе крепости, которые были пригнаны на «корм» из Колывано-Воскресенских заводов¹³.

Наконец, большинство поручиков после отбытия В. Соколова на Колыванские предприятия стали подавать рапорты не в его войсковую канцелярию, а в уездную. Особо выделялся А. Тарасов, который доносил практически о каждом своем, даже самом незначительном шаге: сообщал подробности назначенных капитаном командировок и докладывал о возвращении из них¹⁴, а также почти каждую неделю рапортовал о том, что ситуация «в Малышевском фарпосте обстоит во всяком благополучии, и по разезде из оного фарпосту известиев никаких не имеетца»¹⁵. Подобная практика не могла не возмутить В. Соколова, который в своем представлении в Кузнецкую воеводскую канцелярию подчеркивал: «велено ему (В. Соколову. – Д.Б.) быть над всеми фарпостами командиром и о состоянии де оных как о людех, и лошадех, и об ружье, и амуниции в Кузнецкую воеводскую канцелярию репортовать, а от фарпостных камандиров репортов де не получаю»¹⁶. Ситуацию удалось несколько сгладить лишь после указа

за А.Г. Шапошникова поручикам подаваемые воеводе рапорты дублировать капитану.

Установившаяся во многом гипертрофированная модель коммуникаций низовых структур власти в Кузнецком уезде просуществовала крайне недолго. Уже в середине 1745 г. в округу Бийской крепости был направлен капитан Аврам¹⁷ Бибииков, который постарался в максимально короткие сроки централизовать управление расквартированными в Верхнем Приобье ротами Новоучрежденного полка. В отношении с Кузнецкой воеводской канцелярией он сразу перешел к практике настоятельных «требований». В центре взаимоотношений оказались вопросы ликвидации долгов по выдаче провианта, снабжения солью и строительными ресурсами для выполнения текущих инженерных задач.

Наиболее острые противоречия вызвала проблема соли. Кузнецкие воеводы всегда весьма строго относились к хранению и выдаче соли, что проявилось ранее в 1737 г. в ходе острой административной дискуссии прежнего уездного управителя Артема Федоровича Бартенева с частновладельческими колыванскими приказчиками А.Н. Демидова [12, с. 25–26]. В связи с этим А.Г. Шапошников также отнюдь не горел желанием снабжать гарнизонные команды А. Бибиикова солью, ссылаясь на то, что «на покасанные команды Ея Императорского Величества из Сибирской губернской канцелярии указов и генералитетских ордеров (от генерал-майора Х.Х. Киндермана. – Д.Б.) не имеетца, да и на прежния обретающиеся в Кузнецке команды той соли давано не было»¹⁸. Однако новый командир «кузнецких» рот Новоучрежденного полка не принял такого отказа и действовал решительно. По всей видимости, он обратился к командиру Верх-Иртышских крепостей Тимофею Зарину с просьбой повлиять на несговорчивого кузнецкого воеводу. В промемории полковник потребовал от А.Г. Шапошникова выдать муку, крупы и соль на подразделения, расквартированные в укреплениях по Иртышу, подразумевая, что часть соли будет передана «кузнецким» ротам¹⁹. Однако даже привлечение столь высокопоставленного и авторитетного лица, как Т. Зарин, не дало мгновенных результатов: воеводская канцелярия не спешила что-либо предпринимать, ссылаясь на отсутствие соответствующих ордеров от Х.Х. Киндермана. В дальнейшем тема соли на полтора месяца выпала из фокуса административного курса, лишь в самом конце 1745 г. А.Г. Шапошников, находясь под жесточайшим прессингом военных властей, предписал «сол требуемое число тритцат фунтов отпустить»²⁰.

Еще до разрешения вопроса с солью А. Бибииков усилил давление на уездные власти. В другом требо-

¹⁰ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 293. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 2 об.

¹² Там же. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 8.

¹⁴ Там же. Л. 45.

¹⁵ Там же. Л. 32–33.

¹⁶ Там же. Л. 37.

¹⁷ В некоторых источниках он упоминается как «Андрей», хотя сам подписывался «Аврам».

¹⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 288. Л. 11.

¹⁹ Там же. Л. 42–42 об.

²⁰ Там же. Л. 50 об.

вании в Кузнецкую воеводскую канцелярию в октябре 1745 г. он предъявил, «чтоб повелено было на строение оным касенным драгунским подемным лошадям на конюшины отпустить... лесу без замедления»²¹. Градус дискуссии явно накалялся, поскольку А.Г. Шапошников представил ответ в откровенно раздраженной манере: «по справке имеетца лесу, при реке на берегу приуготовленного кузнецкими обывателями на строение магазинов, и то малое число, и оной потребен к тому магазинному и городовому строению, а кроме того лесу в Кузнецку не имеетца... Того ради, вашему благородию, за известие сообщаетца и при сем же объявляетца, что покасанного имеющегося приуготовленного лесу на строение конюшен отправить невозможно... и ежели оной лес на строение конюшен отдал, а оной потребен будет... касенные поделки тогда уже оного до вешнего времени, и всят бе де негде, и тако во оном последует остановка. К тому же на строение означенных конюшен потребного лесу должно дабычею в Кузнецк поставит драгунами, а не от Кузнецкой воеводской канцелярии требовать, и господин капитан Бииков о вышеписанном благоволит быть известны»²².

В выстраивании линии и динамике взаимоотношений гражданских и военных структур в Кузнецком уезде в конце 30-х – середине 40-х гг. XVIII в. следует выделить несколько ведущих тенденций. Прежде всего, это скрытая конкуренция между административными институтами различной отраслевой принадлежности. Транслировавшийся центральными, а также региональными властями и перманентно нараставший приоритет военно-ведомственного управления заставлял глав уезда, пользуясь отсутствием четких законодательных разграничений, оказывать давление на военных командиров с целью сохранения собственных статусных позиций. Однако исход этого противостояния зависел от личного присутствия капитанов «кузнецких» рот в пределах Кузнецкого уезда. Курс руководителей воинских команд в Верхнем Приобье в отношении воевод не был до конца последовательным и напрямую зависел от личности конкретного командира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бобров Д.С.* Политико-правовые механизмы освоения Российским государством Верхнего Обь-Иртышья (Алтая) в первой половине XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук; Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2017. 252 с.
2. *Дмитриев А.В.* Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796): особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 528 с.
3. *Громыко М.М.* Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и сельскохозяйственное освоение. Новосибирск: Наука, 1965. 265 с.
4. *Колесников А.Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 440 с.
5. *Быконя Г.Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. 300 с.

²¹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 288. Л. 16.

²² Там же. Л. 19.

6. *Акишин М.О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск: Древлехранилище, 2003. 408 с.

7. *Шаходанова О.Ю.* Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI – начале XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень: Тюм. гос. ун-т., 2000. 190 с.

8. *Гергилев Д.Н.* Развитие системы административного управления Сибирью в XVIII – первой трети XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2010. 30 с.

9. *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: «Развивающее обучение», 1998. 203 с.

10. *Ананьев Д.А.* Воеводское управление в Сибири в XVIII в. Новосибирск: Сова, 2005. 264 с.

11. *Бородаев В.Б., Контев А.В.* У истоков истории Барнаула. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. 336 с.

12. *Бобров Д.С.* Кольванские заводы в политике кузнецких воевод во второй четверти XVIII в. // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2017. № 4. С. 23–29. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-4-23-29.

13. *Соболева Т.Н., Разгон В.Н.* Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.): управление и обслуживание. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. 258 с.

14. *Жеравина А.Н.* Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 322 с.

15. *Пережогин А.А.* Военизированная система управления Кольванско-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 264 с.

16. *Огуцов А.Ю.* Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск: Ин-т истории и археологии УрО АН СССР, 1990. 23 с.

17. *Огуцов А.Ю.* На Кузнецкой линии // Кузнецкая старина. 2007. Вып. 9. С. 40–67.

18. *Муратова С.Р.* Сибирские укрепленные линии в XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук; Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2007. 241 с.

19. *Зуев А.С.* Штатная реформа сибирского казачества 1737 г. // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 1. С. 22–27.

20. *Контев А.В.* Формирование вооруженных сил на Иртышской пограничной линии в середине 1740-х гг. // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2016. № 4. С. 51–56. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-51-56.

21. Теория и методология истории: учебник для вузов / отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. 504 с.

22. *Исупов С.Ю.* Крепость Бийская – есть главная... Барнаул: Азбука, 2009. 302 с.

23. *Исупов С.Ю.* Роль Бийской крепости в военно-колониационной политике Российской империи на Алтае в первой половине XVIII в. // Известия Алт. гос. ун-та. Сер.: история, политология. 2010. № 4, т. 3. С. 91–94.

24. *Исупов С.Ю.* Приказчики и коменданты Бийской крепости // Бийские градоначальники: исторические очерки. Бийск: Типография БПГУ, 2002. С. 11–21.

REFERENCES

1. *Bobrov D. S.* Political and legal mechanisms of developing the Upper Ob-Irtysh area (Altai) by the Russian state in the early XVIII century: dissertation. Barnaul, 2017, 252 p. (In Russ.)
2. *Dmitriev A. V.* Russian regular army in Siberia (1725–1796s): soldiery features at eastern outskirts of the Russian Empire in the XVIII century. Moscow, Saint Petersburg, 2017, 528 p. (In Russ.)
3. *Gromyko M. M.* West Siberia in the XVIII century. Russian population and agricultural development. Novosibirsk, Nauka, 1965, 265 p. (In Russ.)
4. *Kolesnikov A. D.* Russian people of West Siberia in the XVIII – early XIX centuries. Omsk, Zap.-Sib. kn. Izd-vo, 1973, 440 p. (In Russ.)

5. Bykonya G. F. Russian tax-exempt population of East Siberia in the XVIII – early XIX centuries (formations of the military bureaucratic nobility). Krasnoyarsk, Izd-vo Krasnoyar. Un-ta, 1985, 300 p. (In Russ.)
6. Akishin M. O. Russian absolutism and administration of Siberia in the XVIII century: structure and stuff of the state machinery. Moscow, Novosibirsk, Drevlekhranilishche, 2003, 408 p. (In Russ.)
7. Shakhodanova O. Yu. Central and local governing bodies in West Siberia in the late XVI – early XVIII centuries: diss. Tyumen, 2000, 190 p. (In Russ.)
8. Gergilev D. N. The administration management system development in Siberia in the XVIII –first third of XIX centuries: diss. abstr. Kemerovo, 2010, 30 p. (In Russ.)
9. Vershinin E. V. The voivode governance in Siberia (the XVII century). Ekaterinburg, Razv. obucheniye, 1998, 203 p. (In Russ.)
10. Anan'ev D. A. The voivode governance in Siberia in the XVIII century. Novosibirsk, Sova, 2005, 264 p. (In Russ.)
11. Borodaev V. B., Kontev A. V. The early history of Barnaul. Barnaul, Alt. poligr. Kombinat, 2000, 360 p. (In Russ.)
12. Bobrov D. S. Kolyvan plants in the policy of Kuznetsk voivodes in the second quarter of the XVIII century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 4, pp. 23–29. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-4-23-29. (In Russ.)
13. Soboleva T. N., Razgon V. N. Essays on the history of Cabinet economy in the Altai (the late XVIII – early XIX century): management and maintenance. Barnaul, Izd-vo Alt. gos. Un-ta, 1997, 257 p. (In Russ.)
14. Zheravina A. N. The cabinet household in Siberia (1747–1861). Tomsk, Izd-vo Tom. Un-ta, 2005, 322 p. (In Russ.)
15. Perezhogin A. A. The militarized administration system of the Kolyvan-Voskresensk (Altai) mining district (1747–1871). Barnaul, Izd-vo Alt. gos. Un-ta, 2005, 262 p. (In Russ.)
16. Ogurtsov A. Yu. Military and engineering policy of Russia in southern West Siberia in the XVIII century: diss. abstr. Sverdlovsk, 1990, 260 p. (In Russ.)
17. Ogurtsov A. Yu. At the Kuznetsk Line. *Kuznetskaya starina*, 2007, no. 9, pp. 40–67. (In Russ.)
18. Muratova S. R. Siberian fortified lines in the XVIII century: diss. Ufa, 2007, 241 p. (In Russ.)
19. Zuev A. S. A regular reform of the Siberian Cossacks in 1737. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serya: istoriya, filologiya*, 2007, no. 6, pp. 22–27. (In Russ.)
20. Kontev A. V. Formation of military forces at the Irtysh boundary line in the mid-1740s. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 4, pp. 51–56. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-51-56. (In Russ.)
21. Alexeev V. V., Kradin N. N., Korotaev A. V., Grinin L. E. (eds.) Theory and methodology of history: a textbook. Volgograd, Uchitel', 2014, 504 p. (In Russ.)
22. Isupov S. Yu. Biysk fortress is the main one. Barnaul, Azbuka, 2009, 302 p. (In Russ.)
23. Isupov S. Yu. Place of the Biysk fortress in the military and colonizational policy of the Russian Empire in Altai in the early XVIII century. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Serya: istoriya, politologiya*, 2010, no. 4, pp. 91–94. (In Russ.)
24. Isupov S. Yu. Biysk Fortress prikazchiks and commandants. *Biyskie gradonachal'niki: istoricheskie ocherki*. Biisk, 2002, pp. 11–21. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 30.09.2019

DOI: 10.15372/HSS20190403
УДК 94(571.56)“1775/1803”

А.А. БОРИСОВ

ЯКУТСКОЕ ЧИНОВНИЧЕСТВО В 1775–1803 гг.

Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН
РФ, 677027 г. Якутск, ул. Петровского, д.1

Статья посвящена истории якутского чиновничества в период реализации губернской реформы 1775 г. в Якутии. Показано, как изменения системы управления, происходившие в период преобразования Якутского уезда в Якутскую область, а затем ее упразднения, влияли на судьбы местных чиновников. Анализируются численность и социальный состав якутского чиновничества, рассматриваются некоторые его социокультурные характеристики. Освещаются источники его формирования: выходцы из дворянства, приказных людей, казачества, мещан. Показано разнообразие их мест выхода – из разных регионов Российской империи. Кроме того, отмечены лица с якутским корнями, что позволяет проследить процесс формирования потомственных чиновников, служивших на Якутской земле.

Ключевые слова: якутские чиновники, губернская реформа 1775 г., местное управление, Якутская область, государственная служба.

A.A. BORISOV

YAKUT BUREAUCRACY IN 1775–1803

Institute of humanities and the indigenous
peoples of the North of SB RAS,
1 Petrovskogo st, Yakutsk, 1677027, Russia

The Provincial reform of Catherine II started in Russia in 1775. On the local level, its implementation led to forming governorships and provinces. In Yakutia, a provincial administration was formed as part of the Irkutsk governorship. Until that period, the Yakut Voivode administration existed here with a small administration staff of officers engaged mainly in collecting *yasak* (fur tax). The local staff increased markedly when the Yakutsk province was created in 1783. The regional government structure was formed in accordance with the provisions of Provincial reform: Upper and Lower *Raspravas* (Justicement offices), Conciliar Court, Magistrate, *Zemsky* Lower Courts, County Courts, and Treasury. The staff of the Yakut bureaucracy increased quickly to 200 people excluding family members of officials by the late XVIII century. Nobles prevailed among them, who came from different regions of the country: the central and Volga regions, Baltic states, Siberia.

The measures taken by government of Catherine II to recruit the nobility to the public service, were clearly manifested in the province, particularly in Yakutia. Many nobles were attracted by the opportunity to make a career in connection with formation of the Irkutsk governorship despite the remoteness and severe climatic conditions. The position of Yakut nobility weakened significantly, as they lost former sources of income due to abolition of the local noble staff.

The Yakut bureaucracy was recruited from other classes as well: the Cossacks, clerical staff, bourgeois, non-Orthodox Yakuts. Many military servicemen, participants of the recent Russian military companies in the North Caucasus, Chukotka, arrived here. Among the Yakut bureaucracy there were many representatives of titled nobles, up to the 5th class rank according to the “Table of Ranks”. They got families here, some of them settled down for a long time. During this period a group of local hereditary bureaucracy began to form. It is of interest, that non-Orthodox Yakuts were attracted to the public service as assessors in the Upper *Rasprava* (court) for the first time just in the studied period. In general, the quite significant bureaucratic layer was formed in Yakutian local community under the influence of Provincial Reform of 1775.

Key words: Yakut officials, Provincial Reform of 1775, local government, Yakut province, public service.

Андрян Афанасьевич Борисов — д-р ист. наук, главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, e-mail: a_a_borisov@mail.ru

Andrian A. Borisov – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of humanities and the Indigenous Peoples of the North of SB RAS

История русской государственности в Якутии неразрывно связана с представителями сферы государственного управления России – русскими служилыми и приказными людьми (как их называли в ранний период), чиновниками местных органов власти воеводских канцелярий, окружных комиссарств, земских и уездных судов. До сих пор из представителей русского населения края больше известно о русских крестьянах, отчасти о казачестве, но особенно много о ссыльных, в большом количестве поступавших в этот отдаленный холодный край. Напротив, представители власти, чиновники местного областного управления, изображенные чаще всего как «реакционеры», «прислужники царизма», оказались практически в забвении, хотя некоторые из них навсегда связали свою судьбу с Якутией. Между тем в литературе известны факты настоящего подвижничества чиновников якутского провинциального и областного управления в деле освоения и изучения края [1, с. 17–48], не говоря уже о том, что в истории просвещения их роль трудно переоценить.

Рассматриваемый период в истории северо-востока Азиатской России интересен и актуален для современной историографии в значительной степени в связи с коренными преобразованиями в истории управления, происходившими здесь. Изменялись формы регионального управления. В 1775 г. в России началась губернская реформа. Прежняя форма уездного управления сменилась вначале на провинциальную, а затем на областную. Такие заметные изменения не могли не затронуть судьбы местного чиновничества.

Под влиянием Манифеста о даровании вольности российскому дворянству 1762 г. дворяне-чиновники получали право свободного выбора в своей деятельности [2, с.499]. Усилился приток военных на статскую службу [3, с.126–144]. В Якутии в связи с ее геополитическим положением как форпоста в освоении тихоокеанского побережья северо-востока Азии и Северной Америки отмеченная тенденция также нашла свое проявление.

В 1762 – 1802 гг. наметилась тенденция к снижению доли дворянства среди чиновничества [4, с.19], а «главным и наиболее работоспособным элементом этого своеобразного «сословия» были дети канцеляристов и лиц духовного звания», и «именно с этой категорией служащих, находившихся на низших исполнительных должностях, постоянно соприкасалось население, по ее действиям судило о власти и силе закона в стране, от нее зачастую зависели честь, достоинство, а порой и жизнь граждан России»¹. В Якутии немалую роль играл и этноконфессиональный фактор, впервые в рассматриваемое время представители коренного, нерусского населения стали привлекать-

ся к государственному к управлению именно на этих «низших исполнительных должностях». С учетом сказанного в настоящей статье основное внимание уделяется личному составу, численности, а также некоторым социокультурным характеристикам якутского чиновничества.

Среди работ XIX в., посвященных рассматриваемой проблеме, следует отметить рукопись якутского купца И.С. Москвина «Воеводы и начальники г. Якутска и их действия» [5, с.165–202]. Рукопись была опубликована после смерти автора, она примечательна тем, что в ней впервые в хронологическом порядке изложены некоторые события из жизни и деятельности якутских воевод, комендантов, городничих и некоторых областных начальников.

Д.М. Павлинов, прокурор Якутского окружного суда в 1860-1870-х гг., включил материалы из рукописи коллежских асессоров, расправного судьи И. Эверса и исправника С. Горновского, служивших долгое время в Якутске, в виде приложения к своей статье, посвященной обычному праву якутов [6, с.1–46].

В советское время первый якутский историк Г.А. Попов писал: «значительной частью населения города [Якутска] являлись служащие (чиновники) и духовенство. Первые состояли, главным образом, из выходцев сибирских и европейских городов России. Часть из них оседала в Якутске надолго, большинство же уезжало обратно. Обычно этот приезжий элемент привлекался сюда преимуществами сибирской службы: прогоны, подъемные, денежные прибавки к зарплате за сибирскую службу и т. д.» [7, с. 78–79]. Указанной проблемой интересовался Ф.Г. Сафронов, рассмотревший изменения в местном управлении Якутии – образование вначале провинциального, затем областного управления, а в конце XVIII в. упразднение последнего. Им приведены сведения об изменениях в штатах чиновников на основании изданных законов [8, с.32–36]. В его монографии речь в основном идет о казачестве и крестьянстве, а при описании городского населения чиновничеству уделено весьма скромное место. В одной из последних своих работ Ф.Г. Сафронов пишет о первых лицах Якутского края – с момента основания Якутского острога до упразднения Якутской области в 1917 г. [9, с.37–38]. При этом он опирается на упомянутое сочинение И.С. Москвина. Из чиновников, служивших в рассматриваемое время, уделяется внимание только вилюйскому городничему Ивану Кардашевскому.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ И ЧИСЛЕННОСТЬ ЧИНОВНИКОВ

Согласно «Комплексной описи подворий города Якутска на основе «Экспликации обывательского домового строения» к высочайше утвержденному «Плану 1770 г.» [10, с. 5–87], в г. Якутске проживало 19 чиновных горожан. Воеводой служил Дмитрий Афросимов, товарищем воеводы дворянин Иван Старостин, но они почему-то на тот момент оказались

¹ Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX // URL: <http://statehistory.ru/4708/Rossiyskiy-chinovnik-na-sluzhbe-v-kontse-XVIII---pervoy-polovine-XIX-veka/#14> (дата обращения: 15.02.2019).

не включены в список обывателей города. В штате якутской воеводской администрации числились: один коллежский секретарь, два коллежских асессора, один секретарь, два регистратора, семь канцеляристов, один лекарь. Пять человек не имели классов чина: копиист, двое «присыльных», двое учеников [10, с. 88]. Двое чиновников были отставными. Всего штатных чиновников было около 20 чел. Отметим, кроме того, что среди обывателей города значились 34 дворянина и детей боярских, 126 казаков, 35 солдат и офицеров [10, с. 88–91]. Из их состава могли комплектоваться штаты администрации, но тогда этот процесс только начинался.

В первые годы губернской реформы в якутской администрации служило до полутора десятков чиновников в классных чинах. Так, в 1777 г. числилось 10 таких чиновников, не считая 4 офицеров и секретарей, служивших в Охотске и Камчатке². Среди них были не только чиновники в статских чинах, но и военные: два секунд-майора, один премьер-майор, два капитана, один капитан-лейтенант флота.

В Якутске согласно «Росписанию» по утвержденному императрицей сенатскому докладу «О новом разделении Иркутской губернии на провинции, воеводства и комиссарства и о назначении для правительственных мест городов и местечек» от 31 января 1775 г., как в «провинциальном городе, у исправления должностей быть присутствующим приказным и прочих чинов столько и на таком же жаловании, сколько оных по апробированному 1763 года штату в провинциях быть»³. По «Штату генеральному на все провинциальные канцелярии» полагалось 25 чиновников⁴: кроме двух воевод, прокурора, двух секретарей, протоколиста, регистратора, четырех канцеляристов, пяти подканцеляристов, пяти копиистов еще вводились должности переплетчика, двух сторожей, палача.

В Жиганском зимовье учреждалось комиссарство в составе комиссара обер-офицерского чина и копииста. В Верхоянском зимовье также организовывалось комиссарство, в штате которого предусматривались комиссар в том же обер-офицерском чине, подканцелярист и копиист; в Среднеколымском зимовье создавалось комиссарство, но с несколько большим штатом, включавшим комиссара – обер-офицера, канцеляриста, подканцеляриста, копииста, сторожа. Еще больший штат создавался в Олекминском комиссарстве с центром в Олекминском остроге, а именно: комиссар – обер-офицер, канцелярист, два подканцеляриста, два копииста, сторож; штаты Верх-Вилуйского зимовья

состояли из комиссара – обер-офицера, подканцеляриста, копииста⁵. Таким образом, в 1770-х гг. в Якутском уезде находилось около 40 чиновников и приказных служителей.

В 1780 г. в штате Якутской провинции числилось 20 чиновников в классных чинах⁶. Рассмотрим, что изменилось в этой сфере и с чем это было связано. При якутском воеводе вместо одного секретаря теперь стало два секретаря. Появились новые должности: «у прививания оспы» лекаря, которую занял Григорий Кривецкий, и «у описания дорог и сочинения карт планов», которую исполнял геодезии подпоручик Яков сын Федоров. В Якутской ратуше, появившейся в 1779 г., кроме бургомистра Дмитрия Кондикова, стало два ратмана – Федор Макаров и Зотик Протодьяконов, а также добавились голова, сибирский дворянин Алексей Новгородов, и депутат – прапорщик Алексей Данилов. На местах все пять вакансий комиссаров были заполнены, ранее имелось только по три комиссара.

Самые заметные изменения произошли с образованием в 1783 г. Якутской области. В новом штате якутской администрации стал числиться 71 чиновник, т.е. произошло увеличение в 3,5 раза⁷. Вместо прежних пяти комиссарств было создано столько же уездов – Якутский, Олекминский, Оленский, Жиганский, Зашиверский и было упразднено Алданское воеводство, при этом уездные центры были преобразованы в города [8, с.35]. Эти преобразования явились реализацией положений реформы 1775 г., в частности, введения принципа разделения властей. Воеводская канцелярия, ранее выполнявшая все эти функции, была упразднена. В связи с повышением административного статуса и уездов (прежних комиссарств) изменилась структура уездного управления. Над областью был поставлен комендант, первым комендантом назначен подполковник Александр Маркловский, а во всех городах – городничие, причем в некоторых городах – в чине надворного советника.

Административное управление осуществляли на уровне области Якутская верхняя расправа, в уездах – нижние земские суды. Во главе первой стоял председатель, надворный советник Степан Лобысевич, а во главе последних – исправники со своим штатом чиновников. Судебная власть была сосредоточена в совестном суде, губернском магистрате, в уездных нижних расправах. Большую власть имели прокурор, также в чине надворного советника, стряпчие, числившиеся в губернском магистрате, а также расправные судьи в уездах в чине коллежских асессоров. Финансовая часть также была обособлена: должность областного казначея исполнял капитан Михаил Горохов, в каждом уезде вводились уездные казначеи.

² Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1777. СПб., 1777. С.304–305. Как известно, с 1731 г. эти земли в составе особого Приморского правления были выведены из-под ведения якутских властей, хотя на протяжении второй половины XVIII в. предпринимались безуспешные попытки вернуть их обратно. Поэтому в статье данную группу чиновников мы не рассматриваем.

³ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 20, № 14 242. С. 34.

⁴ Там же. Т. 44: Кн. штатов. Ч. 2. Отд. IV. С.69.

⁵ Там же. Т. 20, №14 242 С.34–39.

⁶ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1780. СПб., 1780. С. 436–437.

⁷ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1785. СПб., 1785. С. 374–376.

В последний год существования Якутской области в 1796 г. (до ее закрытия по указу Павла I) в штате областного управления оставалось 42 чиновника в классных чинах⁸. Тенденция уменьшения штата намечалась и раньше.

В губернском магистрате и в верхней расправе произошло деление на департаменты (по два в каждом), появились вакантные должности председателей (2-го департамента в магистрате и 2-го департамента в расправе). Открылось много вакансий в Якутском и Жиганском нижних судах, в Якутской, Олекминской и Зашиверской нижних расправах, оленского и жиганского городничих и т.д.

С упразднением Якутской области численность штатных чиновников существенно не изменилась, даже произошло увеличение до 45 чел⁹. Были ликвидированы комендантская должность, совестный суд, губернский магистрат, верхняя расправа и областное казначейство. Все чиновники служили теперь только в уездных органах власти.

В уездах вместо нижних расправ появились уездные суды. Этим объясняется сохранение на одном уровне численности чиновников Якутского уезда. Из прежнего состава областного управления осталось 18 чиновников. Только 6 чел. остались на прежних должностях и на прежних местах службы. Больше половины личного состава местных чиновников сменилось (27 чел.). Как показывают источники, изменился и качественный состав якутского чиновничества, в основном мы имеем в виду только классных чиновников. Что касается общего количества якутского чиновничества, то пока мы можем дать лишь примерные оценки. Так, в Зашиверском уезде согласно финансовым ведомостям, в 1796 г. состояло 25 чиновников разного ранга от городничего до копиистов¹⁰. Таким образом, если предположить, что в четырех других уездах было столько же чиновников и к этому числу добавить чиновников бывшей Якутской области за 1783–1796 гг., то общая численность якутского чиновничества в изучаемый период находилась в пределах 200 чел. Учитывая, что среди них были женатые люди с детьми, можно сделать вывод о том, что эта группа населения стала заметной не только в составе русского населения области.

НЕКОТОРЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Как уже отмечалось, в Якутии служили чиновниками и представители родового дворянства. Если в до-реформенный (до реформы 1775 г.) период комиссары на местах находились в чине секунд-майора и кол-

лежского асессора, а первые лица (воеводы) – в чине коллежского советника, то после реформы произошло повышение в чине якутских чиновников (классные чины). В 1785 г. в составе областного управления было 5 надворных советников, а третий (по времени) комендант области Григорий Козлов-Угренин заступил на эту должность в чине полковника. В 1789 г. к пяти надворным советникам добавился один коллежский советник Иван Ланской – председатель Якутского губернского магистрата. К 1796 г. последний уже служил в чине статского советника – фактически в более высоком чине, чем якутский комендант.

Коллежский советник Данила Петрович Озеров (1727–1783), бывший в 1778–1783 гг. воеводой Якутской провинции, в молодости служил в лейб-гвардии Семеновском полку. Неудивительно, ведь его отец Петр Гаврилович Озеров был племянником деятеля Петровской эпохи, стольника Ивана Григорьевича Озерова. Дворянский род Озеровых известен с середины XVI в. До своего приезда в Якутск Данила Озеров служил первым товарищем архангелогородского губернатора (1768–1773), а затем – вице-губернатором в Иркутске. Владел поместьями, в частности селом Плещеево в Вяземском уезде¹¹. Иван Баннер был горным инженером (ум. 1816), выходцем из Дании, впоследствии служил в Кадьякской конторе РАК, участвовал в переговорах с чукчами и сумел склонить их к принятию формального российского подданства¹².

Коллежский асессор Степан Валь (1761 – ?) происходил из обер-офицерских детей, начал службу в лейб-гвардии Преображенском полку, дослужился до поручика и по болезни был уволен. Прибыл в Якутск с открытием Иркутского наместничества и Якутской области в 1783 г., где получил чин коллежского асессора и был определен дворянским заседателем в Жиганский нижний земский суд. Женат на дочери казачьего сотника¹³. Впоследствии выслужил чин надворного советника, был городничим в Якутске в 1803–1805 гг. Известно также, что, выйдя в отставку в 1810–1830 гг., он занимался сельским хозяйством. С этих пор фамилия Валь стала распространенной в крае.

Среди чиновников, прибывших в Якутск с образованием области, многие в прошлом были военными. Например, титулярный советник Иван Подчертков (родился в 1748 г.), российский дворянин, в Псковском наместничестве, в Холмском уезде имел 30 душ крепостных крестьян. Начал службу в Вологодском пехотном полку в 1768 г. В 1774 г. сержант И.Подчертков по болезни был переведен с полевой на гарнизонную службу. В 1775 г. уволен в отставку в чине прапорщика. До переезда в Якутскую область и занятия должности жиганского исправника служил

⁸ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1796. СПб., 1796. С. 359–361.

⁹ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1802. СПб., 1802. С. 291–292.

¹⁰ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (далее НА РС (Я)). Ф.184-и. Оп.1. Д.1. Л.2–3 об., 8 – 10 об., 27–30 об., 48 – 48 об.

¹¹ Независимая территория // URL: <http://www.vyazma.name/f36/staraya-vyaz-ma-173-23-print.html?pp=40> (дата обращения: 07.02.2019); Российский родословный фонд //URL: <http://www.rgfond.ru/person/34587> (дата обращения: 07.02.2019)

¹² Традиция. Русская энциклопедия. //URL: https://traditio.wiki/Иван_Иванович_Баннер (дата обращения: 19.02.2019).

¹³ НА РС (Я). Ф. 178-и. Оп. 1. Д. 69. Л. 2 об.–3.

в Архангелогородской портовой таможне гавань-мейстером¹⁴. Боевым офицером был и коллежский асессор Алексей Ачкасов (1759 — 1824) — российский дворянин, за отцом которого в Казанском наместничестве числилось 5 душ крепостных крестьян. Как и многие дворянские дети, очень рано, уже в 1768 г., считался на службе в чине капрала. Прапорщиком принял участие в военных действиях на Моздокской линии на Северном Кавказе. В течение 1779 г. участвовал по меньшей мере в 6 сражениях против «волнующихся черкес». Так, 10 мая 1779 г. во время отражения нападения на Екатерининскую крепость во главе 40 егерей и 70 казаков «обратил неприятеля в бег». В 1780 г. был произведен в поручики, в 1783 г. вышел в отставку. До того как быть определенным на службу во вновь открытый город Жиганск, по приказу коменданта Маркловского был командирован на Север для описания р. Оленек, где в сильную стужу обморозил ноги¹⁵. Канцелярист Якутской провинциальной канцелярии Осип Остренин, происходивший из казачьих детей, в 1744 — 1760 гг. участвовал в походах против чукчей в составе гарнизона Анадырского острога. Был ранен стрелой, с 1776 г. находился на государственной службе. Женат на дочери казачьего сотника Anne Андреевой¹⁶.

География первоначальных мест службы чиновников, прибывших в Якутскую область, начиная с 1784 г., весьма обширна. Как уже отмечалось, чиновники приезжали сюда из Европейской России — Вяземского уезда, Псковского и Казанского наместничеств. Губернский секретарь Якутского нижнего земского суда Сильвестр Емельянов, прежде чем прибыть на службу на Север, служил в канцелярии городничего г. Дорогобуж Смоленского наместничества. До своего нового назначения он был уволен со службы по болезни¹⁷.

Поступившие на службу в начале 1780-х гг. во 2-й департамент Якутской верхней расправы председателем, секретарем и канцеляристом чиновники ранее служили в Москве. Например, коллежский асессор Федор Бурцев и губернский секретарь Иван Крылов, прежде чем отправиться в Якутию, служили в Московском губернском правлении. Первый происходил из приказных людей, а второй — из духовного звания¹⁸. Третий из московских чиновников Спиридон Судейкин — служил в московской канцелярии в 1756-1761 гг. и был представителем российского дворянства. Его необычная судьба могла бы стать сюжетом приключенческого романа. Дело в том, что он был отправлен в Охотск в 1765 г. вместе с походной канцелярией главного командира Федора Пленийсера. В 1770 г., находясь уже в Камчатской Большерецкой канцелярии, был «увезен силой» взбунтовавшимися ссыльными во главе с баро-

ном Августом Беньевским¹⁹. Об этом имеются сведения в научной литературе [11, с.30–32]. Затем Судейкин попал в число иркутского чиновничества, из среды которого рекрутировались прежде всего приказные люди Якутского уезда.

Известна семья Петровых, на протяжении поколений находившаяся на государственной службе. Один из первых ее представителей Дий Петров служил в Селенгинской воеводской канцелярии, затем в Иркутске канцеляристом, а в 1774 г. за хорошую службу был переведен секретарем в Якутскую воеводскую канцелярию²⁰. Его сын Михаил Петров вначале в служил Иркутской губернской канцелярии копиистом в 1776 г., затем был переведен в Алданскую воеводскую канцелярию, в 1783 г. вновь возвращен в Иркутск в уголовную палату, в 1794 г. служил киренским городничим, в 1797 г. оказался в Якутии — в должности секретаря в Зашиверском уездном суде. Был женат, а сыновья его, как записано в формулярном списке, обучались писать и словесной грамоте²¹. Как видим, чиновники нередко перемещались между Иркутском и Якутском с одного служебного места на другое.

В составе якутского чиновничества были представители других категорий сибирского служилого сословия. В Олекминском нижнем земском суде в 1785 г. исправником в чине капитана служил князь Федор Иванович Пельымский²², который в 1781–1783 гг. служил также капитаном и комиссаром в Иркутском коммерческом комиссионерстве, одновременно был почтмейстером в почтовой экспедиции²³. В 1789–1792 гг. он в том же чине служил городничим в Баргузине в Нерчинской области²⁴. Его отец князь Иван Яковлевич Пельымский, происходивший из числа обрусевшей знати остяков, был известной личностью — в 1765 г. — поручик, в 1773 г. — титулярный советник, а в 1780–1781 г. — коллежский асессор, воевода в Красноярске Енисейской провинции²⁵.

Надворный советник Иван Алексеевич Эверс (род. в 1756 г.) стал автором «Записки о состоянии Якутской области» и проекта об ее устройстве (1797 г.), которая несколько лет рассматривалась в Се-

¹⁹ Там же. Д. 58. Л. 21 об.–23.

²⁰ Там же. Д. 66. Л. 2-2 об., 5–5 об.

²¹ Там же. Д.83. Л. 5–6.

²² Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1785. С. 375.

²³ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1781. СПб., 1781. С. 394; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1782. СПб., 1782. С. 449.

²⁴ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1789. СПб., 1789. С.311; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1792. СПб., 1792. С. 334; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1783. СПб., 1783. С. 463.

²⁵ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1780. СПб., С. 431; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1781. СПб., 1781. С.393.

¹⁴ НА РС (Я). Ф.178-и. Оп.1. Д. 69. Л. 11 об.–12.

¹⁵ Там же. Л.13 об.–14.

¹⁶ Там же. Л. 5 об.–6.

¹⁷ Там же. Д. 69. Л.4 об.–5.

¹⁸ Там же. Л. 20 об.–22.

нате и Комитете министров²⁶. Происходил из лифляндских дворян, из обер-офицерских детей. Начал службу в дворянском штате г.Якутска в 1772 г. Был комиссаром, почтмейстером, возглавлял якутских дворян. С 1778 г. – «при следственных делах над якутами», а в 1780 г. «для склонения ясажных к принятию на себя поставки в Охотск казенного провианта». С 1784 по 1794 г. служил расправным судьей в чине коллежского асессора в Якутском нижнем суде. Был женат на казачьей дочери, имел в Якутске дворовых людей – 9 душ муж. пола и 13 душ жен. пола²⁷. Таким образом, вся его служба была связана с Якутией. Дмитрий Собакин (1731 – ?), коллежский регистратор, происходил, по-видимому из местных служилых людей. В 1745 г. начал службу казаком, а в 1756 г. определен копиистом в Якутскую воеводскую канцелярию. В 1775 – 1784 гг. служил в провинциальной канцелярии «для произведения письменных дел» и разбора архива. Затем до 1797 г. был повытчиком в Якутской верхней расправе, после упразднения области определен в Якутский уездный суд и в конце концов дослужился до чина коллежского регистратора. Сын его, тоже Дмитрий Собакин, служил чиновником на должности канцеляриста в том же суде²⁸. О дворянах Собакиных сохранились сведения в якутском фольклоре.

Часть якутского чиновничества составляли выходцы из якутских дворян и детей боярских, штат которых численностью до 50 чел. был определен губернатором Долгоруковым в 1725 г. и по «рописанию» 1737 г. В их служебные обязанности входили сбор ясака, сопровождение ясажной казны в Москву в императорский кабинет, отвоз провианта, почта, казенный прием и откуп вина и водки, разбор споров между русскими и иноверцами. Из их среды назначались воеводы, товарищи воевод, секретари, казначеи со штаб- и обер-офицерскими чинами. Поскольку у них не было во владении крестьян, им было назначено жалованье. В Якутске к 1802 г. осталось 16 дворян и 34 детей боярских. Из-за притеснения ясажных по указам Екатерины II в 1764, 1766–1768 гг. секунд-майор Алексей Щербачев и воевода Мирон Черкашенинов подвергли некоторых дворян расследованию и наказанию, они были выселены из якутских улусов и жилища их были уничтожены. Спустя годы голова якутского дворянского штата Иван Аммосов безуспешно подавал прошение от 20 февраля 1802 г. в Сенат о восстановлении штата²⁹.

«Потомки первых покорителей, как уже объяснено, лишённые прежних льгот, пришли в бедность и принуждены были оброчить земли, прежде пожалованные им, а теперь занимаемые якутами. Так как в 1784 и 1788 гг. были неурожаи трав, то цены настолько возвысились, особенно по открытии области, когда наехало много чиновников, также нуждавшихся

в земле, что вместо 1 рубля за десятину приходилось платить от 5 до 10 рублей. При дороговизне же жизненных продуктов они принуждены были совсем оставить дома и Якутск и разбрелись по улусам, живя в услужении у якутов и составляя презренный класс балыксит, т.е. рыболовов из бедности», – отмечали И.Эверс и С.Горновский³⁰.

Следует отметить и случаи приема на государственную службу представителей из других сословий – например, мещан. Так, в 1786 г. во 2-й департамент Якутской верхней расправы был принят «для письма» по его желанию мещанин Алексей Третьяков по причине неполноты штатов³¹.

В Якутске в земском суде, верхней и нижней расправах с 1784 г. стали служить сельские заседатели из якутов, в первых двух учреждениях по два, а в последнем – трое. В чины их не производили, но они получали жалованье, а поручения исполняли те же, что и дворянские заседатели [12, с.264]. Так, в 1780-х гг. сельскими заседателями 2-го департамента Якутской верхней расправы служили якутские князцы из Кангаласского улуса Абрам Идельгин и Илья Шадрин [13, с.38–39, 42]³², из Ботурусского улуса Леберия Байгин и Тоборар Хайчин³³. Известны трудности, сопровождавшие их службу. Из-за удаленности местожительства и необходимости управлять своими скотоводческими хозяйствами якутские заседатели часто брали отпуск.

По мнению А.Б. Каменского, «многие историки, писавшие о губернской реформе 1775 г., делали особый акцент на ее продворянском характере, ссылаясь прежде всего на то, что Екатерина якобы учла высказанные в Уложенной комиссии пожелания дворянства получить управление на местах в свои руки». «Однако внимательный анализ “Учреждений”, – продолжает он, ... показывает, что ... Екатерина прежде всего думала об интересах государства. По существу так решались две важные проблемы: возвращение на службу вышедших в отставку дворян и замещение должностей... Одновременно дворянская сословная организация интегрировалась в государственный аппарат, становилась его частью, поскольку все дворянские должности, включая предводителя дворянства, по “Учреждениям” получали определенный классный чин, которому в соответствии с Табелью о рангах имелся эквивалент в гражданской или военной службе... становились попросту правительственными чиновниками, проводившими на местах политику центра» [14, с.429–430].

Приведенные материалы подтверждают данное наблюдение. В Якутский уезд в ходе реализации областной реформы 1775 г. нередко прибывали ро-

²⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 908. Л.102–131, 191; Ф. 1285. Оп. 2. Д.88. Л. 1–74; Ф. 1409. Оп. 1. Д. 128. Л. 1–72.

²⁷ НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 42. Л. 3–4.

²⁸ Там же. Д. 43. Л. 5–6.

²⁹ РГИА. Оп. 1. Д. 375. Л. 1–40.

³⁰ Извлечение Д. Павлинова из рукописи XVIII-го столетия, составленной колл[ежским] асс[есором] Эверстом, бывшим в Якутске 10 лет расправным судьей, и колл[ежским] асс[есором] Горловским, бывшим 7 лет в Якутске исправником, начиная с 1781 г. [6, с. 45].

³¹ НА РС (Я). Ф. 178-и. Оп. 1. Д. 88. Л. 1 – 2.

³² Там же. Д. 73. Л. 1-4.

³³ Там же. Д. 69. Л. 1-22.

довитые дворяне, по-видимому, привлеченные возможностью быстро сделать карьеру. Среди них были знатные люди графского и даже княжеского достоинства, владевшие крепостными крестьянами. Военные, вышедшие в отставку, также надеялись приобрести высокое жалование и подобающее место в обществе, продвигаясь по штатской службе. Причем сюда прибывали офицеры из гвардейских полков, а также участники недавних компаний на Северном Кавказе и Чукотке. Другой контингент, из которого формировалось якутское чиновничество, составляли местные кадры – якутские дворяне, казаки Якутского гарнизона, мещане, а также представители иноверческого населения. Среди них были и представители якутской знати, улусные князцы, которых привлекали на службу в Якутскую верхнюю расправу в качестве сельских заседателей.

Общая численность якутского чиновничества в изучаемый период заметно выросла. Если в период воеводского управления насчитывалось лишь несколько десятков чиновников, в основном осуществлявших ясачный сбор и выполнявших непосредственные поручения воевод, то к концу XVIII в. счет пошел на сотни. Прибывавшие на службу чиновники либо были женаты либо обзаводились семьями на месте новой службы. Впоследствии их дети также поступали на службу – в канцелярские служащие, так происходил процесс складывания потомственного якутского чиновничества.

Несмотря на отток чиновничества после 1796 г., когда по указу Павла I Якутская область была упразднена, здесь еще оставался довольно значительный контингент представителей служилого сословия. В этот важный для истории формирования якутского чиновничества период начали складываться его характерные черты и локальные особенности. Здесь типичная служилая российская бюрократия встретила с представителями иноверческой среды (особенно якутской). В условиях такого своеобразного симбиоза происходило становление одной из ветвей провинциального чиновничества на далекой окраине империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Окладников А.П.* К истории этнографического изучения Якутии // Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск, 1948. С. 17–48.
2. *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 2. 912 с.
3. *Фаизова И.В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999. 222 с.
4. *Румянцева М.Ф.* Массовые источники по истории чиновничества местных государственных учреждений России: 1762–1802 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 19 с.
5. *Москвин И.С.* Воеводы и начальники г. Якутска и их действия // Памятная книжка Якутской области на 1863 год. СПб., 1864. С. 165–202.
6. *Павлинов Д.М.* Брачное право у якутов // Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 1–46.
7. *Попов Г.А.* Сочинения: в 7 т. Якутск: Якут. гос. ун-т, 2007. Т. 3. 312 с.
8. *Сафронов Ф.Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в.: управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М.: Наука, 1978. 258 с.
9. *Сафронов Ф.Г.* Дореволюционные начальники Якутского края. Якутск: Ситим, 1993. 56 с.
10. Приложение к III тому «Сочинений» Г.А. Попова. Якутск: Якут. гос. ун-т, 2007. 95 с.
11. *Давидсон А., Филатова И.* Россия и Южная Африка: три века связей. М. Изд. дом гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 331 с.
12. *Левенталь Л.Г.* Подати, повинности и земля у якутов // Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 221–448.
13. *Шадрин Г.Е.* Акдааки. V Мальжегарский наслег. Якутск: Адверти, 2016. 448 с.
14. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в.: Опыт целостного анализа. М.: РГГУ, 2001. 575 с.

REFERENCES

1. *Okladnikov A.P.* To history of Yakut ethnographical study. *Sbornik materialov po etnografii yakutov*. Yakutsk, 1948, pp. 17–48. (In Russ.)
2. *Mironov B.N.* Russian Empire: from tradition to modernity. vol. 2. Saint Peterburg, 2015, 912 p. (In Russ.)
3. *Faizova I.V.* “Manifest on Liberty” and the nobility service in 18 century. Moscow, Nauka, 1999, 222 p. (In Russ.)
4. *Rumyantseva M.F.* Mass sources on history of official dom of local administrative bodies in Russia: 1762–1802, diss. Abstr. Moscow, 1985, 19 p. (In Russ.)
5. *Moskvin I.S.* Voivodes and chiefs of Yakutsk and their activity. *Pamyatnaya knizhka Yakutskoy oblasti na 1863 god*. Saint Peterburg, 1864. pp. 165–202 (In Russ.)
6. *Pavlinov D.M.* Matrimonial law of Yakuts. Materialy po obychnomu pravu i obschestvennomu bytu yakutov. Leningrad., 1929. pp. 1–46 (In Russ.)
7. *Popov G.A.* Writings. Yakutsk, 2007. vol.3. (In Russ.)
8. *Safronov F.G.* Russians on the North-East Asia in 17 – middle of 19: governance, service peoples, peasants, urban population. Moscow, 1978. (In Russ.)
9. *Safronov F.G.* Prerevolutionary chiefs of Yakut region. Yakutsk, 1993, (In Russ.)
10. Supplement to 3rd volume of G.A. Popov’s “Writings”. Yakutsk, 2007, 95 p. (In Russ.)
11. *Davidson A., Filatova I.* Russia and South Africa: three centuries of connections. Moscow, 2010, 331 p. (In Russ.)
12. *Levental’ L.G.* Tributes, duties and land of Yakuts. Materialy po obychnomu pravu i obschestvennomu bytu yakutov. Leningrad., 1929, pp. 221–448 (In Russ.)
13. *Shadrina G.E.* Akdaaky. 5th Mal’zhagarsky nasleg. Yakutsk, Adverti, 2016., 448 p. (In Russ.)
14. *Kamensky A.B.* From Peter I to Paul I: Reforms in Russia of the 18th century: the experience of holistic analysis. Moscow, RGGU, 2001, 575 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 10.10.2019

DOI: 10.15372/HSS20190404
УДК 94(470+571)“18”

С.Г. БЕЛОВ, Г.В. МАТВЕЕВ, А.Ю. СУСЛОВ

**РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ В КОНЦЕ XIX в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Казанский научный центр Российской академии наук,
РФ, 420111, г. Казань, ул. Лобачевского, д. 2/31
УВО «Университет управления «ТИСБИ»,
РФ, 420012, г. Казань, ул. Муштари, 13,
Казанский национальный исследовательский
технологический университет
РФ, 420015, г. Казань, ул. К.Маркса, д. 68.

В статье рассматривается процесс формирования и изменения рабочего законодательства в условиях промышленного переворота и завершения первого этапа индустриализации Российской империи, сопровождавшегося появлением «рабочего вопроса». На примере Казанской губернии, которая относилась к категории регионов со средним уровнем развития фабрично-заводской промышленности, прослеживается, как рабочее законодательство реализовывалось на практике на местах и какое влияние оно оказывало на изменение положения различных групп рабочих, анализируются условия их труда и жизни; права и обязанности; обсуждаются положения трудового договора, состояние медицинской защиты, сферы образования и пр. Характеризуются разнообразные источники, впервые рассмотрены правила внутреннего распорядка около 30 фабрично-заводских предприятий губернии.

Ключевые слова: Российская империя, Казанская губерния, фабрично-заводская промышленность, рабочий класс, рабочее законодательство, трудовые отношения, правила внутреннего распорядка.

S.G. BELOV, G.V. MATVEEV, A.Y. SUSLOV

**THE RUSSIAN LEGISLATION'S DEVELOPMENT AND WORKERS' STATUS
IN THE LATE XIX CENTURY (BASED ON THE KAZAN PROVINCE)**

Kazan scientific center, Russian Academy of Sciences
2/31, Lobachevsky str., Kazan, 420111, Russia
University of management "TISBI"
13, Mushtari str., Kazan, 420012, Russia
Kazan national research technological University
68, K. Marx str., Kazan, 420015, Russia

Completing the industrial revolution and the first stage of industrialization in the Russian Empire led to growing number and social role of industrial workers, emerging "question of labour" and, as a consequence, the labour legislation by the late XIX century. Pre-revolutionary, Soviet, and modern scholars have actively studied various aspects of labour legislation regarding it as a part of the Great Liberal Reforms, or, as a means to exploit and oppress the working class. At the same time, its direct impact on the workers' life and state was considered by researchers sporadically,

Сергей Геннадьевич Белов – старший научный сотрудник, лаборатория многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Казанский научный центр Российской академии наук (г. Казань), e-mail: sgb-79@mail.ru

Георгий Валерьевич Матвеев – канд. ист. наук, доцент УВО «Университет управления «ТИСБИ» (г. Казань), e-mail: georg70kaz@mail.ru

Алексей Юрьевич Суслов – д-р. ист. наук, профессор, Казанский национальный исследовательский технологический университет, e-mail: plusha131333@yandex.ru

Sergei G. Belov – Senior Research Fellow, Laboratory Multifactor Humanitarian Analysis and Cognitive linguistics, Kazan Scientific Center, Russian Academy of Sciences.

Georgiy V. Matveev – Candidate of History, Associate Professor, University of Management "TISBI" (Kazan)

Aleksei Y. Suslov – Doctor of History, Professor, Kazan National Research Technological University (Kazan)

mainly for the most industrially developed regions (Central, North-West, etc.). The article objective is to study how the forming labour legislation was implemented into the practice in provincial regions with an average level of industrial development, by the example of Kazan Province. To achieve the goal, various sources and documents (reports, references, statistics) are involved including the internal regulations of nearly 30 factory enterprises in the province which have been studied considered and analyzed for the first time in historiography.

The study showed that in the second half of the XIX century the state undertook large-scale reforming of the workers' legislation. Its implementation in the Kazan Province faced a mixed and contradictory reaction of industrialists: most of them had a negative attitude to innovations, others were ahead of them. It led to forming the specific system of relations between workers and industrialists, which included both productive and non-productive ones. Workers acted as a passive object in this system which was characterized by a high level of paternalism, almost paramilitary discipline, which was due to the semimarginal social status and mentality of workers. At the same time, the development of the labour legislation positively, though slowly, influenced their lives.

Keywords: Russian Empire, Kazan Province, factory industry, working class, labour legislation, labor relations, internal regulations, workers' status, working conditions, living conditions.

Конец XIX в. стал временем завершения первого этапа индустриализации Российской империи, приведшего к господству в промышленности уклада машинно-паровых фабрик и заводов. В Казанской губернии первые паровые фабрики появились в середине 1840-х гг., к 1875 г. в промышленности насчитывалось уже 45 паровых машин, в 1896 г. – 111 паровых и керосиновых двигателей. Внедрение паровой энергетики и технологическая модернизация увеличили производство промышленной продукции в губернии в 6 раз – с 3 млн руб. серебром в 1848 г. до 18 млн руб. в 1896 г. [1, с.26-27]. Львиную долю прироста дали новые предприятия, оснащенные современной техникой: паровые мельницы и лесопилки, стеариново-мыловаренный завод братьев Крестовниковых, Алафузовская льнопрядильно-ткацкая фабрика, механические заводы паровых обществ «Кавказ и Меркурий», а также «Дружина» и др.). К концу XIX – началу XX вв. на их долю приходилось около 70 % продукции, производимой промышленностью губернии.

Эти процессы сопровождались, в частности, увеличением числа и общественной значимости промышленных рабочих, зарождением рабочего движения и, как следствие, появлением рабочего вопроса. Государство отреагировало формированием специального рабочего законодательства, направленного на регулирование трудовых отношений, споров и конфликтов.

Изучением рабочего законодательства имперской России занимались дореволюционные [2; 3; 4], советские [5; 6] и современные [7; 8; 9; 10]¹ ученые, накоплен значительный опыт [11]. Следует отметить, что современные исследователи оперируют при этом понятием «фабричное законодательство». Однако, на наш взгляд, данная дефиниция имеет более широкий смысл, включающий регулирование и других сторон деятельности фабрично-заводских предприятий (таких как, техническая, налогово-финансовая, санитарно-экологическая и т.п.). В настоящей статье на примере Казанской губернии мы рассматриваем, как рабочее законодательство, развиваясь, применялось на практике и влияло на изменение условий труда и жизни рабочих

в провинциальной губернии со средним уровнем промышленного развития. Впервые анализируется такой источник, как Правила внутреннего распорядка (далее ПВР) более 30 фабрично-заводских предприятий губернии.

Появление специального рабочего законодательства в России связывают² с законом «Об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму» от 24 мая 1835 г., который зафиксировал договорные отношения между работником и работодателем без конкретизации ответственности сторон. Следующим стал закон от 7 августа 1845 г. «О воспрещении фабрикантам назначать в ночные работы малолетних менее 12-летнего возраста».

26 августа 1866 г. в связи с эпидемией холеры было принято временное Положение «Об устройстве при фабриках и заводах в Московской губернии больничных помещений», вскоре распространенное и на другие губернии без ограничения срока. Оно обязало промышленников открывать бесплатные больницы или приемные покои из расчета одного койко-места на 100 рабочих. В Казанской губернии при стеариново-мыловаренном заводе братьев Крестовниковых такая больница появилась не позднее 1869 г., но уже задолго до этого владельцы по своей инициативе оплачивали лечение рабочих [12, с.114]. К 1885 г. обязательные больницы имели только 4 местных крупнейших предприятия: в Казани – завод Крестовниковых (на 20 коек, с ежедневным посещением фельдшера, почти ежедневным – 2 врачей (содержание больницы обходилось в 2500 руб. в год), льнопрядильная и механиско-ткацкая фабрика И. Алафузова (на 12 коек, посещалась ежедневно фельдшером и почти ежедневно городским врачом), паровая мукомольная мельница братьев Журавлевых (на 5 кроватей), в Спасском Затоне – механический завод парового общества «Кавказ и Меркурий» (на 10 кроватей, единственная с собственными врачом, получал 1800 руб. в год) и фельдшером (600 руб.). На казанском пивоваренном заводе Э. Петцольда и К^о рабочих регулярно посещали врач и фельдшер, а при поступлении рабочего завода в городскую больницу заводоуправление платило за него 8 руб. 60 коп. в месяц. Уровень этих больниц и качество оказываемой

¹ Валетов Т.Я. Фабричное законодательство в России до Октябрьской революции // Экономическая история. Обзорение. Вып. 13. С.34-44 //URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB13/valetov.pdf> (дата обращения: 15.6.2019).

² Валетов Т.Я. Указ. соч. С.40.

врачебной помощи были более высокими по сравнению с соседними губерниями³.

К 1898 г. организация врачебной помощи рабочим изменилась следующим образом: имелось 4 больницы с постоянным надзором врача (в частности, при заводах Алафузовых и Крестовниковых на 25 коек каждая), 3 приемных покоя с постоянными кроватями и с наблюдением врача, столько же приемных покоев без кроватей, посещаемых врачом. За счет владельцев медицинская помощь предоставлялась рабочим на 11 (5 % от общего числа) промышленных предприятиях с числом рабочих 6377 чел. (46,5 % от всех работающих в промышленности)⁴. Однако масштабы и эффективность этой помощи не следует преувеличивать, так как ее оказывали всего лишь 4 постоянных врача и 6 приходящих.

Рабочее законодательство практически не дополнялось до начала 1880-х гг., когда оно стало развиваться весьма активно. Закон «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» от 1 июня 1882 г. запретил прием на работу детей до 12 лет, работу ночью и в воскресенье, на вредных производствах 12–15-летних, установив для них 8-часовой рабочий день и обязав промышленников давать им возможность не менее 3 часов в неделю посещать школу. За неисполнение закона фабриканты подлежали аресту до 1 месяца или штрафу до 100 руб. Эти положения получили развитие в законах: «О школьном обучении малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах, и о фабричной инспекции» от 12 июня 1884 г., требовавшем организацию при фабриках и заводах особых начальных школ для малолетних рабочих, «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах» от 3 июня 1885 г., запретившем ночной труд женщин и подростков до 17 лет на ряде вредных производств. Для контроля за выполнением этих и других рабочих положений законов впервые создавался особый государственный институт – фабричная инспекция.

До принятия новых законов труд малолетних на некоторых фабриках Казанского Поволжья мог продолжаться до 13,5 – 14 час. [13, с.58]. Нововведения местные промышленники восприняли крайне негативно, пытались уклониться от их выполнения, мотивируя тем, что нанимают малолетних не для своей выгоды, а из сожаления, чтобы по просьбе их родителей «дать им кусок хлеба», избавив от необходимости просить милостыню, а новые порядки повлекут за собой только разорение семей рабочих⁵.

В 1885 г. школы имелись при фабриках Алафузова (50 учеников), заводе «Кавказ и Меркурий» (60-70 чел.), стекольном заводе Хохрякова в Царевококшай-

ском уезде (25-30 учащихся)⁶. Дети, работавшие на заводе братьев Крестовниковых, посещали близлежащие мужское и женское церковно-приходские училища. В то же время при заводах «Кавказ и Меркурий» и заводе Хохрякова учились только дети работников, а все малолетние, не окончившие курса школы, были уволены. То есть хозяева в большинстве случаев предпочитали увольнять малолетних, но не выполнять условие об обязательном обеспечении малолетним работникам возможности обучения. Не смотря на выгоды от использования труда малолетних, наиболее дешевых, при этом исправных и «абсолютно трезвых» работников, они не соглашались нести дополнительные расходы на их образование. Поэтому результатом введения новых законов стало сокращение численности работников 12-15 лет: если в 1884 г. среди 8798 фабрично-заводских рабочих губернии насчитывались 771 мальчик и 123 девочки⁷, то в 1888 г. их осталось соответственно 186 и 39 из 8567 чел.⁸ В связи с этим система таких школ не получила значительного развития. В 1898 г. они имелись при предприятиях общества Алафузовых (на 80 учеников, кроме того был открыт ремесленный класс для девочек), при механических заводах пароходных обществ «Дружина» в Звениговском Затоне и «Кавказ и Меркурий» (на 70 учеников каждая), при стекольной фабрике братьев Хохряковых (30 учеников)⁹. Таким образом, за 13 лет появилась лишь одна новая школа.

Наконец, 3 июня 1886 г. были приняты «Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих», которые по значению сравнивают с Положением 19 февраля 1861 г. [8, с.145]. В «Правилах» впервые прописывался четкий порядок найма и увольнения рабочих. Вводились стандартные расчетные книжки, где фиксировались нормы выработки, оплаты труда, получаемые инструменты и материалы и другие условия трудового договора. Зарплата должна была выдаваться не менее двух раз в месяц, запрещался расчет условными знаками, продуктами и другими товарами, взимание платы за медпомощь, освещение мастерских и орудия производства и т.п. Расценки на пользование жильем, банями, столовыми и пр., цены на товары из фабричных лавок не могли превышать устанавливаемого максимума. Фиксировались основания для наложения и штрафов, и их размеры, которые теперь не могли превышать 1/3 заработка, они направлялись исключительно на нужды рабочих. При найме без оговоренного срока о прекращении договора необходимо было работника извещать за две недели; при этом запрещалось понижать ему зарплату. В то же время уход рабочего с предприятия без предупреждения наказывался арестом на срок до 1 месяца (по Уставу о наказаниях, налагаемых мировы-

³ Шидловский А.В. Казанский фабричный округ: отчет за 1885 г. фабричного инспектора Казанского округа. СПб., 1886. С.37-39.

⁴ Обзор Казанской губернии за 1898 год. Приложение к всеподданнейшему отчету Казанского губернатора. Казань, 1899. С.19.

⁵ Шидловский А.В. Казанский фабричный округ...С.2.

⁶ Там же. С.20, 27. Прил. С.3,7.

⁷ Там же.

⁸ Обзор Казанской губернии за 1888 год. Приложение к всеподданнейшему отчету Казанского губернатора. Казань, 1889. Ведомость №2. С.7.

⁹ Там же. С.19.

ми судьями). Фабриканты за нарушение «Правил» подвергались штрафам или судебному разбирательству.

Функции фабричной инспекции значительно расширялись. Кроме того, учреждались губернские присутствия по фабричным делам, которые разбирали дела о нарушениях со стороны предпринимателей, их жалобы на действия фабричной инспекции, а также могли разрешать временные изменения в ночных и сверхурочных работах, принимать дополнительные постановления.

«Правила» составили Устав о промышленности, вошедший в Полное собрание законов Российской империи. На основании Устава создавались правила внутреннего распорядка на конкретных предприятиях.

«Правила» 1886 г. вводились крайне медленно, к 1897 г. они действовали лишь в 18 наиболее промышленно развитых губерниях. С 1 июля 1897 г. их распространили на оставшиеся 42 губернии Европейской России и Царства Польского, в том числе на Казанскую губернию. В последующие полгода открывшееся Казанское губернское присутствие по фабричным делам выработало постановления по «водворению законного порядка» на фабриках и заводах, а фабричная инспекция принимала меры к разъяснению их смысла и полезного значения.

До официального введения Правил далеко не все местные фабрики и заводы выполняли нормы Устава о промышленности. На большинстве из них рабочим не выдавали зарплату в твердо установленные сроки. Товары из фабричных лавок отпускались по ярлыкам и ценам, превышавшим рыночные на 40 – 90 %¹⁰. Например, так было на фабрике наследников Алафузова, причем объяснялось это «нуждой и просьбами самих рабочих». Другие несоответствия выражались здесь в неправильном производстве расчетов и отсутствии объявлений о выдаче зарплаты, ее выдавали только один раз в месяц. Повременную работу представляли как сдельную. При этом фабричный инспектор мог лишь просить владельцев, чтобы те «внушили» управляющим необходимость соблюдать Устав о промышленности. На его заявление о внесении в расчетные книжки фиксированных расценок и количестве производимой рабочими продукции директор прядильни Муррей отвечал отказом, мотивируя его необходимостью «делать много записей, на что даже нет места в расчетных книжках» [14, с.179].

На заводе общества «Дружина» несоответствия Уставу проявлялись в том, что работник, нанятый на неопределенный срок зимой, не имел права требовать расчета до окончания ремонта паровозов и барж; кроме того, стоимость инструментов и материалов в случае недостачи подлежала вычету из жалования по «расценкам конторы» (т.е. произвольным), штрафы от 5 коп. до 1 руб. предусматривались за случаи сна на работе, отлучку с места, нерадивость, шум, споры и т. п. Желавшим брать продукты из лавки завода выдавалась соответствующая книжка, с записями стоимости полу-

ченных продуктов, она вычиталась из заработка. Рабочим с неопределенным сроком жалование выдавалось один раз в месяц, и только с определенным – 2 раза¹¹. Но были и предприятия (например, механические заводы Свешникова, Либихта и Динзе и др.), где зарплата выдавалась регулярно дважды в месяц. С 1897 г. выдача денег происходила строго дважды в месяц, а иногда даже еженедельно на бочарной фабрике Г.Ф. Локке (по субботам) и на заводе О.Э.Петцольда (по воскресеньям).

В табели взысканий теперь уже детально расписывались штрафы: опоздание и самовольная отлучка – от 15 до 70 коп.; прогул более половины рабочего дня (если не доказано, что произошел по болезни, семейным и уважительным причинам, в случае болезни требовалась письменная справка от фельдшера или врача); неосторожное обращение с огнем (в том числе курение), ссоры, брань, драки, шум, непослушание, приход в пьяном виде, игры на деньги (в орлянку, карты и т.п.), несоблюдение чистоты, иных правил внутреннего распорядка – 1 руб.¹² За более серьезные проступки, например кражи, провинившиеся увольнялись и отправлялись в полицию. За сообщение о краже полагалось до 3 руб. вознаграждения. На выходе рабочих в обязательном порядке обыскивали сторожа.

При найме рабочих управляющие в соответствии с законом были обязаны требовать от них предъявления письменного вида на жительство (паспорт, свидетельство о личности или аттестат). На некоторых предприятиях документ до окончания найма оставался в конторе, на других лишь проживавшие на заводских квартирах отдавали его в администрацию «на хранение». В обмен работник получал расчетную книжку с условиями договора и правилами, что подразумевало его согласие с ними. Неграмотность не принималась во внимание при несоблюдении заводских правил.

Свои обязанности рабочие должны были выполнять «бесприкословно», «в полном повиновении лиц уполномоченных для надзора и распоряжения»¹³; «к начальствующим лицам быть вежливым, все поручения от них исполнять в точности и никаких возражений себе не позволять»¹⁴.

Практически все ПВР содержали запреты на пронос и распитие алкоголя, «кулачный бой и всякого рода невежества, буйство, игры в орлянку и в карты на деньги, как и другие противозаконные игры», запрещалось брать что-либо из имущества предприятий, отдельно оговаривали, что нельзя испражняться вне отведенных мест.

¹¹ Правила внутреннего распорядка на механическом заводе администрации по делам Пароходного Общества «Дружина» при Звенигском Затоне. Казань, 1895.

¹² Правила внутреннего распорядка на экипажной фабрике А.Т. Мельникова в Казани. Казань, 1897.

¹³ Правила внутреннего распорядка на механическом чугуно-литейном заводе А.Н. Маклакова в Чистополе. Чистополь, 1898.

¹⁴ Правила внутреннего распорядка на чугуно-медно-литейном и механическом заводе «Торгового дома Н-ки А.А. Свешникова». Казань, 1895.

¹⁰ Шидловский А.В. Казанский фабричный округ...

В ПВР прописывались нормы техники безопасности, особенно при обращении с различными механизмами, паровыми машинами и приводами. При их несоблюдении рабочими промышленники снимали с себя ответственность за последствия. Так, в 1897 г. во всех 10 несчастных случаях (в том числе 4 со смертельным исходом, 2 – с частичной и 4 – с временной потерей трудоспособности), а в 1898 г. во всех 26 случаях (2 смертельных и 6 с частичной потерей трудоспособности) виновными были признаны сами работники¹⁵. Во время лечения они получали заработок, расходы на лечение оплачивались заводоладельцами; редко – страховым обществом.

В 1897 г. было 14 отказов от работы до истечения срока найма при его определенном сроке или без предупреждения за две недели при неопределенном, в 12 случаях нарушителей арестовали на 7-25 сут. В 1898 г. из 20 самовольных отказов 19 окончились арестом на 2-21 сут¹⁶. Другие «недоразумения» между отдельными рабочими и хозяевами благодаря «разъяснениям и увещаниям» фабричной инспекции и полиции заканчивались обычно взаимными соглашениями; случаев нарушения порядка рабочими в подведомственных инспекции заведениях за эти годы не было.

В конце 1890-х гг. жилье в казармах, отопление и бани рабочим почти всегда предоставлялись бесплатно (в 1880-х гг. на одних предприятиях бесплатные бани были еженедельные или 2 раза в неделю, на других – вносили плату по 5 коп. с человека или по 20 коп. с семьи рабочего, или по 1 коп. с каждого заработанного рубля на баню и лекарства вместе¹⁷). Питались рабочие либо «на своих харчах», либо в заводской столовой, либо получали продукты из заводской лавки. Так, на алафузовских предприятиях одинокие рабочие жили в общих помещениях на 100 чел. бесплатно и 3 раза в день питались в общей столовой за 3 руб. 60 коп. в месяц. «Номера» для семейных на 3-5 чел. стоили от 1,5 до 4,5 руб. в месяц. Для них имелась прачечная с оборудованием и услугой. Одновременно с запретом на выдачу зарплаты продуктами уже с 1 июля 1897 г. при фабрике Алафузовых было основано Общество потребителей из рабочих, продававшее необходимые предметы потребления «по сходным ценам» в кредит до 3/4 месячного заработка, что фактически стало способом обхода этого запрета [14, с.190].

В заводских спальнях запрещалось без разрешения руководства принимать кого-либо, в том числе родных, приносить алкоголь, мужчинам не разрешалось входить в женские спальни и наоборот, мыться, стирать, вечером зимой после 9 и летом после 10 час. ходить по двору, петь, водить хороводы, плясать, устраивать игры, пользоваться самоварами (иногда

были кубы с горячей водой в общей кухне). Являться в спальню нужно было не позднее 9 час. вечера.

Поскольку законы еще не содержали санитарно-гигиенических требований, а сами промышленники считали их излишними и необоснованными, рабочие и жилые помещения предприятий в большинстве случаев не соответствовали им. Лишь на некоторых крупных промышленных заведениях рабочие и жилые помещения находились в удовлетворительном состоянии. В Казани к таким предприятиям относились мельница братьев Журавлевых, чугунно-литейный и механический завод Свешниковых, пороховой завод и завод Крестовниковых, особенно выделявшийся своим благоустройством. 2 июня 1897 г. был принят закон «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности», ограничивший рабочее время 11,5 ч, а ночью, в субботу и перед праздниками — 10 ч; в непрерывных производствах допускался 12-часовой рабочий день в две смены. Устанавливались обязательные выходные по воскресеньям и в 14 важнейших, в том числе 12 «двунадесятих», православных праздников. По «взаимному соглашению» рабочие могли работать в воскресный день взамен будничного и сверхурочно – по особому договору (т.е. за увеличенную плату). Закон был распространен с 1 января 1898 г. сразу в 60 губерниях Европейской России.

Время работы на многих предприятиях Казанской губернии уже в 1895 г. составляло 11 – 11,5 час. Однако с учетом перерывов – полчаса на завтрак, час на обед, иногда – еще полчаса на ужин, общее время нахождения на предприятии могло растягиваться до 14 час. При непрерывном производстве, например, в химических отделениях завода Крестовниковых, на паровой мельнице и крупобирке В.Л. Челышева в Чистополе, работы производились в две смены: 6+6 (или 5,5) часов с перерывом в 6 часов. В таких отделениях рабочие трудились и в праздники, при этом они освобождались от работы на 24 ч 4 раза в месяц. Пожалуй, можно согласиться с тем, что «при такой системе рабочий совершенно не имел возможности восстановить растроченные силы» [13, с.58]. В то же время в механических мастерских М.Я. Рама (Казань) уже в 1895 г. ночные работы были ограничены 8 час. и оплачивались как полный рабочий день¹⁸. Начало и конец рабочего дня, перерывов обозначались паровым свистком или звонком. В иное время без письменного разрешения начальства сторожа не выпускали рабочих с территории.

Еще до введения указанного закона в механической мастерской М.Я.Рама было 18 нерабочих православных праздников¹⁹. В конце 1890-х гг. их число колебалось от минимально допустимых 14 до 30 на механическом чугунно-литейном заводе А.Н. Маклакова в Чистополе и даже 41 на экипажной фабрике

¹⁵ Обзор Казанской губернии за 1897 год: Приложение к всеподданнейшему отчету Казанского губернатора. Казань, 1898. С.27; Обзор Казанской губернии за 1898 год... С.19.

¹⁶ Обзор Казанской губернии за 1897 год... С.27; Обзор Казанской губернии за 1898 год... С.19.

¹⁷ Шидловский А.В. Казанский фабричный округ... С.40.

¹⁸ Правила механической мастерской М.Я. Рам в Казани. Казань, 1895.

¹⁹ Там же.

А.Т. Мельникова²⁰. На заводе Крестовниковых, кроме 26 общих религиозных праздников, малолетние работники отдыхали в дни (всего 9) восшествия на престол, тезоименитства, рождения членов императорской семьи²¹. Интересно мнение Б.Н. Миронова, согласно которому с учетом выходных при примерно равном рабочем дне общее время труда в отечественной промышленности было меньше, чем в Западной Европе на 10 — 13 % [15, с.252].

Особо стоит отметить факт, что хотя татары составляли более 20 % местных промышленных рабочих [13, с.40], пункт, касавшийся отдыха мусульман, среди рассмотренных ПВР конца 1890-х гг. около 30 фабрично-заводских предприятий зафиксирован лишь на одном — пивоваренном заводе Петцольда (в день «Большого Байрама» и в последний день поста Рамадан)²².

Таким образом, к концу XIX в. сложилась в основных чертах система рабочего законодательства Российской империи, просуществовавшая до 1917 г. Эта система была основана на широкой государственной регламентации взаимоотношений на производстве. При этом государство и промышленники выступали как субъекты, а рабочие — сугубо как объект этих взаимоотношений. Рабочее законодательство развивалось, зачастую распространяя опыт передовых предприятий на другие. Некоторые промышленники шли впереди законодательства, другие пытались игнорировать его нормы, мотивируя свою позицию исключительно «заботой» о рабочих. «Сознательные» хозяева в свою очередь высказывали пожелания, чтобы требования законов исполнялись всеми без исключения, а за их нарушение была установлена более строгая ответственность²³.

В процессе развития рабочего законодательства сложилась система производственных взаимоотношений с достаточной строгими, полужакарными порядками, вызванными в том числе низкой дисциплиной самих рабочих (пьянство, азартные игры, воровство, несоблюдение норм технической, противопожарной безопасности, санитарии). Во многом это было связано с тем, что формирование пролетариата как класса еще не завершилось, значительную его часть в Казанской губернии (до 40 %) [13, с.39] в рассматриваемый период составляли временные малоквалифицированные работники из крестьян, с соответствующим маргинальным менталитетом, проявлявшимся в отношении к труду, дисциплине, производительности труда, соблюдению порядка, технике безопасности, в периодических уходах в деревню. Поэтому одной из целей рабочего законодательства можно считать закрепление рабочих кадров на предприятиях, укрепление произ-

водственной дисциплины. Другой характерной чертой сложившейся системы отношений стал патернализм, когда рабочие не только работали на «отца»-хозяина, но и жили в предоставленных им помещениях, питались в заводской столовой или получали продукты из принадлежавшей хозяину лавки, за его счет мылись в бане, пользовались медицинской помощью, школами, то есть почти полностью зависели от него. Поэтому другой целью рабочего законодательства была защита прав рабочих, за счет предоставления им постепенно расширявшегося набора закрепленных социально-экономических гарантий, с целью предотвращения конфликтных ситуаций и выступлений. Рабочее законодательство, безусловно, улучшало положение рабочих, хотя нередко входило в противоречие как с интересами предпринимателей, так и с менталитетом самих рабочих. К концу XIX в., фактически вплоть до 1917 г., рабочим законодательством не были решены вопросы регулирования размеров оплаты труда, соблюдения санитарно-гигиенических условий труда и условий проживания рабочих, гарантий их социальной защиты и пенсионного обеспечения.

В целом ситуация с положением рабочих в Казанской губернии соответствовала ситуации в стране, с учетом того, что губерния относилась к регионам со средним уровнем развития промышленности и распространение рабочего законодательства происходило здесь «вторым эшеломом». Следует также учитывать, что губерния была преимущественно аграрной, большую часть ее промышленности составляли предприятия по обработке сельскохозяйственной продукции, а основную часть пролетариата — малоквалифицированные и низкооплачиваемые рабочие. Так, в 1900 г. из 68 губерний Европейской России по размеру номинальной среднегодовой зарплаты рабочих Казанская губерния занимала лишь 40-е место [13, с.52].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов С.Г., Сулов А.Ю. Промышленный переворот в российской провинции (на примере Казанской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12. Ч. 3. С. 25-27.
2. Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1904. 344 с.
3. Таль Л.С. Очерки промышленного рабочего права. М.: Моск. науч. изд-во, 1918. 225 с.
4. Балицкий Г. Фабричное законодательство в России. М.: Труд и Воля, 1906. 96 с.
5. Шельмагин И.И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900–1917. М.: Госюриздат, 1952. 319 с.
6. Шельмагин И.И. Фабрично-трудоустройство законодательство в России (2-я половина XIX века). М.: Юрид. изд-во, 1947. 188 с.
7. Богдан В.И. Становление и развитие фабричного законодательства Российской империи в конце XIX — начале XX века: Историко-юридическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 210 с.
8. Глазунов С.Р. Фабричное законодательство и механизмы его реализации. 1882–1914 гг. // Экономическая история. 2018. Т. 14, № 2. С. 141–154.

²⁰ Правила внутреннего распорядка на механическом чугунолитейном заводе А.Н. Маклакова в Чистополе. ...; Правила внутреннего распорядка на экипажной фабрике А.Т. Мельникова в Казани. ...

²¹ Правила внутреннего распорядка для рабочих Фабрично-торгового товарищества братьев Крестовниковых. Казань, 1897.

²² Правила внутреннего распорядка на пивоваренном заводе казанского 2-й гильдии купца О.Э.Петцольда. Казань, 1897.

²³ Шидловский А.В. Казанский фабричный округ. ... С.38.

9. Кирьянов Ю.И. Фактор мотивации труда в российском фабрично-заводском законодательстве. 1835–1917 гг. // Экономическая история. Обозрение. М., 2000. Вып.4. С.20-38.

10. Морозов А.В., Телишев В.Ф., Красильников С.Н. Очерки по истории охраны труда в Казанской губернии: конец XIX в. – 1920 г.: Казань: Изд-во Казан.гос. технолог. ун-та, 2005. 276 с.

11. Новиков А.В. Рабочая история периода промышленной модернизации дореволюционной России в современной отечественной историографии // Вестник Костром. гос.ун-та им. Н.А.Некрасова. 2014. Т.20, вып.6. С. 80–88.

12. Фан-Юнг Г.Ю. Становление и развитие крупных промышленных предприятий в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX веков (на примере Казанского стеариново-мыловаренного завода братьев Крестовниковых): дис. ... канд.ист.наук. Казань, 2016. 282 с.

13. Рабочий класс Татарии (1861–1980 гг.) / З.И. Гильманов, А.М. Залялов, К.А. Назипова и др. Казань: Татар. изд-во, 1981. 384 с.

14. История Казани в документах и материалах. XIX в. Казань: Магариф, 2005. Кн. 1: Промышленность, торговля, финансы. 719 с.

15. Миронов Б.Н. «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 243–285.

LIST OF REFERENCES

1. Belov S.G., Suslov A.Yu. Industrial revolution in the Russian province (on the example of the Kazan province). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2014, no. 12, Ch.3, pp. 25–27. (In Russ.)

2. Litvinov-Falinsky V.P. Factory legislation and factory inspection in Russia. St.Petersburg: Type. A.S. Suvorin, 1904, 344 p. (In Russ.)

3. Tal L. S. Essays on industrial workers' law. Moscow: Mosk. Science Ed., 1918. 225 p. (In Russ.)

4. Balitsky G. Factory legislation in Russia. Moscow, 1906, 96 p. (In Russ.)

5. Shelymagin I.I. Legislation on factory labor in Russia. 1900-1917. Moscow: Gosyurizdat, 1952, 319 p. (In Russ.)

6. Shelymagin I.I. Factory labor legislation in Russia (2-nd half of XIX century). Moscow: Yurid.ed., 1947, 188 p. (In Russ.)

7. Bogdan V.I. Formation and development of factory legislation of the Russian Empire in the late XIX – early XX century (Historical and legal research): dis. ... candidate of juridical sciences'. Moscow, 2002, 210 p. (In Russ.)

8. Glazunov S.R. Factory legislation and mechanisms of its implementation. 1882-1914. *Ekonomicheskaya istoriya*. 2018. Vol. 14, No. 2., pp. 141-154. (In Russ.)

9. Kiryanov Y.I. The Factor of motivation in the Russian factory and factory l legislation.1835-1917. *Ekonomicheskaya istoriya*. Obozrenie., Moscow, 2000, Issue 4, pp. 20-38. (In Russ.)

10. Morozov A.V., Telishev V.F., Krasilnikov S.N. Essays on the history of labor protection in the Kazan province: the end of the XIX century – 1920 / Kazan, 2005, 276 p. (In Russ.)

11. Novikov A.V. Labor history of the period of industrial modernization of pre-revolutionary Russia in modern Russian historiography. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A.Nekrasova*. 2014, Vol. 20, issue 6. pp. 80-88. (In Russ.)

12. Fang-Jung G. Yu. Formation and development of large industrial enterprises in the Kazan province in the second half of the XIX – early XX centuries (on the example of the Kazan stearin-soap factory of the Krestovnikov brothers): dis.... candidate of historical sciences'. Kazan, 2016, 282 p. (In Russ.)

13. The working class of Tatarstan (1861-1980 years) / Z.I. Gilmanov, A.M. Zalyalov, K. A. Nazipova, etc. Kazan: Tatar izd-vo, 1981, 384 p. (In Russ.)

14. The history of Kazan in documents and materials. XIX century. Book 1. Industry, Trade, Finance. Kazan: Magarif, 2005, 719 p. (In Russ.)

15. Mironov B. N. "God sent work, but devil took the wish": the work ethic of Russian workers in post-reform time. *Social'naya istoriya. Ezhegodnik1998/99*. Moscow, 1999, pp. 243 – 285. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 26.09.2019

DOI: 10.15372/HSS20190405
УДК 028(571.1/.6)(091)"18/19"

Ю.В. ТИМОФЕЕВА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ КРУГА ЧТЕНИЯ СИБИРЯКОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630102, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

В статье анализируются теоретические и исторические аспекты модернизации круга чтения сибиряков в конце XIX – начале XX в. Даны авторские определения понятий «модернизация чтения», «модернизация круга чтения» и «секуляризация чтения». Выявлены основные проявления модернизации круга чтения сибиряков: секуляризация и расширение круга чтения за счет включения в него художественных, научно-популярных, практически полезных, периодических изданий. Представлены результаты анализа читательских предпочтений сибиряков конца XIX – начала XX в., которые подтверждают присутствие в чтении жителей региона модернизационных процессов. Названы факторы, определявшие темпы и масштабы модернизации чтения. Основными из них являлись темпы и масштабы создания и расширения сети учебных заведений, библиотечной и книготорговой сети в регионе.

Ключевые слова: модернизация, чтение, секуляризация чтения, беллетристика, научно-популярная литература, периодические издания, книжная культура.

Y.V. TIMOFEEVA

THEORETICAL AND HISTORICAL ASPECTS OF MODERNIZATION OF SIBERIANS' CIRCLE OF READING IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

State Public Scientific Technical Library SB RAS,
15 Voshod str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation

The relevance of studying the history of reading is determined by its huge educational, enlightening, developing, upbringing potential, which plays an important role in forming a person, society, and state. Investigation of reading of the late XIX – early XX centuries is important to define the scales and rates of the Russian modernization, and factors accelerating or slowing it.

For the first time in historiography modernization of Siberians' circle of reading in the late XIX – early XX centuries becomes a subject of an independent research.

The paper objective is the historical characteristic of modernization of Siberians' circle of reading in the late imperial period.

The theory of traditional society's modernization became the research methodological basis. Modernization is understood as complex of innovative process to proceed from an agrarian traditional society to modern industrial one covering all spheres of public life, including cultural.

The study is carried out in compliance with the principles of historicism, objectivity, consistency. The author applies common scientific approaches: terminological, structural and statistical analysis, inductive, deductive ones; in addition uses special historical methods: source study, historical and comparative, chronological ones, localization of historic facts.

The paper represents basic principles of the theory of modernization of reading.

Obtained data allow specifying and adding a regional and all-Russian picture of reading in the late imperial period; characterizing rates and scales of modernization of the Siberians' reading.

The research results represent knowledge of main segments of the circle of reading and their volumes ratio, reader's preferences of Siberians, where the first place was steadily given to fiction, while religious, spiritual and moral literature was gradually removed to the last place, giving way to historical, geographical, economic, social and political editions, periodicals.

Key words: modernization, reading, reading secularization, fiction, popular scientific literature, periodicals, book culture.

Юлия Викторовна Тимофеева – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: prankevich@mail.ru.

Yulia V. Timofeeva – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, State Public Scientific Technical Library SB RAS.

Чтение обладает огромным образовательным, просветительным, развивающим, воспитательным, развлекательным, рекреативным, культурным, досуговым, этическим и эстетическим потенциалом, благодаря которому играет важную роль в формировании, развитии и жизнедеятельности личности и общества. Огромное социокультурное значение чтения обусловило большой интерес к нему исследователей. Изучение истории чтения также является важной научной задачей, поскольку позволяет реконструировать духовную жизнь россиян, проследить формирование национального менталитета, выявить особенности общественного сознания в разные исторические эпохи. Чтение конца XIX – начала XX в. должно стать предметом особого внимания историков, поскольку полученные в ходе его изучения научные результаты помогут реконструировать масштабы и темпы модернизации Российской империи, выявить факторы, ускорявшие либо тормозившие ее. В свою очередь разработка теории модернизации и изучение ее конкретно-исторических проявлений также признаются актуальными направлениями современных исторических исследований (см., напр.: [1, с. 120]).

Основные положения теории модернизации традиционного общества разрабатывают, дополняют и уточняют В.В. Алексеев, А.С. Ахиезер, В.А. Красильщиков, И.В. Побережников при изучении истории России, В.А. Зверев, В.А. Ильиных, Г.А. Ноздрин – в исследованиях Сибири [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. Модернизация понимается ими как комплексный инновационный процесс перехода от аграрного традиционного общества к современному индустриальному, охватывающий все сферы общественной жизни, включая культурную [10, с. 3], как прогрессивный, необратимый, системный процесс фундаментальных изменений во всех сферах человеческой ментальности, культуры и поведения [7, с. 80], конкретно-историческая характеристика процесса перехода от традиционного к современному, рациональному типу менталитета, культуры и образа жизни людей [1, с. 120].

Этот переход вызывает изменения во всех областях человеческой деятельности. В частности, в духовной области критериями модернизации являются «дифференциация культурных систем и ценностных ориентаций, секуляризация образования и распространение грамотности, многообразие течений в философии и науке, религиозный плюрализм, развитие средств распространения информации (mass media, телеграф, почта и т. д.), приобщение крупных групп населения к достижениям культуры» [5, с. 41].

Исторически начало модернизации связано «с индустриализацией, урбанизацией, становлением буржуазно-демократических государств, распространением массового образования и культуры» [10, с. 30]. Важным средством последнего является чтение, а значит, его следует признать одним из необходимых условий модернизации традиционного общества.

Чтение не только было подвержено воздействию модернизационных процессов, охвативших страну в рассматриваемый период, но и в свою очередь через

предоставление россиянам знаний, идей, открытий, практически полезной и социально значимой информации оказывало на модернизацию заметное влияние – прежде всего, на темпы и масштабы ее распространения в стране, а также на глубину ее проникновения в общественно-политическую, экономическую, социальную, культурную жизнь общества и государства.

Все это позволяет признать изучение модернизации чтения в конце XIX – начале XX в. актуальным направлением современных исторических исследований. Ближе всех к постановке этой научной проблемы подошел А.Л. Посадсков [11], который выделил «индикаторы» модернизации книжной культуры, одним из основных элементов которой наряду с книгоизданием и книготорговлей является чтение. Однако модернизация чтения не была самостоятельным предметом научных изысканий отечественных историков и, следовательно, подробно ими не изучалась. В настоящей статье предпринимается попытка сформулировать основные положения теории модернизации чтения и проанализировать модернизационные процессы в чтении в конце XIX – начале XX в. на примере сибирской провинции.

Целью работы является конкретно-историческая характеристика модернизации круга чтения сибиряков в позднеимперский период. В соответствии с темой и целью исследования были определены следующие основные задачи статьи: 1) раскрыть содержание основных терминов темы: «модернизация чтения», «модернизация круга чтения» и «секуляризация чтения»; 2) выявить основные сегменты круга чтения жителей края и объемы этих элементов; 3) выявить и проанализировать наиболее существенные проявления модернизации круга чтения сибиряков в позднеимперский период.

Основу источниковой базы исследования составили отчеты сибирских библиотек, которые позволяют выявить читательские предпочтения жителей региона. Репрезентативность источниковой базы определяется значительным числом привлеченных источников, широкой географией городов, отчеты библиотек которых были проанализированы. Возможность проведения сравнительного анализа и достоверность полученных результатов обусловлены сходством составления этих отчетов, в том числе предоставлением сведений о количестве книговыдач по отделам и о читательских требованиях посетителей.

Поскольку в рассматриваемый период домашние библиотеки, особенно с высокими количественными и качественными показателями их фондов, были редким явлением в отдаленной провинции, а в крестьянской и бедной городской среде, дававшей подавляющее большинство жителей края, вообще не имели места или же ограничивались двумя-тремя книгами, как правило, религиозного и духовно-нравственного содержания, то допустимо читательские требования, предъявляемые сибиряками в библиотеках, и книговыдачу в них признать репрезентативно отражающими читательские предпочтения населения региона.

Под модернизацией чтения автор предлагает понимать обновление читательской культуры, читательского поведения, круга чтения личности, приведение их в соответствие с современными требованиями к личности, профессионалу, гражданину. Автор выносит на обсуждение научной общественности еще две дефиниции этого термина, которые позволяют более полно и глубоко раскрыть содержание обозначаемого явления. Модернизация чтения – это осовременивание чтения, т.е. приведение его в соответствие с современным ему экономическим, политическим, социальным, культурным, духовным развитием, с общественными требованиями к гражданину, хозяину, патриоту. Данный феномен прослеживается в изменении целей, задач, мотивов и содержания чтения, возрастании его частоты и скорости, расширении читательской аудитории за счет приобщения к нему новых социальных групп и увеличения числа читателей в прежних; чтение используется прежде всего в целях удовлетворения гносеологических и рекреативных потребностей личности, выполнения ею общественных обязанностей и решения практических задач.

Модернизацию чтения допустимо трактовать как переход от традиционного чтения, характеризуемого присутствием в нем преимущественно или даже исключительно литературы духовно-нравственного содержания (с преобладанием душевспасительной цели обращения к тексту) к чтению современному, с присутствующими ему светскостью, рационализмом, прагматизмом, обращением к тексту в целях образования, отдыха, развлечения, извлечения практической пользы, решения хозяйственных задач.

Модернизация круга чтения – это секуляризация чтения, расширение круга чтения за счет включения в него новых сегментов, увеличение доли образовательных, развлекательных и практически полезных текстов, периодических изданий. В рассматриваемый период одним из важнейших проявлений модернизации стала, прежде всего, его секуляризация, под которой автор понимает обмирщение целей, мотивов, содержания чтения, т.е. переход от чтения текстов религиозных, духовно-нравственных, по истории религии и церкви к литературе светской, в том числе учебной, развлекательной, практически полезной, научно-популярной, справочной, информативной, энциклопедической.

При этом необходимо иметь в виду, что завершением процесса секуляризации в обязательном порядке должен стать атеизм читателя. Однако модернизация чтения не предполагает полное вытеснение из него религиозной литературы; она приводит к расширению круга чтения, в котором находится место не только для религиозной литературы, но и в большей его части для художественных, образовательных, научно-популярных, развлекательных, периодических изданий.

В ходе модернизации происходило обогащение читательских интересов, расширение читательских потребностей и мотивов обращения к текстам. Господствовавший прежде «душевспасительный» мотив активно стал дополняться и потесняться другими, в том

числе учебным, гносеологическим, развлекательным, досуговым, прагматическим, что расширяло круг чтения, приводило к включению в него новых элементов.

Обнаружить модернизационные явления позволяет анализ соотношения книговыдач по отделам, приведенных в табл. 1–3, данные свидетельствуют о значительном преобладании в чтении сибиряков светских текстов над религиозными, о широком присутствии в нем развлекательной, познавательной и практически полезной литературы.

Данные табл. 1–3 подтверждают наибольшую востребованность у пользователей сибирских библиотек художественной литературы и одновременно свидетельствуют о разнообразии их читательских интересов. Это подтверждается наличием не менее десяти отделов в библиотечных фондах и книговыдачами из каждого из них. Иными словами, происходило расширение круга чтения и, как следствие, его функционального поля, которое прежде было ограничено почти только душевспасительным чтением, а теперь включало чтение учебное, образовательное, развивающее, развлекательное, информативное, деловое, прагматическое.

Согласно данным табл. 1–3, помимо беллетристики, детских книг и периодики, сибиряками были востребованы (в разной степени) труды по истории, географии, истории и теории литературы, педагогике, естествознанию, медицине и гигиене, ремеслам и сельскому хозяйству, а также справочная литература.

Наличие модернизационных процессов в круге чтения подтверждается также данными книговыдач и в других сибирских библиотеках в начале XX в. Так, в Якутской городской публичной библиотеке в 1914 г. из 12 отделов «Богословие» заняло по книговыдаче предпоследнее место (41 выдача, или около 0,2 %), обогнав лишь «Математику, геодезию, механику» (24, или 0,1 %). Лидерами среди отделов по книговыдаче стали «Беллетристика» (8528, или 49 %), «Периодические издания» (3774, или 21 %) и «Детский отдел» (2871, или 16,1 %). Среди других отделов более всего выдач пришлось на «Критику и публицистику» (4-е место; 492, или 2,7 %), «Сибирь» и «Местный» (5-е место; 435, или 2,6 %), «Историю, историю литературы, биографию и мемуары» (6-е место; 367, или 2,4 %) [24, с. 11].

Пользователи библиотекой Общества взаимопомощи приказчиков в Барнауле в 1907 г. более всего требований подавали на ежемесячные журналы, произведения русских классиков и современных беллетристов [25, с. 6].

В городских библиотеках им. А.С. Пушкина и им. В.Г. Белинского в Омске в 1910 г. было выдано соответственно беллетристики и книг по истории и теории словесности 25 839 и 5802, периодических изданий – 9528 и 6092, детских – 4517 и 1544 соответственно. Требований на книги по истории, археологии и биографии поступило 497 и 71, философии, логике, психологии – 331 и 101, правоведению, политическим и общественным наукам – 298 и 72, естествознанию – 264 и 64, географии и этнографии – 238 и 45, педаго-

Требования книг по отделам пользователей библиотеки Общества взаимного вспоможения приказчиков в г. Томске*

Отделы фонда	1896		1898		1900		1902		1905		1909	
	абс.	отн., %	абс.	отн., %	абс.	отн., %	абс.	отн., %	абс.	отн., %	абс.	отн., %
I. Священное писание, история церкви, раскола и книги духовно-нравственного содержания	6	0,13	23	0,29	18	0,16	18	0,15	20	0,16	46	0,82
II. Философия, психология и логика	7	0,15	25	0,32	72	0,64	69	0,59	41	0,33	110	1,97
III. Педагогика, дидактика и методика	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	14	0,25
IV. Детские книги	87	1,8	386	4,88	941	8,32	1205	10,24	1411	11,24	1189	21,3
V. Беллетристика	2722	57,4	3703	46,8	4305	38,04	4652	39,55	5615	44,74	2408	43,2
VI. История литературы, критика, публицистика и библиография	5	0,11	21	0,27	63	0,56	106	0,9	117	0,93	138	2,48
VII. Правоведение, политическая экономия, социология, финансы	34	0,72	25	0,32	13	0,11	32	0,27	46	0,37	35	0,63
VIII. География, этнография, путешествия и статистика	15	0,32	23	0,29	24	0,21	24	0,2	39	0,31	24	0,43
IX. История с ее вспомогательными науками (биография, записки)	8	0,17	47	0,59	205	1,81	213	1,81	76	0,6	55	0,99
X. Естествознание (астрономия, биология, физика, химия)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	98	–
XI. Медицина, гигиена	9	0,2	23	0,29	49	0,43	43	0,37	61	0,49	97	3,5
XII. Иностранная литература	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	97	1,74
XIII. Книги справочные и прикладных знаний	0	0	46	0,59	31	0,27	14	0,12	33	0,26	55	0,99
XIV. Период. издания	1852	39	3588	45,36	5595	49,45	5387	45,8	5092	40,57	1210	21,7
Всего	4745	100	7910	100	11316	100	11 763	100	12 551	100	5576	100

* Составлено и подсчитано по: [12, с. 8; 13, с. 13–14; 14, с. 42–43; 15, с. 6–7 из 1-й пагин.; 16, с. 20–21; 17, с. 7].

гике – 204 и 72, богословию – 32 и 24 соответственно [26, с. 10–12].

В Минусинской городской общественной библиотеке в 1912 г. выдача книг по истории литературы, критике и языкознанию составила 112 экз., истории – 92, философии, психологии, этике – 48, географии и этнографии – 35, искусству – 30, технике – 29, педагогике и воспитанию – 26, археологии – 24, правоведению и социологии – 23, политической экономии и финансам – 19, физике и медицине – по 17, геологии – 16, богословию – 14, астрономии и ботанике – по 8 и др. [27, с. 27].

Читателям Троицкосавской общественной библиотеки в 1909 г. книг духовно-нравственного содержания было выдано крайне мало – всего 5 экз., что составило 0,02 % всех книговыдач, в то время как выдачи из других отделов исчислялись сотнями изданий. Например, из отдела «Философия. Психология. Педагогика. Этика» было выдано 500 экз.; «Правоведение, политические и социальные науки» – 360; «История. Био-

графия. Археология» – 374; «Землеведение. География. Путешествия» – 200; «Естествознание. Медицина. Гигиена. Антропология» – 514; «Астрономия. Физика. Математика» – 260; «Техника. Сельское хозяйство. Ремесла» – 161; «История литературы. Критика. Публицистика» – 878; «Языкознание. Словари» – 109; «Справочные книги. Смесь» – 224 экз. [28, с. 26–27]. Как и в других библиотеках, больше всего выдач пришлось на отделы беллетристики и периодических изданий: они составили 13 631 и 8182 экз. соответственно [28, с. 9].

Представленные данные свидетельствуют, что на художественную литературу в книговыдачах из библиотек Сибири приходилось около половины всех запросов. Существовал также спрос на отраслевую литературу, в том числе историческую, географическую, литературоведческую, философскую, медицинскую, а также на справочные и периодические издания. Все это свидетельствовало не только о значительном расширении круга чтения и его секуляризации, но и об

Т а б л и ц а 2

**Количество названий книг по отделам и их востребованность у пользователей
Иркутской бесплатной народной библиотеки-читальни***

Отделы фонда	Кол-во названий книг в отделе	Доля названий книг отдела в общем количестве названий в фонде, %	Кол-во востребованных читателями названий	Доля числа востребованных читателями названий в количестве названий данного отдела, %	Доля числа востребованных читателями названий данного отдела среди других отделов, %	Место отдела по востребованности у читателей
I. Духовно-нравственные книги	36	4,8	12	33,3	2,3	6
II. Беллетристика	397	52,9	384	96,7	72,2	1
III. Биография	41	5,4	29	70,7	5,5	4
IV. История	84	11,2	49	58,3	9,2	2
V. География	77	10,2	36	46,8	6,8	3
VI. Естествоведение	52	6,9	13	25	2,4	5
VII. Медицина и гигиена	14	1,9	2	14,3	0,4	8
VIII. Педагогика и учебники	15	2	1	6,7	0,2	10–11
IX. Юридические и общественные науки	6	0,8	1	16,7	0,2	10–11
X. Сельское хозяйство и ремесла	24	3,2	3	12,5	0,5	7
XI. Справочные книги	5	0,7	2	40	0,3	9
Всего	751	100	532	70,8	100	

* Составлено и подсчитано по: [18, с. 11–15].

Т а б л и ц а 3

Количество книговыдач по отделам пользователям Якутской бесплатной народной библиотеки-читальни*

Отделы фонда	1899	1900	1901	1902	1903
I. Книги духовного содержания	116	112	156	136	127
II. История, русская и всеобщая. Мифология	247	376	413	384	124
III. Биографии	47	69	82	84	124
IV. География. Этнография. Путешествие	159	270	292	268	349
V. Теория словесности и история литературы и искусства	44	67	67	62	58
VI. Словесность (Изысканная литература)	5785	4788	4942	6209	6335
VII. Естествоведение. Сельское хозяйство	336	172	297	335	310
VIII. Медицина и гигиена	43	34	42	47	38
IX. Педагогика. Психология. Логика	9	21	20	27	24
X. Общественные и юридические науки	32	13	23	33	47
XI. Ремесла и производства	19	17	30	15	14
XII. Книги разного содержания. Словари	23	31	105	53	46
XIII. Периодические издания	1317	1187	1200	1244	1148
Всего	8177	7157	7669	8897	8744

* Составлено и подсчитано по: [19, с. 14–15; 20, с. 12–13; 21, с. 19–20; 22, с. 12; 23, с. 8–9].

усилении его роли в жизни отдельного человека и сибирского сообщества в целом.

Темпы и масштабы модернизации чтения определялись многими факторами. Основными из них были темпы и масштабы создания и расширения сети учебных заведений, библиотечной и книготорговой

сети в регионе. Влияние учебных заведений на модернизацию чтения являлось косвенным, но не менее важным, поскольку они: 1) вырабатывали базовое для ознакомления с текстами умение читать и тем самым способствовали росту грамотности населения, без чего невозможно было не только распространение

чтения и увеличение его места в жизнедеятельности человека, но и само существование этого важнейшего социокультурного явления; 2) владели собственными библиотеками (иногда двумя – ученической и фундаментальной); 3) в сельской местности предоставляли народным библиотекам свои помещения для размещения и библиотечной, обязанности которых добровольно и безвозмездно возлагали на себя местные учителя.

Кроме того, поскольку чтение является одним из основных элементов книжной культуры, то темпы и масштабы его модернизации в заметной степени определяются уровнем развития двух других ее элементов – книгоиздания и книгораспространения, включающего создание разветвленной библиотечной и книготорговой сети в регионе, функционирование различных форм стационарной и внестационарной, преимущественно разносной торговли. Еще одним фактором, определявшим темпы модернизации чтения, было время, за которое общество в целом и каждый человек в отдельности осознали огромную пользу чтения и приобретение в его процессе новой информации, которую они начинали активно использовать во всех сферах жизнедеятельности.

На модернизацию чтения в Сибири оказывали влияние как общероссийские, так и местные события и процессы. Среди первых наибольшую роль сыграли Русско-японская война 1904–1905 гг. и Первая русская революция 1905–1907 гг., среди вторых – приобретший общероссийскую известность Ленский расстрел 1912 г., что значительно повысило интерес к периодическим изданиям (прежде всего, к газетам) и общественно-политической литературе в целом.

Ускорило модернизацию чтения и строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, прошедшей через весь регион от Урала до Тихого океана. Во-первых, она ускорила и удешевила доставку книг и периодических изданий из Москвы и Петербурга, откуда их главным образом выписывали библиотеки и отдельные читатели, тем самым понизив и стоимость самой печатной продукции; во-вторых, на станциях для ее служащих открывались библиотеки; в-третьих, в крае появилась еще одна группа специалистов, обладавших, как минимум, элементарной грамотностью, а как максимум – средним или высшим техническим образованием, выступавших, соответственно, потенциальными и реальными читателями специальной, светской развлекательной и другой литературы.

На темпы модернизационных процессов оказывало влияние и общение местных жителей с политическими ссыльными, которых в Сибири было немало.

Модернизация чтения развивалась неравномерно. Ее темпы зависели от места жительства читателей, их возраста, уровня образования, рода занятий. Так, быстрее модернизация чтения происходила у подростков, юношей и молодежи, нежели у старшего поколения, которое преимущественно отдавало предпочтение душевспасительной литературе, у образованных сибиряков по сравнению с лишь освоившими грамотность, у жителей крупных городов, чем у сельского

населения, среди которых середняки и представители сельской буржуазии чаще других обращались к практически полезной литературе, прежде всего сельскохозяйственной, центральным и местным периодическим изданиям, преимущественно газетам, предоставлявшим актуальную информацию об экономической и общественно-политической жизни страны, о проводимых сибирских ярмарках и содержащим полезные советы по всем отраслям сельского хозяйства, организации маслодельческих артелей и потребительских лавок. Их активная хозяйственная деятельность уже не могла развиваться вне информационного поля, формируемого печатными текстами.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. происходила модернизация круга чтения сибиряков. Основными проявлениями этого процесса стали секуляризация и расширение круга чтения. Последнее осуществлялось благодаря увеличению числа его сегментов и значительному повышению доли присутствия в нем художественной, научно-популярной отраслевой (исторической, географической, естественнонаучной, общественно-политической, медицинской и др.), а также практически полезной литературы, информационных изданий и периодики. Религиозная, духовно-нравственная литература, прежде составлявшая весь круг чтения или преобладающую его часть, стала заметно вытесняться изданиями, содержащими актуальную и полезную для читателей информацию и способствовавшими самообразованию и развлечению человека, заполнению им своего досуга, решению конкретных жизненных задач.

Модернизация чтения происходила в контексте модернизации страны в целом, всех сфер жизни общества (прежде всего, экономической, социальной и культурной), будучи одновременно и одним из факторов модернизации, и одним из ее результатов. Двойственность роли чтения в модернизации страны была обусловлена его зависимостью от распространенности грамотности и книг среди населения, в свою очередь определявшихся модернизацией системы образования, книгоиздания, книгораспространения, библиотечного дела, и в то же время его влиянием как важнейшего средства образования, подготовки профессиональных кадров и распространения знаний на экономический, общественно-политический и социокультурный уровень развития страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зверева К.Е., Зверев В.А.* Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX века. Новосибирск, 2013. 237 с.
2. Опыт российских модернизаций. XVIII–XX вв. / отв. ред. В.В. Алексеев. М., 2000. 246 с.
3. *Ахиезер А.С.* Как «открыть» закрытое общество. М., 1997. 40 с.
4. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск, 1997. Т. 1: От прошлого к будущему. 805 с.; Новосибирск, 1998. Т. 2: Теория и методология: словарь. 594 с.
5. *Красильщиков В.А.* Модернизация и Россия на пороге XXI в. // *Вопр. философии.* 1993. № 7. С. 40–56.

6. *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. 240 с.

7. *Зверев В.А.* Образ жизни сельского населения Сибири в начальный период модернизации российского общества: проблемы исторического изучения // *Сибирская деревня: проблемы истории.* Новосибирск, 2004. С. 75–84.

8. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX в.: очерки истории / отв. ред. В.А. Ильных. Новосибирск, 2008. 308 с.

9. *Ильных В.А., Ноздрин Г.А.* Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг.: материалы к моногр. Новосибирск, 2007. 170 с.

10. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова [и др.]; под ред. А.К. Соколова. М., 2004. 687 с.

11. *Посадсков А.Л.* Модернизация книжной культуры: от метафоры к смыслу // Десятые Макушинские чтения: материалы науч. конф. (Томск, 12–14 мая 2015 г.). Новосибирск, 2015. С. 211–218.

12. Пятый годичный отчет Общества взаимного вспоможения приказчиков в г. Томске за 1896 год. Томск, 1897. 42 с.

13. Седьмой годичный отчет Общества взаимного вспоможения приказчиков в г. Томске за 1898 год. Томск, 1899. 89 с.

14. Десятилетие Общества взаимного вспоможения приказчиков в г. Томске (19 апреля 1892 г. – 19 апреля 1902 г.): очерк жизни и деятельности общества. Томск, 1903. 152 с., с разд. пагин. (На обл. год изд.: 1902).

15. Одиннадцатый годичный отчет Общества взаимного вспоможения приказчиков в г. Томске за 1902 год. Томск, 1903.

16. Четырнадцатый годичный отчет Общества взаимного вспоможения приказчиков в г. Томске за 1905 год. Томск, 1907. 76 с.

17. Восемнадцатый отчет Общества взаимного вспоможения приказчиков в г. Томске за 1909 год. Томск, 1910. 87 с.

18. Отчет о деятельности Иркутской бесплатной народной библиотеки-читальни за первый год ее существования: 10 ноября 1896 – 10 ноября 1897. Иркутск, 1898. 30 с.

19. Отчет Якутской бесплатной народной библиотеки-читальни за 2-й год ее существования. Якутск, 1900. 18 с.

20. Отчет Якутской бесплатной народной библиотеки-читальни за 3-й год ее существования. Якутск, 1901. 21 с.

21. Отчет Якутской бесплатной народной библиотеки-читальни за 4-й год ее существования: с 1 января 1901 года по 1 января 1902 года. Якутск, 1902. 22 с.

22. Отчет Якутской бесплатной народной библиотеки-читальни за 5-й год ее существования: с 1 января 1902 года по 1 января 1903 года. Якутск, 1903. 16 с.

23. Отчет Якутской бесплатной народной библиотеки-читальни за 6-й год ее существования: с 1 января 1903 г. по 1 января 1904 г. Якутск, 1904. 12, [6] с.

24. Отчет Якутской городской публичной библиотеки за 1914 год. Якутск, [1915]. 22 с.

25. Второй годичный отчет Общества взаимопомощи приказчиков в г. Барнауле, за 1907 год. Томск, 1908. 32 с.

26. Отчет городских библиотек имени А.С. Пушкина и В.Г. Беллинского. Омск, 1913. 20 с.

27. Отчет по Минусинскому Мартыановскому музею и Минусинской городской библиотеки, за 1912 год. Минусинск, 1913. 28 с.

28. Отчет Троицкосавской общественной библиотеки за 1909 год. Троицкосавск, 1910. 27 с.

REFERENCES

1. *Zvereva K.E., Zverev V.A.* How Siberia learned to read: school, literacy and book in the Russian village of the late XIX – early XX centuries. Novosibirsk, 2013, 237 p. (In Russ.)

2. *Alekseev V.V. (ed.)* Experience of the Russian modernizations, XVIII–XX centuries. Moscow, 2000, 246 p. (In Russ.)

3. *Akhiezer A.S.* How “to open” the closed society. Moscow, 1997, 40 p. (In Russ.)

4. *Akhiezer A.S.* Russia: criticism of the historical experience: (socio-cultural dynamics of Russia). In 2 vols. Novosibirsk, 1997–1998, vol. 1, 805 p.; vol. 2, 594 p. (In Russ.)

5. *Krasil'shchikov V.A.* Modernization and Russia on a threshold of the XXI century. *Voprosy filosofii*, 1993, no. 7, pp. 40–56. (In Russ.)

6. *Poberezhnikov I.V.* Transition from a traditional to industrial society: theoretic-methodological problems of modernization. Moscow, 2006, 240 p. (In Russ.)

7. *Zverev V.A.* A way of life of Siberian country population at the initial stage of the Russian society's modernization: problems of historical study. *Sibirskaya derevnya: problem istorii*. Novosibirsk, 2004, pp. 75–84. (In Russ.)

8. *Il'nykh V.A. (ed.)* Agrarian transformations and agriculture of Siberia in the XX century: history sketches. Novosibirsk, 2008, 308 p. (In Russ.)

9. *Il'nykh V.A., Nozdryn G.A.* Agriculture of Siberia in the 1890–1920s: materials to monograph. Novosibirsk, 2007, 170 p. (In Russ.)

10. *Sokolov A.K., Bokarev Yu.P., Borisova L.V. [et al.]* Source study of the contemporary history of Russia: theory, methodology, practice. Moscow, 2004, 687 p. (In Russ.)

11. *Posadskov A.L.* Modernization of book culture: from a metaphor to meanings. *Desyatye Makushinskie chteniya: materialy nauch. konf. (Tomsk, May 12–14, 2015)*. Novosibirsk, 2015, pp. 211–218. (In Russ.)

12. The fifth annual report of the Society of Mutual Assistance of Salesmen in Tomsk for 1896. Tomsk, 1897, 42 p. (In Russ.)

13. The seventh annual report of the Society of Mutual Assistance of Salesmen for 1898. Tomsk, 1899, 89 p. (In Russ.)

14. The tenth anniversary of Society of Mutual Assistance of Salesmen in Tomsk (April 19, 1892 – April 19, 1902): an essay on the Society's life and activity. Tomsk, 1903, 152 p. (In Russ.)

15. The eleventh annual report of Society of Mutual Assistance of Salesmen in Tomsk for 1902. Tomsk, 1903. (In Russ.)

16. The fourteenth annual report of Society of Mutual Assistance of Salesmen in Tomsk for 1905. Tomsk, 1907, 76 p. (In Russ.)

17. The eighteenth annual report of Society of Mutual Assistance of Salesmen in Tomsk for 1909. Tomsk, 1910, 87 p. (In Russ.)

18. The report on activity of the Irkutsk free national reading room for the first year of its existence: (November 10, 1896 – November 10, 1897). Irkutsk, 1898, 30 p. (In Russ.)

19. The report of the Yakut free national reading room for the 2nd year of its existence. Yakutsk, 1900, 18 p. (In Russ.)

20. The report of the Yakut free national reading room for the 3rd year of its existence. Yakutsk, 1901, 21 p. (In Russ.)

21. The report of the Yakut free national reading room for the 4th year of its existence: January 1, 1901 – January 1, 1902. Yakutsk, 1902, 22 p. (In Russ.)

22. The report of the Yakut free national reading room for the 5th year of its existence: January 1, 1902 – January 1, 1903. Yakutsk, 1903, 16 p. (In Russ.)

23. The report of the Yakut free national reading room for the 6th year of its existence: January 1, 1903 – January 1, 1904. Yakutsk, 1904, 6 p. (In Russ.)

24. The report of the Yakut city public library for 1914. Yakutsk, 1915, 22 p. (In Russ.)

25. The second year report of Society of Mutual Assistance of Salesmen in Barnaul. 1907; Tomsk, 1908, 32 p. (In Russ.)

26. The report of municipal libraries named after A.S. Pushkin and V.G. Belinsky. Омск, 1913, 20 p. (In Russ.)

27. The report of Martyanov Minusinsk Museum and Minusinsk Municipal Library. 1912. Minusinsk, 1913, 28 p. (In Russ.)

28. The report of Troitskosavsky Public Library for 1909. Troitskosavsk, 1910, 27 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 25.07.2019

DOI: 10.15372/HSS20190406
УДК 94(470+571)“1924/1925”

Л.В. КРОМЕР

УЧАСТИЕ КОМСОМОЛА В ВЫБОРАХ В СЕЛЬСОВЕТЫ РСФСР (1924–1925 гг.)

Новосибирский электротехнический колледж,
РФ, 630110, г. Новосибирск, Учительская, 42

Статья посвящена участию комсомола в избирательной кампании в сельсоветы РСФСР 1924–1925 гг. Показано, что в ходе выборов 1924 г. государственными и партийными органами предпринимались попытки искусственно завысить долю комсомольцев в составе сельсоветов, оказывая давление на избирателей, что вызывало у них протестные чувства. Стремление высшего партийного руководства продемонстрировать «народный» характер советской власти, повысить явку на выборы привело к массовой отмене результатов выборов на территории ряда губерний. По итогам вторичных выборов, состоявшихся в начале 1925 г. и проводившихся в более свободных от административного «пресса» условиях, удельный вес комсомольцев в сельсоветах значительно уменьшился, продемонстрировав тем самым их действительный авторитет среди населения.

Ключевые слова: комсомол, коммунистическая партия, РКП(б), сельсоветы, выборы, избирательные кампании, крестьяне.

L.V. KROMER

THE KOMSOMOL'S PARTICIPATION IN THE VILLAGE COUNCIL'S ELECTIONS OF THE RUSSIAN SOVIET FEDERAL SOCIALISTIC REPUBLIC (1924–1925)

Novosibirsk Electro-Technical Professional School,
42, Uchitel'skaya Str., Novosibirsk, 630110, Russia

The article considers the participation of the Komsomol (the All-Russian Leninist Young Communist League) in the elections to village councils in the territory of the Russian Soviet Federal Socialistic Republic (RSFSR) from autumn 1924 to spring 1925. The author tried to answer the following questions: the basis upon which the Young Communist League took part in the elections; how the Komsomol cells behaved during the election campaigns and what results it led to.

The methodological basis of the article is the principle of historicism, according to which studying the phenomena of the past should be considered in close connection with the cultural and historical context, as well as the principle of objectivity, assuming an open-minded approach of a researcher to the subject under study. The author has chosen the problematic and chronological method of a wide range of specific historical techniques involving the division of historical material into a number of narrower problems studied in the order of their time sequence.

The Komsomol members had no legal grounds to participate in the elections of the Soviets; such a right was granted them by the documents of the governing party and the Komsomol, but not by the legal acts. Ensuring the representation of as many as possible Komsomol members in the village councils was considered by the leadership of the Russian Communist Party of Bolsheviks (RCP(b)) as an important political task. Therefore, throughout the election campaign of 1924, the state bodies, the Communist Party and the Komsomol members themselves everywhere tried to put pressure on voters to force them to vote for Komsomol candidates.

The peasants protested on a massive scale against turning the elections into a farce; the decrease in voter turnout, as well as the policy announced during the internal party struggle to “revive” the Soviets, prompted the top leadership of the RCP(b) to agree to conduct new elections in a number of provinces during the period from winter to spring 1925. Previous attempts of Communists and Komsomol members to impose their candidates upon the peasants was unequivocally condemned by the top leadership of the RCP(b), who in advance reconciled the possibility of increasing the share of non-party peasants in village councils. The refusal of administrative pressure caused a noticeable decrease in the Komsomol member's share in village councils, thereby demonstrating the low credibility in the eyes of the peasants.

Key words: Komsomol, Communist Party, RCP(b), village councils, elections, election campaigns, peasants.

Лев Викторович Кромер – преподаватель общественных дисциплин, Новосибирский электротехнический колледж, e-mail: levkromer@mail.ru

Lev V. Kromer – teacher of the society's subjects, Novosibirsk electro-technical professional school.

Пришедшие к власти в результате вооруженно-го переворота и кровопролитной Гражданской войны большевики позиционировали себя тем не менее как убежденных сторонников демократии. Инструментом подлинного народовластия, согласно уверениям большевиков, должны были стать Советы. В.И. Ленин, сравнивая Советы с органами власти старого государственного аппарата, утверждал в 1917 г.: «По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение» [1, с. 305]. «Прогрессивная» и истинно «народная» советская демократия, тем не менее, отвергала идею свободной конкуренции. Принимать участие в выборах Советов могли лишь две политические организации, исповедовавшие единую идеологию и связанные друг с другом неразделимыми узами – коммунистическая партия и коммунистический союз молодежи (комсомол).

Тема выборов в Советы принадлежала к числу наиболее популярных в историографии СССР. Авторы единодушно подчеркивали превосходство советской избирательной системы перед «буржуазной» западной как обеспечивавшей в полной мере защиту интересов трудящихся. Поскольку залогом успешной работы Советов исследователи называли руководство коммунистической партии, участие коммунистов в выборах находилось в центре их внимания. Роль комсомола в избирательном процессе и деятельности Советов при этом почти не интересовала исследователей. В многочисленных исследованиях, посвященных истории советского строительства, истории партии или классовой борьбы, комсомол лишь кратко упоминался в качестве верного «помощника» РКП(б)–ВКП(б), проводника ее влияния на массы, в том числе через участие в выборах и деятельности Советов, либо не фигурировал вовсе [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13]. Единственная публикация, специально посвященная деятельности комсомольцев в Советах, подготовлена В.В. Долговым. Рассмотрев прием комсомольцев на работу в Советы без участия в выборах – так называемое практиканство в годы Гражданской войны и восстановительный период, автор пришел к выводу, что к середине 1920-х гг. практиканство утратило свой сугубо комсомольский характер и стало общемолодежной формой деятельности. Принцип практиканства, по словам В.В. Долгова, получил дальнейшее развитие в деятельности постоянных отраслевых секций Советов, комиссий исполкомов и в выдвиженчестве [14].

Более подробное участие комсомола в советском строительстве освещено А.А. Слезинным. На материалах Центрального Черноземья он пришел к выводу о том, что вовлеченность комсомола в процесс выборов на правах формально обособленного от партии участника являлась лишь имитацией демократии, маскировавшей властный монополизм партии [15; 16]. По мнению Л.С. Цветлюк, комсомол был выразителем молодежных интересов в Советах, несмотря на то, что юридически не имел оснований для участия в их рабо-

те [17, с. 176–178]. Участие комсомола в избирательных кампаниях 1924–1927 гг. на территории Псковской губернии изучалось О.Г. Вишневым. В указанные годы, по ее заключению, происходило не только выделение организации РЛКСМ–ВЛКСМ в качестве самостоятельного субъекта общественно-политической жизни, но и возрастали темпы ее вовлечения в систему советских органов власти [18].

Близки к теме нашего исследования и работы, посвященные роли комсомола в общественно-политической жизни СССР в целом. На материалах Беларуси В.В. Данилович пришел к выводу, что государство на протяжении 1920–1930-х гг. проводило политику привлечения талантливых молодых людей в органы власти, причем принадлежность последних к комсомолу не была обязательной [19]. У.М. Андриец отметила, что в 1923–1925 гг. комсомольские ячейки внесли свой вклад в создание государственного аппарата на Дальнем Востоке и стали политическими центрами в деревне [20]. Ж.Ю. Савченко, напротив, негативно оценила результаты общественно-политической работы комсомольцев, выявленные ею на материалах кубанской станицы. В деятельности комсомольцев, по ее словам, проявились администрирование, преследование неугодных социальных групп, а также увлеченность внешней, показной стороной дела в ущерб ее содержанию [21].

Роль комсомола в выборах Советов и общественно-политической жизни 1920-х гг. нашла свое отражение в историографии, однако публикации в основном были подготовлены на материалах отдельных регионов. Историками не предпринималось попыток в специальном исследовании осветить участие комсомола в выборах Советов на всей территории РСФСР в 1920-е гг. Данная статья призвана частично заполнить этот пробел. Мы попытаемся выявить, на каких основаниях комсомол принимал участие в выборах, рассмотреть роль комсомольских ячеек в электоральном процессе на примере избирательной кампании 1924–1925 гг.

***

Обязанность принимать участие в выборах в Советы, оказывать коммунистической партии всяческую поддержку во время избирательных кампаний была возложена на комсомол в августе 1919 г. совместным указанием ЦК РКП(б) и ЦК РКСМ «О взаимоотношениях Российского коммунистического союза молодежи и Российской коммунистической партии (большевиков)» [22, с. 10–11]. Первая всероссийская конференция РКСМ, состоявшаяся 1–6 июня 1921 г., считала сохранение руководства коммунистической партии в Советах «основным вопросом пролетарской революции в настоящее время». В принятом постановлении указывалось, что комсомольские организации должны активно участвовать в выборах в Советы, в том числе и через выдвижение комсомольских кандидатур в Советы и исполкомы. Разумеется, таковые действия должны были проводиться под прямым контролем

РКП(б): сама возможность выдвижения кандидатов и их количество подлежали предварительному согласованию с партийными органами [23, с. 50].

Более подробно задачи комсомольцев во время проведения избирательной кампании разъясняло «Положение о работе сельской ячейки и ее представителей в ВИКах и сельсоветах», предусматривавшее, что комсомольцы должны: призывать население голосовать за коммунистов и «честных» беспартийных крестьян; подрывать авторитет кулаков, не пропуская тех, а также бывших полицейских и бандитов в члены сельсоветов; на избирательных собраниях поддерживать только кандидатуры, выставленные РКП(б) [24, с. 16].

Избирательная кампания 1924 г. в РСФСР стартовала в сентябре и продлилась до декабря того же года [9, с. 121]. Незадолго до начала выборов, 11 августа 1924 г., ЦИК СССР была принята «Инструкция о пере выборах городских и сельских Советов и о созыве волостных (районных), уездных (окружных) и губернских (областных) съездов Советов». В ней описывался порядок проведения выборов в сельсоветы. Подготовка к выборам начиналась с формирования сельской избирательной комиссии, состоявшей из председателя, назначенного волостной (районной) избирательной комиссией, и двух членов сельсовета. Избирательная комиссия составляла список лиц, на основе действовавшего законодательства лишенных избирательных прав, а также организовывала избирательное собрание, на котором и осуществлялась процедура выборов. Голосование могло проводиться как по спискам, так и по отдельным кандидатурам. Победившими на выборах считались лица, получившие простое большинство голосов¹.

Спецификой новой избирательной кампании было то обстоятельство, что она проходила в условиях обострившейся внутривластной борьбы между Л.Д. Троцким и его противниками за власть. В противовес доктрине «сверхиндустриализации» Л.Д. Троцкого его оппонентами была сформулирована иная концепция развития страны – «врастания» крестьянина в социализм, предусматривавшая более терпимое отношение к единоличному накоплению в деревне, к трудовым зажиточным хозяйствам, поощрение экономической деятельности кустарей и ремесленников. В контексте мер экономической либерализации вполне логичными выглядели меры по расширению сотрудничества с этими слоями населения [25, с. 83]. Пленум ЦК РКП(б), состоявшийся 25–27 октября 1924 г., объявил курс на «оживление Советов». Чтобы добиться «оживления» (как указывалось в резолюции пленума), необходимо было обеспечить «проведение в Советы и исполкомы большого количества беспартийных крестьян и крестьянок, в особенности тех, которые име-

¹ Инструкция о пере выборах городских и сельских Советов и о созыве волостных (районных), уездных (окружных) и губернских (областных) съездов Советов // Сборник постановлений и распоряжений Всероссийского центрального исполнительного комитета XI созыва и его Президиума. 1924. № 3. С. 20–24.

ют авторитет в крестьянской среде, лучше выражают настроения крестьянства». Нарушения принципа «выборности», незаконное вмешательство в работу Советов требовалось устранить [26, с. 301–302].

Другим немаловажным обстоятельством, наложившим свой отпечаток на характер участия комсомола в выборах 1924 г., стала крайняя «молодость» многих его сельских ячеек. В рассматриваемое время комсомол переживал бурный рост численности своих сельских организаций. Так, если на 1 марта 1924 г. по РСФСР всего насчитывалось 10 288 деревенских ячеек², то к январю 1925 г. их стало уже 18 889³. Несмотря на отсутствие политического опыта у новоиспеченных сельских комсомольцев, высшее руководство РКП(б) и РЛКСМ ожидали от последних активного отстаивания интересов коммунистической партии в ходе избирательной кампании.

У нас нет сведений, позволяющих полагать, будто бы большинство сельских ячеек активно готовились к выборам. Даже сами государственные органы зачастую воспринимали избирательную кампанию как пустую формальность. Выборочное обследование, проведенное сотрудниками ВЦИК по 46 волостям в различных регионах Центральной России, Урала, Сибири и Дальнего Востока, выявило, что в 26 из них избирательные комиссии создавались только непосредственно в день выборов. Для организации выборов выделялись случайные люди, не имевшие авторитета у населения [27, с. 83].

Тем не менее получаемые с мест результаты выборов поначалу вызывали оптимизм у партийно-комсомольского руководства: согласно поступавшим сведениям можно было ожидать значительного «улучшения» состава членов сельсоветов. Так, из Новониколаевского уезда сообщали, что «кандидаты в сельсоветы, выдвигаемые ячейками РКП и РЛКСМ, как правило, почти всюду принимались единогласно... В сельсоветы избрано 220 женщин и 146 комсомольцев»⁴. Итоги кампании по уездам Томской и Енисейской губерний также подтверждали положительную динамику: «комсомол превращается в действительную политическую силу в деревне. Почти каждая ячейка провела комсомольца в Совет»⁵. Предварительные итоги кампании по Нижегородской, Иваново-Вознесенской, Воронежской, Калужской, Саратовской, Новгородской, Псковской, Череповецкой, Забайкальской и Алтайской гу-

² Подсчитано по: Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 241. Л 7 об. (Промышленные и земледельческие губернии, Уральская область, Юго-Восток, автономные республики и области, Сибирь и Дальневосточная область).

³ Подсчитано по: Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-188. Оп. 1. Д. 155. ЛЛ. 51–52. (Промышленные и земледельческие губернии, Уральская область, Северо-Кавказский край, автономные области и республики, Сибирь и Дальневосточная область).

⁴ Горемычный Н. Партия и крестьянство // Советская Сибирь. 1924. 3 дек.

⁵ Рязанов А. Некоторые итоги пере выборной кампании в сельсоветы // Путь молодежи. 1924. 7 дек.

**Партийный состав членов сельсоветов по предварительным итогам кампании 1924 г.
(по сравнению с 1923 г.)*, %**

Губернская область	Доля коммунистов	Доля комсомольцев	Доля беспартийных	Доля беспартийных (выборы 1923 г.)
Нижегородская	9,0	5,0	86,0	92,3
Иваново-Вознесенская	5,4	4,3	90,3	92,0
Вотская автономная область	2,9	1,7	95,4	99,3
Чувашская автономная область	2,6	3,6	93,8	97,2
Воронежская	9,2	3,5	87,3	91,5
Калужская	7,6	4,4	88,0	97,5
Саратовская	11,1	3,4	85,5	90,6
Новгородская	3,3	1,7	95,0	98,3
Псковская	8,6	11,8	79,6	95,5
Забайкальская	15,6	7,4	77,0	81,8
Алтайская	22,5	3,7	73,8	83,3
Череповецкая	2,5	9,1	88,4	96,6

*Составлено по: [28, с.9].

берниям, а также Вотской и Чувашской автономным областям показали заметное снижение удельного веса беспартийных членов сельсоветов за счет коммунистов и комсомольцев. При этом в Чувашии, Псковской и Череповецкой губерниях удельный вес комсомольцев в сельсоветах даже превысил вес коммунистов.

Было бы, однако, наивно объяснять повышение доли коммунистов и комсомольцев в сельсоветах искренним желанием крестьян голосовать за них. Напротив – таковые результаты достигались через давление на избирателей. На первом Всесоюзном совещании по советскому строительству, состоявшемся 5–7 января 1925 г., докладчик Кириллов от Ягунинского волысполкома Звенигородского уезда Московской губернии открыто признал: «При выборах было сделано указание, чтобы обязательно выбирать в этот раз женщин и комсомол». Другой докладчик, Миняева из Московского уезда, рассказала, как именно осуществлялись попытки провести комсомольцев в сельсовет: «На перевыборах коммунисты, приехавшие производить перевыборы, и комсомольцы представили крестьянам список. Крестьяне этим списком недовольны, они представляют свой, крестьянский список. Но их список не был даже заслушан. Тогда крестьяне стали выдвигать своих кандидатов, но комсомольцы начали делать отводы. Крестьянский список провалился – прошел тот список, который был выдвинут комсомольцами. В результате многие крестьяне ушли с перевыборов, не докончив их, говоря: “Все равно, если и говорят в центре, что мы свободно будем вовлекаться в выборы, а на деле этого нет. Голосуйте за кого хотите, выбирайте кого хотите, а мы будем пассивны”» [29, с. 22, 95]. Иногда попытки навязать крестьянам своих кандидатов заканчивались еще более конфликтно. Секретарь ЦК РЛКСМ Н.П. Чаплин, выступая перед пленумом комсомольского ЦК, привел цитату из письма, пришедшего из Самарской губернии: «Избирателей обычно раздражало

всякое давление со стороны избирательной комиссии или ячейки. Когда в одном селе избиратели не хотели избрать комсомольца, а ячейка настаивала, поднялся шум, коммунисты должны были закрыть собрание, а когда пошли спать, в них и комсомольцев стрельнули» [30, с. 16].

Нежелание голосовать за комсомольцев избиратели объясняли отсутствием у тех необходимого жизненного опыта: «Комсомолец еще и своего хозяйства не имел – как же он будет учить крестьян вести лучше свое хозяйство?» [30, с. 16]. Исключением были те из комсомольцев, кто уже успел показать себя в качестве старательных, трудолюбивых землепашцев, завоевав тем самым авторитет односельчан. Выборочное обследование сельских ячеек РЛКСМ по состоянию на 1 января 1925 г. свидетельствовало, что среди занятых на советской работе комсомольцев преобладали самостоятельные хозяева либо члены их семей, в меньшей степени были представлены крестьяне-одиночки и в еще меньшей – батраки. Такие комсомольцы уже имели за плечами некоторый жизненный опыт: наиболее многочисленной возрастной группой среди них были лица в возрасте от 23 лет и старше [31, с. XXVII–XXVIII], то есть уже формально вышедшие за рамки комсомольского возраста [32, с. 375].

Зачастую работу в сельсовете такие комсомольцы совмещали с выполнением других постоянных обязанностей, связанных с руководящей работой в местной организации или участием в культурно-просветительной деятельности. По данным упомянутого выше обследования в индустриально развитых регионах европейской части России 75 % «активно работающих» комсомольцев (имевших постоянные обязанности) были заняты на комсомольских должностях, 46 % одновременно находились на советской и 31 % – на культурной работе. Аналогичная картина с небольшими отличиями была зафиксирована на Урале, где на 100

представителей комсомольского «актива» приходилось 83 комсомольских, 59 советских и 18 «культурных» должностей. На территории Сибири и Дальнего Востока указанное распределение должностей составляло 62, 59 и 18 соответственно [31, с. XXIII]. Явка на выборы 1924 г. составила лишь 32,4 %, а в 1923 г. – 37,2 % [33, с. 13]. Крестьяне открыто заявляли о бессмысленности проведения такой избирательной кампании – при отсутствии свободы голосования: «Это не перевыборы, а насмешка»; «Только говорят, что перевыборы, а на самом деле ставят, кого хотят»; «совласть на словах выборная, а фактически назначенская» [34, с. 280–281].

Осознав, что заявленный лозунг «оживления Советов» так и остался лозунгом, высшее государственное руководство отреагировало на результаты выборов радикальным образом. 29 декабря 1924 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление «О перевыборах в Советы в тех районах, где имели место неправильности в работе избирательных комиссий». Уже 16 января 1925 г. тем же органом были приняты постановление «О перевыборах в Советы» и новая инструкция о проведении выборов. В постановлении указывалось: выборы должны были быть отменены в случае, если явка избирателей составила менее 35 % или в случае наличия жалоб со стороны граждан на незаконные действия органов и учреждений, руководивших выборами. Решение об отмене выборов принималось краевыми и губернскими комитетами [25, с. 82, 84, 86].

В циркуляре от 27 января 1925 г. «О частичных перевыборах Советов» ЦК РКП(б) указал, что прежде применявшиеся методы проведения кандидатов в состав органов государственной власти совершенно недопустимы: «Особое внимание необходимо обратить на способы выдвижения кандидатов ячейками партии и комсомола; ячейки должны составлять свои списки только после предварительной проверки на ряде собраний беспартийных крестьян или рабочих. [...] Необходимо бороться самым решительным образом с наблюдающимися в последнее время попытками некоторых комсомольцев грубо и бестактно продиктовать свою волю избирателям, навязать им свой список и т.д. Нужно разъяснить, что комсомольские организации призваны помогать партии и Советам, а не заменять их в своей работе» [35, с. 2]. В конечном итоге, результаты выборов были отменены на территории 39 губерний: в 12 губерниях полностью, в 27 – частично [25, с. 86].

Повторная избирательная кампания проводилась в РСФСР с января по апрель 1925 г. [9, с. 121] в условиях большей относительной политической свободы. Высшее руководство РКП(б) заранее смирилось с возможностью уменьшения количества коммунистов и комсомольцев в сельсоветах. Председатель ВЦИК М.И. Калинин заявил 7 января 1925 г. на закрытии первого Всесоюзного совещания по советскому строительству: «Выигрыш от правильных, всенародных (т.е. когда в них участвует большинство народа) выборов в Советы [...] будет перевешивать зло, которое полу-

чится от того, что в Совет попадет злостный человек» [36, с. 167]. Явка избирателей на повторные и «всенародные» выборы заметно выросла по сравнению с кампанией 1924 г. и составила 41,1 %⁶, однако для комсомола кампания начала 1925 г. стала если и не политическим поражением, то по меньшей мере тяжелым уроком. Их удельный вес среди членов сельсоветов сократился, причем в заметно большей степени, чем удельный вес коммунистов [37, с. 119] и составил 3,4 % (24,3 тыс. чел) [38, с. 169], в то время как у коммунистов – 5,5 %⁷ (что примерно составляло 39,3 тыс. чел). Заместитель председателя исполкома Моссовета и член Президиума ВСНХ СССР И.Е. Любимов оценил итоги выборов следующим образом: «Перевыборы показали, что комсомолу надо очень и очень многому еще учиться, что комсомолу надо организованной держаться, надо тактичнее действовать, надо больше работать и меньше болтать и командовать. Из перевыборов комсомол вышел с некоторым численным ущербом, во многих местах комсомольцев выбрали в Советы меньше, чем раньше» [39, с. 3–4].

Масштабы «ущерба», понесенного комсомолом, позволяют оценить сведения, полученные из разных губерний. Так, в Омской губернии после вторичных выборов доля комсомольцев в сельсоветах уменьшилась с 2,5 до 1,3 % [40], в Череповецкой губернии – с 9,1 до 6,4 %, в Енисейской – с 3,5 до 1,8 %, в Тамбовской – с 7,2 до 1,6 % [41]. Корреспондент газеты «Путь молодежи» Н. Болотов объяснял итоги выборов на примере Новониколаевского уезда следующим образом: «Всего комсомольцев прошло в сельсоветы 50 человек [...] В прошлую перевыборную кампанию по уезду прошло комсомольцев 149 [...] В эти перевыборы уменьшилось почти втрое потому, что мы своих комсомольцев не навязывали крестьянам и комсомольские ячейки выдвигали наилучших ребят, которые пользуются авторитетом населения»⁸.

Комсомол не имел юридических оснований участвовать в выборах – такое право предоставлялось ему руководящими партийными и комсомольскими документами, а не правовыми актами. Тем не менее коммунистическое руководство ожидало от РЛКСМ активного участия в избирательном процессе, рассматривая его как значимого проводника коммунистического влияния. Чтобы обеспечить присутствие комсомольцев в сельсоветах, сами комсомольские ячейки, а также представители государственных органов и коммунисты повсеместно оказывали давление на крестьян в ходе избирательной кампании 1924 г.

Массовое недовольство крестьян превращением выборов в имитацию демократии, а также объявленный в условиях внутрипартийной борьбы курс на «оживление» Советов побудили высшее партийное

⁶ Итоги выборов в Советы РСФСР в 1927 году. М., 1927. Вып. 1: Выборы в сельские и волостные органы власти и городские Советы. С. 9.

⁷ Там же. С. 15.

⁸ Болотов Н. Итоги перевыборов в сельсоветы // Путь молодежи. 1925. 15 апр.

руководство пойти на беспрецедентный шаг – отменить результаты избирательной кампании в ряде губерний и назначить повторные выборы. В ходе новой избирательной кампании, которая состоялась в начале 1925 г. и проходила в условиях большей свободы голосования, удельный вес комсомольцев в сельсоветах заметно уменьшился, продемонстрировав тем самым, что степень влияния комсомола на жизнь села была далеко не так велика, как хотелось бы коммунистам. Основными причинами, по которым крестьяне голосовали за комсомольские кандидатуры при выборе в сельсовет, были их авторитетность в глазах односельчан, наличие хозяйственного опыта и качеств лидера, в то время как сам факт принадлежности к коммунистической молодежной организации мало что значил в их глазах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 34. С. 287–339.
2. Аскеров А.А. Очерки советского строительства. М., 1953. 367 с.
3. Молчанова А.П. Из истории борьбы за упрочение союза рабочего класса и крестьянства (партийно-массовая работа в деревне в 1924–1925 гг.). М., 1956. 248 с.
4. Лепешкин А.И. Местные органы власти Советского государства (1921–1936 гг.). М., 1959. 411 с.
5. Бахтин М.И. Союз рабочих и крестьян в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.). М., 1964. 291 с.
6. Лепешкин А.И. Советы – власть трудящихся, 1917–1936. М., 1966. 575 с.
7. Советы за 50 лет. М., 1967. 494 с.
8. Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. 511 с.
9. Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.). М., 1968. 291 с.
10. Боженко Л.И., Газарин А.В. Социально-политические организации в сибирской деревне (1920–1927 гг.). Томск, 1971. 135 с.
11. Сидоров В.А. Классовая борьба в доколхозной деревне. М., 1978. 244 с.
12. Павлова А.Е. Партийно-политическая работа в деревне в условиях нэпа. М., 1982. 136 с.
13. Олейник Н.Н. Деятельность Коммунистической партии по укреплению Советов (1921–1925 гг.). Харьков, 1989. 166 с.
14. Долгов В.В. «... Признать принцип практиканства желательным» // Позывные истории. М., 1982. Вып. 7. С. 198–212.
15. Слезин А.А. Молодежь и власть: из истории молодежного движения в Центральном Черноземье 1921–1929 гг. Тамбов, 2002. 220 с.
16. Слезин А.А. Роль комсомола в избирательном процессе и функционировании местных советов (1921–1929 гг.) // Клио. 2003. № 4. С. 160–168.
17. Цветлюк Л.С. Политика компартии и государства по привлечению молодежи к строительству социалистического общества: 1917–1941 годы: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 591 с.
18. Вишнева О.Г. Участие Псковской губернской комсомольской организации в кампаниях по перевыборам советов в 1920-е гг. // Псков. Науч.-практ., ист.-краевед. журн. 2014. № 40. С. 112–116.
19. Данилович В.В. Молодежь в органах власти и управления Советской Беларуси 20-х–30-х годов XX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3–2. С. 459–467.
20. Андриец У.М. Становление и общественно-политическая деятельность комсомольских организаций в дальневосточной деревне // Вопросы исторической науки: Материалы III Междунар. науч. конф. М., 2015. С. 38–43.
21. Савченко Ж.Ю. Участие комсомола в общественно-политической жизни кубанской станицы в 1920-е гг. // История и обществознание. 2017. № XIV. С. 90–93.
22. Документы КПСС о ленинском комсомоле и пионерии / сост. В.К. Криворученко, Н.В. Трущенко. М., 1987. 384 с.
23. Товарищ комсомол. М., 1969. Т. 1: 1918–1941. 605 с.
24. Комсомол в деревне: сборник материалов по работе ячеек РК.С.М в деревне). Тамбов, 1924. 75 с.
25. Саламатова М.С. Институт отмены выборов в Советской России: особенности правового регулирования и практики реализации (1918–1936 гг.) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2016. № 16. С. 79–97.
26. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 3. 1922–1925. 494 с.
27. Саламатова М.С. Избирательная кампания 1924 года в контексте становления советской избирательной системы // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, № 8. С. 82–86.
28. Белобородов А. Некоторые итоги выборов в деревне // Власть Советов. 1925. № 1. С. 8–10.
29. Совещание по вопросам советского строительства, январь 1925 г. М., 1925. 231 с.
30. Чаплин Н. Об улучшении работы Советов и задачах комсомола в деревне // Юный коммунист. 1925. № 2–3. С. 16–18.
31. Комсомол в деревне. По материалам выборочного обследования деревенских ячеек на 1 января 1925 г. М., 1925. Вып. 4. 61 с.
32. Пятый Всероссийский съезд РКСМ, 11–19 октября 1922 г.: стеногр. отчет. М.; Л., 1927. 380 с.
33. Саламатова М.С. Электоральное поведение крестьянства в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 12–17.
34. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. М., 2000. Т. 2: 1923–1929. 1168 с.
35. О частичных перевыборах Советов // Известия Центрального комитета Российской коммунистической партии (большевики). 1925. № 6. С. 2.
36. Калинин М.И. Статьи и речи. 1919–1935. М., 1936. 463 с.
37. Яковлев Я.А. Практические вопросы работы Советов. М.; Л., 1925. 144 с.
38. Шохин А. Краткая история ВЛКСМ. М., 1928. 187 с.
39. Халецкий А., Жигалин Г. Оживление Советов и задачи комсомола / под ред. и предисл. И.Е. Любимова. М., 1925. 108 с.
40. Женишек. Вторичные выборы в Омской губ[ернии] // Власть Советов. 1925. № 21. С. 24–25.
41. И.С. По Енисейской, Тамбовской, Псковской и Череповецкой губерниям // Власть Советов. 1925. № 23–24. С. 33–35.

REFERENCES

1. Lenin V.I. Will Bolsheviks be able to hold the state power? *Polnoe sobranie sochineniy*: Moscow, 1969, vol. 34, pp. 287–339. (In Russ.)
2. Askero A.A. Essays of councils construction. Moscow, 1953. 367 p. (In Russ.)
3. Molchanova A.P. From history of struggle for consolidation of the union the worker's class with peasantry (party-mass work in village 1924–1925). Moscow, 1956, 248 p. (In Russ.)
4. Lepeshkin A.I. Local authorities of the Soviet state (1921–1936). Moscow, 1959, 411 p. (In Russ.)
5. Bakhtin M.I. Union of workers and peasants during the years of national economy's recovery (1921–1925). Moscow, 1964, 291 p. (In Russ.)
6. Lepeshkin A.I. Soviets – the authorities of labor's people, 1917–1936. Moscow, 1966, 575 p. (In Russ.)

7. Soviet councils over 50 years. Moscow, 1967. 494 p. (In Russ.)
8. Polyakov YU.A. Transition to NEP and Soviet peasantry. Moscow, 1987, 511 p. (In Russ.)
9. Kukushkin YU.S. Village councils and class struggle in village (1921–1932). M., 1968, 291 p. (In Russ.)
10. Bozhenko L.I., Gagarin A.V. Socio-political organizations in Siberian village (1920–1927). Tomsk, 1971, 135 p. (In Russ.)
11. Sidorov V.A. Class struggle in pre-kolkhoz village. Moscow, 1978, 244 p. (In Russ.)
12. Pavlova A.E. Party-political work in village in the conditions of NEP. Moscow, 1982, 136 p. (In Russ.)
13. Oleynik N.N. Activity of the Communist party's for consolidation of councils (1921–1925). Kharkov, 1989, 166 p. (In Russ.)
14. Dolgov V.V. «...to recognize the principle of apprenticeship as desirable». *Poznyvnye istorii*. M., 1982, iss. 7, pp. 198–212 (In Russ.)
15. Slezin A.A. Youth and power: from history of youth movement in Chernozem region 1921–1929. Tambov, 2002, 220 p.
16. Slezin A.A. The Komsomol's Role in election process and functioning local councils (1921–1929). *Klio*, 2003, no. 4, pp. 160–168. (In Russ.)
17. Tsvetlyuk L.S. The Communist party and state policy to attract the youth to socialist society construction: 1917–1941: diss. Moscow, 2005, 591 p. (In Russ.)
18. Vishneva O.G. Participation of Pskov provincial Komsomol organization in village council's election campaigns in the 1920s. *Pskov*. 2014, no. 40, pp. 112–116 (In Russ.)
19. Danilovich V.V. Youth in governmental and administrative structures of the Soviet Belarus in the 1920s–1930s. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 2014, vol. 16, no. 3–2, pp. 459–467. (In Russ.)
20. Andriec U.M. Formation and socio-political activity of Komsomol organizations in Far East countryside. *Voprosy istoricheskoy nauki. Materialy III Mezhdunar. nauch.konf.* Moscow, 2015, pp. 38–43. (In Russ.)
21. Savchenko Zh.Yu. The Komsomol participation in socio-political life of Kuban village. *Istoriya i obshchestvoznaniye*. 2017, no. 14, pp. 90–93. (In Russ.)
22. Krivoruchenko V.K., Trushchenko N.V. (eds.) The CPSU documents on Lenin's Komsomol and pioneers. Moscow, 1987, 384 p. (In Russ.)
23. Comrade Komsomol: documents of congresses, conferences and the Central Committee of the Komsomol. 1918–1968. Moscow, 1969, vol. 1, 605 p. (In Russ.)
24. Komsomol in village (collection of materials about work of R.K.S.M. cell's in the village). Tambov, 1924, 75 p.
25. Salamatova M. S. The institution of election cancellation in Soviet Russia: features of the legal regulation and practices of realization (1918–1936). *Istoriiko-pravovyye problemy: novyi rakurs*, 2016, no. 16, pp. 79–97. (In Russ.)
26. Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and CC plenums. Moscow, 1984, vol. 3, 1922–1925, 494 p.
27. Salamatova M.S. Election campaign of 1924 in the context of forming Soviet election system. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2012, vol. 11, no. 8, pp. 82–86. (In Russ.)
28. Beloborodov A. Some results of elections in village. *Vlast' Sovetov*, 1925, no. 1, pp. 8–10. (In Russ.)
29. Meeting on the issue of the Soviet construction, January 1925. Moscow, 1925, 231 p. (In Russ.)
30. Chaplin N. Improving the Soviet council's work and Komsomol tasks in village. *Molodoy kommunist*, 1925, no 2/3, pp. 16–18. (In Russ.)
31. Komsomol in village. On reports of the selective inspection of village's cells on January 1, 1925. Moscow, 1925, vol. 4, 61 p. (In Russ.)
32. The Fifth All-Russian congress of RKSM, October 11–19, 1922: verbatim record. Moscow, Leningrad, 1927, 380 p. (In Russ.)
33. Salamatova M. S. Electoral behavior of peasantry in 1920s. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2013, no. 4, pp. 12–17. (In Russ.)
34. Soviet village in eyes of VCHK–OGPU–NKVD. 1918–1939. Documents and materials. Vol. 2: 1923–1929. Moscow, 2000, 1168 p. (In Russ.)
35. On partial Soviet councils re-election. *Izvestiya Tsentral'nogo komiteta Rossiyskoy kommunisticheskoy partii (bol'shevikov)*, 1925, no. 6, p. 2. (In Russ.)
36. Kalinin M. I. Articles and speeches, 1919–1935. Moscow, 1936, 463 p. (In Russ.)
37. Yakovlev Ya. A. Practical issues of Soviet councils activity. Moscow, Leningrad, 1925, 144 p. (In Russ.)
38. Shokhin A. Brief history of VLKSM. Moscow, 1928, 187 p. (In Russ.)
39. Khaletskiy A., Zhigalin G. The revival of Soviet councils and Komsomol tasks. Moscow, 1925, 108 p. (In Russ.)
40. Zhenishek. Secondary elections in the Omsk province. *Vlast' Sovetov*, 1925, no. 21, pp. 24–25. (In Russ.)
41. I.S. In the Yeniseysk, Tambov, Pskov and Cherepovets provinces. *Vlast' Sovetov*, 1925, no. 23/24, pp. 33–35. (In Russ.)
42. Meeting on the issue of the councils construction, January 1925. M., 1925, 231 p.
43. Chaplin N. About improvement of councils work and Komsomol tasks in village. *Molodoy communist*. 1925, no. 2–3, pp. 16–18. (In Russ.)
44. Komsomol in village. In reports of the selective inspection village's cells on 1 January 1925. Moscow, 1925, vol. 4. 61 p.
45. The 5th All-Russian Congress of RKSM, 11–19 October 1922: verbatim record. Moscow, Leningrad, 1927, 380 p.
46. Salamatova M.S. Electoral behavior of peasantry in 1920s. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2013, no. 4, pp. 12–17. (In Russ.)
47. Soviet village in eyes of VCHK–OGPU–NKVD. 1918–1939. Documents and materials. In 4 vol, vol. 2, 1923–1929. Moscow, 2000, 1168 p.
48. About partial re-elections of councils. *Izvestiya Central'nogo komiteta Rossiyskoy kommunisticheskoy partii (bol'shevikov)*. 1925, no. 6, p. 2. (In Russ.)
49. Kalinin M.I. Articles and speeches, 1919–1935. Moscow, 1936. 463 p.
50. Yakovlev Ya.A. Practical issues of councils' work. Moscow, Leningrad, 1925, 144 p.
51. Shohin A. Short history of VLKSM. M., 1928, 187 p.
52. Haleckij A., Zhigalin G. The revival of councils and Komsomol tasks / ed. by and with introduction of I.E. Lyubimov. Moscow, 1925. 108 p.
53. Zhenishek. Secondary elections in Omsk province. *Vlast' Sovetov*, 1925, no. 21, pp. 24–25. (In Russ.)
54. I.S. In Enisey, Tambov, Pskov and Cherepovets provinces. *Vlast' Sovetov*. 1925, no. 23–24, pp. 33–35. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 23.07.2019

DOI: 10.15372/HSS20190407
УДК 94(47+57)“1920/1935”

Л.С. ЦУБИКОВА

ПРИЗНАКИ ВЫДЕЛЕНИЯ КУЛАЦКОГО ХОЗЯЙСТВА В 1920-е – НАЧАЛЕ 1930-х гг. В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Ангарский государственный технический университет,
РФ, 665835, Иркутская область, г. Ангарск, ул. Чайковского, д. 60

В статье рассматриваются методики выделения различных социальных групп на селе, процесс их трансформации (особенно «кулацкой») в 1920 – начале 1930-х гг. На основе анализа архивных источников автор делает вывод, что до конца 1920-х гг. формирование критериев выделения отдельных социальных групп – «батраки», «бедняки», «средняки» и «кулаки» – лежало по большей части на губернских, окружных и местных органах власти, а также на отдельных организациях, которые закладывали разные методики их выделения (дополняя их такой группой, как «зажиточные», либо заменяя ею «кулацкую»). Постепенно правительство добивается более четкой дифференциации населения, упраздняя переходные состояния, и в конечном итоге отказывается от такой группы, как «зажиточные», «крепкие середняки». В конце 1920-х гг. критерии кулацких хозяйств начинают устанавливаться «сверху» центральной властью и включаться в нормативно-правовую базу.

Ключевые слова: кулак, зажиточный крестьянин, крестьянские хозяйства, аграрная политика, Восточная Сибирь, социальная дифференциация.

L.S. TSUBIKOVA

THE CRITERIA OF DEFINITION KULAK FARMS IN THE 1920S – EARLY 1930S. IN EASTERN SIBERIA

Angarsk State Technical University,
60, Tchaikovsky str., Angarsk,
Irkutsk region, 665835, Russian Federation

The article discusses the methods of defining various social groups in rural areas, the process of their transformation in the 1920s – early 1930s with the emphases on the groups of “kulaks”. Their interpretation in the historical literature is ambiguous, which is related to different attitudes and understanding by the authorities and population of that time, the absence of clear criteria to define them, their periodic revision.

Based on the analysis of the archival sources, the author comes to conclusion that by the end of the 1920s the criteria for defining individual social groups (“farmhand”, “pauper”, “medium peasant”, “substantial farmer”, “kulak”) were developed mainly by the provincial, district and local authorities, individual organizations, which had different approaches to their revealing. The studied methods of the peasantry differentiation allowed paying attention to some points: first, the allowable property norms (livestock, land) for the same social groups were different; secondly, the majority of them separated kulak farms from well-to-do ones, and according to the logic of their definition, the labor farms were well-to-do, and kulak farms were those who lived on unearned incomes and used labor exploitation.

In the late 1920s the criteria for kulak farms started to be established by “higher-ups”, the central government, and were included in the legal regulatory framework permitting to change them taking into account local peculiarities.

The kulak features were periodically corrected, detailed, adjusting to the goals and objectives of the state. Gradually, the government obtained clearer differentiation of population, eliminating the transitional status that allowed peasants to belong to two groups at once, and ultimately refused such groups as “substantial farmer” and “strong medium peasant”.

Key words: kulak, substantial farmer, peasant farms, agrarian policy, East Siberia, social differentiation.

Проблема определения содержания сельских социальных категорий в 1920–1930-х гг., таких как «кулаки», «средняки», «бедняки» и «батраки», является

одной из актуальных среди исследователей. Не раз ученые подвергали сомнению их трактовку [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]. Особенно остро поднимались вопросы о том,

Любовь Сергеевна Цубикова – канд. ист. наук, доцент, Ангарский государственный технический университет, e-mail: lkor11@mail.ru.
Lubov S. Tsubikova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Angarsk State Technical University.

насколько равнозначны и преемственны понятия послереволюционный «кулак» и кулак дореволюционный, «кулак» и «зажиточный», являются ли они синонимичными или представляют собой самостоятельные категории, по своему положению «средняк» ближе к «кулаку» или «бедняку» и т.п. Трудности с выделением отдельных социальных групп связаны с разным отношением к ним со стороны власти и со стороны самого населения, а также с отсутствием четких критериев для их определения. Особенно остро это касалось «кулачества». Так, одни ученые, например, В.П. Данилов и С.А. Красильников, считают, что кулаки после революции «представляли собой формирующийся внутри крестьянства слой сельской буржуазии» [9, с. 7]. Г.Ф. Доброноженко, напротив, отмечает, что кулаки в послереволюционный период – это не социально-экономическая группа сельской буржуазии, а социальная группа крестьян, подвергшаяся дискриминации и репрессиям по политическим мотивам [10, с. 92]. В.А. Ильиных определяет кулаков как «социально-имущественную группу, базовым критерием причисления к которой являлись способы достижения их самостоятельности», «обуславливающие сельским обществом или государством» [11, с. 222]. Другие рассматривают кулаков как «богатых крестьян, эксплуатировавших своих односельчан», по их мнению, кулаки были как социальная группа уничтожены еще в период Гражданской войны. [12, с. 95]. Р. Конквист пишет, что термин «кулак» в конце 1920-х гг. «едва ли можно было применять для обозначения класса как экономической категории». Причину этого он видит главным образом в их обеднении после революции [13, с. 139].

Некоторые авторы обращают внимание на «гибкость», «непостоянство», подвижность социальных групп внутри крестьянства. К примеру, Н.Я. Гуцин отмечал высокую зависимость этих групп от внешних условий и возможность перехода кулаков в середняки и наоборот [14, с. 35–39]. О том, что количественный состав этой группы мог расширяться при решении государственных задач, пишет В.А. Ильиных: «в условиях коллективизации к данной категории мог быть отнесен любой политически неблагонадежный с точки зрения властей сельский житель или переехавший из деревни горожанин» [11, с. 222, 223].

Таким образом, мы видим неоднозначность, противоречивость точек зрения в исторической науке на содержание определения «кулака».

В данной статье нами поставлена задача: рассмотреть критерии выделения различных социальных групп, особенно «кулацкой», на селе, процесс их трансформации в 1920 – начале 1930-х гг.

С установлением советской власти происходит трансформация социальной структуры села. Сложившиеся еще до революции такие группы, как кулаки, середняки, зажиточные, бедняки, батраки, а также проживавшие на селе торговцы, ростовщики, священнослужители, зачастую совмещавшие свою деятельность с сельским хозяйством, и другие перегруппировываются государством в два слоя, по принципу «свой–чужой»:

«прогосударственный» – бедняки, батраки, середняки (несмотря на «промежуточность» положения последних, в целом политика советской власти была обозначена как отношения, выстраиваемые в рамках «полного мира и согласия», «союза») и «антагонистический» – кулаки, торговцы, священнослужители и другие, под единым названием «кулачество». В дальнейшем на базе первого слоя, по большей части из существующих групп, было сформировано колхозное крестьянство, которое и стало основным на селе. Данные процессы «трансформации» активно проводились в 1920–1930-е гг.

Первое десятилетие большевистской власти являлось сложным для крестьянства, в плане возможности социальной адаптации, что было связано и с частой сменой экономических курсов: военный коммунизм, новая экономическая политика, коллективизация. В период Гражданской войны дореволюционные кулаки в основной своей массе были «раскулачены», причем не только в результате внутреннего военного противостояния, но и вследствие хозяйственной разрухи страны. Многие крепкие крестьянские хозяйства второй половины 1920-х гг. появились благодаря экономическим мероприятиям в первой половине 1920-х гг. Не зря в 1930 г., при выявлении кулаков на одном из собраний, один из членов ВКП(б) заявил: «Если мы кулаков всех причешем одной гребенкой, будет неверно, потому что у нас есть разные кулаки, есть старый и новорожденный. Старый кулак – это рожденный и воспитанный на кулацком молоке и на чужом труде, а новорожденный кулак – советский кулак, который подчас является выходцем из трудовой семьи, даже из батраков и из-за своей темноты стал кулаком»¹. Конечно, поднятие хозяйства до уровня кулацкого, с хозяйственной точки зрения, носило единичные случаи, но доведение его до состояния середняцкого было на тот момент времени вполне реальным.

За годы нэпа появились условия для восстановления сельского хозяйства в Советском государстве, в том числе в Восточной Сибири, в направлении расширения посевной площади, оснащенности хозяйств и дворов сельскохозяйственной техникой, увеличения инвентаря и скота и др. Как результат, произошел рост имущих групп. Например, в Иркутской губернии статистические данные фиксировали увеличение зажиточных групп с 7,3 % в 1922 г. до 8,36 % в 1924 г. и середняцких – с 44,1 до 51,44 %². В 1927 г. по Иркутскому округу отмечался дальнейший рост середняков – до 65 %, но при этом количество кулаков снизилось до 5 %; по Восточной Сибири – 59,4 и 4,5 % соответственно³.

Кто такой «кулак» в 1920–1930-е гг.? Этот вопрос звучал так: кто враг, «чужой» для Советского государства? Определиться с ответом на него было важ-

¹ Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 123. Оп. 2. Д. 50. Л. 149.

² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2201. Л. 313.

³ Там же. Д. 1336. Л. 376.

но, с одной стороны, для новой власти, поскольку ей нужно было с учетом идеологических рамок реформ сформировать правовое поле и обозначить статусы, отделить кулака от всего крестьянства; а с другой стороны, для всего крестьянства – требовалось выяснить возможности легального перехода из одной группы в другую, занять «комфортное» статусное положение в новом государстве с целью использования социальных преференций (например, пониженные ставки налогообложения, пользование средствами фонда кредитования бедняков и батраков, получение бесплатного образования и т.п.).

До 1929 г. формирование критериев выделения отдельных социальных групп – «батраки», «бедняки», «средняки» и «кулаки» – лежало по большей части на губернских, окружных и местных органах власти и даже на отдельных организациях. Интересно, что они закладывали разные методики их выделения.

Так, согласно представленному докладу ОГПУ от 1925 г., критериями дифференциации крестьянства были: для батраков – полное отсутствие посева, лошадей, коров, для бедняков – наличие посева до 2 дес., одной коровы и одной лошади, для середняков – наличие посева от 2 до 6 дес., двух–трех лошадей и столько же коров; для зажиточных – свыше 6 дес. посева, более трех лошадей и коров. По этим критериям в 1924 г. в иркутской деревне состояло батраков – 6 %, бедняков – 34,2, середняков – 51,44, зажиточных – 8,36 %⁴. Таким образом, в определение социальной структуры был заложен исключительно имущественный критерий – наличие посева, лошадей и коров; количество выделенных групп было исчерпывающим, а «кулаки» в этой классификации вообще не упомянуты.

В 1926 г. председатель Иркутского районного крестьянского комитета в своем отчете указывал, что использовал в практике следующее деление:

– бедняк – имеет одну лошадь, одну корову, четырех едоков, до 3 дес. земли, побочного заработка нет; или имеет одну лошадь, коровы нет. Если же он имеет две лошади, одну корову, 5 дес. земли, восемь едоков, побочного заработка нет – «этот бедняк будет между середняком и бедняком, но ближе к группе бедняков»;

– середняк – имеет две или три лошади и столько же коров, до 8 дес. земли, не имеет побочного заработка, семья состоит из шести–восьми едоков; если же в таком хозяйстве имеются сельскохозяйственные машины и побочный заработок, то оно будет зажиточным;

– кулак – имеет несколько сельскохозяйственных машин, наемную рабочую силу или занимается подрядом, «торгует лавкой»⁵. При такой градации учитывалось количество едоков, к дополнительным источникам дохода относилось использование наемной силы.

Приведем еще один пример методики распределения крестьян по социальным группам, используемой одним из кредитных товариществ в 1926 г. К бедняку

относится крестьянин, имеющий одну лошадь, одну корову, от 1 до 4 дес. пахотной земли или две лошади и одну корову, или одну лошадь, две коровы, при условии, что в данном хозяйстве отсутствуют подсобные заработки и другие источники дохода. К середняцкому относится хозяйство, имеющее от двух до четырех лошадей, от двух до семи коров, от 2 до 12 дес. пахотной земли, при отсутствии подсобных работников и найма работников. В зажиточном хозяйстве – более шести лошадей, более 10 коров и до 20 дес. пахотной земли, при условии отсутствия эксплуатации наемного труда. К кулацким хозяйствам отнесены торговцы, а также «эксплуатирующие население машинами и кредитами с целью закабаления», «лишенные права голоса подрячки и спекулянты», эксплуатирующие наемный труд⁶.

Иркутский сельский районный комитет (Ирсельрайком) в 1926 г. сообщал, что при определении социальных групп он использует следующие критерии:

– для бедняцкого хозяйства – должно в распоряжении находиться до 2 дес. пашни, по одной лошади и корове; при этом использование наемного труда исключено, напротив, крестьянин вынужден работать на побочных заработках с целью поддержания своего хозяйства; обычно семья состоит из пяти–шести человек, из них трудоспособны – двое–трое;

– для середняцкого хозяйства – до 5 дес. пахотной земли, две лошади и две–три коровы; хозяйство живет на доход, получаемый личным трудом от земли, скота, побочных заработков (типа извоза) без привлечения постоянных наемных работников, в сезон может использовать труд одного работника; в семье двое–трое трудоспособных;

– для зажиточного хозяйства предусматривалось до 12 дес. посева, три–четыре лошади, три–пять голов рогатого скота; хозяйство живет на доход от земли, скота, на специальный доход – от пчеловодства, охоты; имеет наемных работников, но не более двух постоянных, при этом сам хозяин должен работать наравне с ними; обрабатывает свою землю машинным способом (но без эксплуатации этими машинами населения); в хозяйстве трое–четверо трудоспособных.

– для кулацкого хозяйства использовались все критерии, выходящие за пределы трудовых признаков: применение наемных постоянных работников (один–два человека) и временных; занятие торговлей, подрядом, наличие мельницы, крупорушки и других сельскохозяйственных машин с целью эксплуатации населения⁷.

Таким образом, приведенные способы дифференциации крестьянства позволяют обратить внимание на несколько моментов: во-первых, допустимые нормы имущества (скот, земля) варьировались, при этом нужно отметить, что данные методики были действующие – по ним выдавались кредиты, предоставлялись льготы, дополнительные участки земли и т.д.;

⁴ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2201. Л. 313.

⁵ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 57. Л. 40.

⁶ ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 57. Л. 41.

⁷ Там же. Л. 38–38 об.

во-вторых, большинство из них отделяют кулацкое хозяйство от зажиточного, и согласно логике их определения, к зажиточным хозяйствам относят трудовые, а к кулацким – живущие на нетрудовые доходы и использующие эксплуатацию труда.

По последней градации, представленной сельрайкомом, было проанализировано в 1926 г. 19 сельсоветов Иркутского района – это 4311 хозяйств. Примечательно, что из всей этой массы только два хозяйства были определены как кулацкие (2236 – бедняцкие, 1766 – середняцкие, 307 – зажиточные)⁸.

К 1928 г. в архивных документах отмечается тенденция приведения к единообразию признаков кулацких хозяйств. Первыми их стали озвучивать руководители округов. Так, секретарь Канского окружного комитета в своем докладе, посвященном расслоению деревни, назвал следующие признаки «кулака»:

- 1) торговля или промышленность с наймом;
- 2) наем рабочей силы свыше 50 дней в год или отработка за сельскохозяйственные машины, хлеб и т.п. – свыше 25 дней; за исключением хозяйств со средствами производства стоимостью до 500 руб., без наличия сложного инвентаря, без мужских рабочих рук в хозяйстве и при найме няnek или при вынужденных обстоятельствах;
- 3) наем свыше 50 дней, при эксплуатации сельскохозяйственных машин при посеве 8 дес. или наличии средств производства свыше 1000 руб.;
- 4) доход от сдачи сельскохозяйственного инвентаря, молотилок, жнеек, сеялок, сенокосилок и лошадей свыше 75 руб. и при наличии средств производства свыше 1000 руб. или доход при найме рабочих рук свыше 75 руб. при наличии средств производства стоимостью свыше 500 руб.;
- 5) ростовщичество;
- 6) наличие средств производства стоимостью свыше 2500 руб.⁹.

Тем не менее проблема с определением социального статуса существовала. Она была связана с «несовершенством» выделяемых признаков кулака. Так, жительница с. Усть-Кут Т.З. Жукова, сдавшая в аренду свой дом в 1929 г. за 360 руб., согласно нормативным правилам механически была отнесена к кулацкому хозяйству как имеющая «высокий нетрудовой доход». Но в дальнейшем выяснилось, что она проживала одна с двумя детьми-калеками в прирубе сдаваемого дома¹⁰. Спорным являлся и критерий найма рабочей силы, к нему часто прибегали лица, занимавшиеся партийной и общественной работой, те, кто был выдвинут на руководящие должности, к примеру, председатели сельсоветов, которые чаще всего являлись бедняками и середняками. Аренда и сдача земли тоже являлась не идеальным критерием для отнесения хозяйства

к кулацкому, отчеты земельных управлений за 1926 и 1927 гг. отмечают, что она производилась всеми посевными группами¹¹.

В конце 1920-х гг. критерии кулацких хозяйств начинают устанавливаться «сверху» центральной властью и включаться в нормативно-правовую базу. Одними из первых документов стали постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 20.02.1929 г. «Положение о едином сельскохозяйственном налоге» и постановление от 21.05.1929 г. «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде». Нужно отметить, что базовые критерии определения кулака ранее уже были зафиксированы в правовых документах, правда, они не соотносились с понятием «кулак» и прозвучали по политической линии в рамках лишения избирательных прав, главным образом в первых конституциях страны, инструкции ВЦИК от 11.08.1924 г. «О перевыборах советов», инструкции ВЦИК от 13.10.1925 г. и от 4.11.1926 г. «О выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов» и др.

Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 20 февраля 1929 г. выделило среди кулаков – «наиболее богатые кулацкие хозяйства» и «явно кулацкие». В 1929/30 окладном году по восточным округам Сибири было выявлено 10 977 «явно кулацких» хозяйств (1,88 % от общего числа хозяйств) из которых 5133 было обложено в индивидуальном порядке¹². То же постановление разрешало изменять краевым и губернским исполнительным комитетам признаки кулацких хозяйств, учитывая местные особенности. Например, по постановлению Иркутского окружного исполнительного комитета СРК и КД от 10 апреля 1930 г. № 32 к кулацким хозяйствам были отнесены единичные хозяйства при наличии одного из следующих признаков:

а) применяет наемный труд, сезонный или постоянный в таком объеме, который расширяет хозяйство за пределы трудового, в том числе использует наемный труд более одного постоянного рабочего при особых обстоятельствах (болезнь, мобилизация, уход на трудовые сезонные заработки, избрание на общественную должность) или нанимает во время страдной поры более двух человек для уборки урожая на срок свыше 20 дней;

б) имеет наряду с земледельческим хозяйством собственные или арендованные промысловые и промышленные заведения и предприятия (мельницу, крупорушку, маслобойку и т.п.), в которых применяется постоянный или сезонный наемный труд;

в) занимается наряду с земледельческим хозяйством скупкой и перепродажей скота, сельскохозяйственных и иных продуктов в виде промысла (барышники – прасолы).

г) закабляет окружающее население путем систематического предоставления имеющихся у него сель-

⁸ ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 57. Л. 39.

⁹ Центр хранения исторической документации новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИКК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 428. Л. 6–6 об.

¹⁰ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 33. Л. 239.

¹¹ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 525. Л. 80. Д. 59. Л. 1.

¹² Там же. Д. 1294. Л. 31.

хозмашин, рабочего скота и прочего или постоянно занимается снабжением населения кредитом (товарным или денежным) на кабальных условиях;

д) является владельцем предприятий промышленного типа, предпринимателем или подрядчиком и эксплуатирует население путем раздачи тех или иных работ или домов;

е) сдает в наем постоянно или на сезон оборудованные постройки под жилье или под торговлю или промышленные предприятия, за исключением случаев, когда сдается квартира культурным общественным и советским работникам деревни;

ж) хозяйство в районах обложения отходничества и рыболовства является исключительно промышленным с признаками эксплуатации: скупка пушнины у охотников и рыбы у рыбаков с целью перепродажи, охота и рыболовство с наемной рабочей силой, выдача охотникам под пушнину и рыбакам под рыбу ссуд деньгами или натурой, снабжение охотников и рыбаков припасами и принадлежностями;

з) занимается специальным извозом и «ямщиной» с систематическим применением наемной силы;

и) имеет мощный сепаратор, на котором перерабатывает чужое молоко за плату деньгами или натурой;

к) занимается перегоном и пастьбой гуртов скота, принадлежащего государственным, кооперативным и частным лицам за свой риск с имущественной ответственностью и применением посторонней рабочей силы (подрядчики);

л) облагается промысловым налогом в процентах к обороту;

м) члены двора, живущие в своем хозяйстве, участвуют в качестве вкладчиков и совладельцев в частных и торговых и промышленных предприятиях и участвуют в прибыли;

н) занимается раздачей скупаемого сырья для обработки кустарям и ремесленникам с целью систематического сбыта продукции в виде полуфабрикатов или готовых изделий;

о) эксплуатирует наемный труд или имеет торговое или промышленное предприятие, постоянные дворы и другие источники нетрудовых доходов в 1928 г. (в том числе служители культов)¹³.

В последующие годы признаки выделения кулаков постоянно менялись, корректировались. Например, корректировались допустимые сроки найма работника во время страды: в марте 1930 г. – до 30 дней (из протокола заседания президиума Иркутского окружного исполнительного комитета от 21 марта 1930 г.)¹⁴, в апреле 1930 г. – до 20 дней (из вышеприведенного постановления Иркутского окружного исполнительного комитета СРК и КД от 10 апреля 1930 г. № 32)¹⁵, в 1931 г. – 40 дней (постановление президиума оргкомитета ВЦИК Восточно-Сибирского края от 3 января 1931 г.)¹⁶. Име-

ются и другие примеры: в 1930 г. хозяйства считались кулацкими, если они имели нетрудовые доходы свыше 125 руб., в 1931 г. – свыше 150 руб. при использовании промышленных предприятий, систематической сдачи в наем сельхозмашин с механическими двигателями, построек под жилье или свыше 200 руб. при содержании постоянных дворов¹⁷. В 1932 г. исключен признак «продажа сельскохозяйственных продуктов на частном рынке»; увеличена норма дохода от «сепаратора, используемого на стороне» до 250 руб.¹⁸ (в 1931 г. – 150 руб.¹⁹) и др.

Признаки кулаков обновлялись ежегодно, иногда чаще. В 1932 г. было принято сразу три распоряжения по Восточно-Сибирскому краю – в мае, августе и октябре²⁰. Можно предположить, что определенная доля крестьян находилось в состоянии стресса из-за постоянного ожидания, что их могли причислить к кулакам. И вместо того чтобы заниматься сельским хозяйством, крестьяне ходили и собирали документы, используя любую возможность избежать индивидуального обложения, раскулачивания, лишения избирательных прав, высылки.

«Положение о сельскохозяйственном налоге на 1933 г.» от 25 мая 1933 г. утвержденное ЦИК и СНК СССР, вводило дополнительный пункт, предусматривающий обязательное обложение в индивидуальном порядке хозяйств, «злостно не выполняющих заданных им планов посева и других установленных законом государственным обязательств», что создавало условия для увеличения числа крестьян, подпадавших под категорию «кулак» [15, с. 16].

Таким образом, анализ архивных документов показывает, что государством изначально не были заданы четкие критерии по определению «кулачества», они выработывались на местах. Причем с каждым годом они корректировались, детализировались, подстраиваясь под цели и задачи государства. В целом социальное разделение крестьянства на отдельные группы («батраков», «бедняков», «средняков», «зажиточных», «кулаков») во второй половине 1920-х гг. – начале 1930-х гг. имело идеологическую направленность. Используя термин «кулак», существовавший еще до революции, государственная власть по мере решения новых задач (преодоление оппозиции на селе, проведение коллективизации, формирование материальной базы колхозов и др.) вкладывала в него дополнительные критерии и расширяла тем самым социальный состав за счет священнослужителей, офицеров белой и царской армии, крестьян, не желавших вступать в колхозы, не поддержавших советскую власть, подкулачников, крестьян не имевших возможности заплатить налоги и др.

Постепенно правительство добилось более четкой дифференциации населения, упраздняя переход-

¹³ Там же.

¹⁴ Архивный отдел Администрации муниципального района Усольского районного муниципального образования (АО АМР Усольского РМО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 631. Л.41.

¹⁵ ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 5а. Л. 1, 3 об.

²⁰ АО АМР Усольского РМО. Ф.1. Оп.2. Д.631. Л.41.

¹³ ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 6. Л. 357.

¹⁴ Там же. Л. 313, 314 об.

¹⁵ Там же. Л. 357.

¹⁶ Там же. Д. 3. Л. 275–277.

ные состояния, позволявшие крестьянам относиться сразу к двум группам. Власть в итоге отказалась от таких групп, как «зажиточные», «крепкие середняки», которые ранее выделяли практически все местные, губернские, окружные органы власти. Базовые критерии определения «кулака» в конце 1920-х – начале 1930-х гг. стали фиксироваться в постановлениях общесоюзного значения, при этом законодательство разрешало изменять, конкретизировать краевым и другим исполнительным комитетам признаки кулацких хозяйств, тем самым перекладывая на них ответственность при проведении раскулачивания, налогообложения и т.п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурик Н.М. «Свои» и «чужие»: советская пресса 1920-х гг. о сибирском крестьянстве // Известия Алт. гос. ун-та. 2013. № 4–1 (80). С. 22–25.
2. Быстренко В.И. Наемный труд в сибирской деревне в 20-е гг. (партийно-государственная политика в отношении батрачества). Новосибирск: НГАЭиУ, 1997. 286 с.
3. Доброноженко Г.Ф. Социальная группа «кулаки» как объект научного анализа // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар, 2012. № 1 (9). С. 119–124.
4. Здыарский А. О некоторых сдвигах в составе батрачества // Вопросы труда. 1992. № 12. С. 81–85.
5. Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» // История СССР. 1989. № 3. С. 3–69.
6. Кузнецов И.С. Формирование «сталинизма» и менталитет сибирского крестьянина // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 46–56.
7. Юрина Т.В. К вопросу о самоидентификации жителей села в 1920–е годы (на примере Пензенской и Самарской губерний) // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2010. № 15 (19). С. 128–130.
8. Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной дифференциации // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара, 2001. С. 174–207.
9. Данилов В.П., Красильников С.А. Вместо предисловия // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г.: сб. док. Новосибирск: ВО Наука, 1992. 283 с.
10. Доброноженко Г.Ф. Методология анализа социальной группы «кулаки» в отечественной историографии // Российская история. 2009. № 5. С. 86–94.
11. Ильиных В.А. Кулачество (кулаки) // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / гл. ред В.А. Ламин. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 2: К–Р. С. 222–223.
12. Раков А.А. Кто такой «кулак»? (Опыт регионального исследования п материалам архивов Южного Урала) // Российская история. 2009. № 5. С. 94–100.
13. Конквест Р. Жатва скорби // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 137–160.
14. Гушчин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996 г. 159 с.
15. Политика раскрестьянивания в Сибири: хроникально-документальный сборник / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: ИДМИ, 2000. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. 214 с.

REFERENCES

1. Burik N.M. “Ins” and “outs”: Soviet press of 1920s about the Siberian peasantry. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 4–1, pp. 22–25. (In Russ.)
2. Bystrenko V.I. Wage labor in the Siberian village in the 1920s (the party-state policy related to farm labourers). *Novosibirsk, NGAeiU*, 1997, 286 p. (In Russ.)
3. Dobronozhenko G.F. Social group of “kulaks” as an object of scientific analysis. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN*, 2012, no. 1, pp. 119–124. (In Russ.)
4. Zdyarskiy A. On some changes in the farm labourers’ composition. *Voprosy truda*, 1992, no. 12, pp. 81–85. (In Russ.)
5. Collectivization: origins, essence, consequences. The “round table” conversation. *Istoriya SSSR*, 1989, no. 3, pp. 3–69. (In Russ.)
6. Kuznetsov I.S. “Stalinism” formation and the Siberian peasant mentality. *Ural i Sibir’ v stalinskoy politike*. *Novosibirsk*, 2002, pp. 46–56. (In Russ.)
7. Yurina T.V. On the problem of village inhabitants self-identifying in the 1920s (a case of Penza and Samara provinces). *Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo*, 2010, no. 15, pp. 128–130. (In Russ.)
8. Fitzpatrick Sh. “Attributing to the class” as a system of social differentiation. *Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskiiy period: antologiya*. Samara 2001, pp. 174–207. (In Russ.)
9. Danilov V.P., Krasil’nikov S.A. Instead of the preface. *Spetspereselentsy v Zapadnoy Sibiri. 1930 – vesna 1931: sbornik dokumentov*. *Novosibirsk*, 1992, 283 p. (In Russ.)
10. Dobronozhenko G.F. Methodology of the “kulaks” social group analysis in the national historiography. *Rossiyskaya istoriya*, 2009, no. 5, pp. 86–94. (In Russ.)
11. Il’inykh V.A. The kulaks. *Istoricheskaya entcyklopediya Sibiri*. *Novosibirsk*, 2009, vol. 2, pp. 222–223. (In Russ.)
12. Rakov A.A. Who is a “kulak”? (Experience of a regional study on archival materials of the Southern Urals). *Rossiyskaya istoriya*, 2009, no. 5, pp. 94–100. (In Russ.)
13. Konkvest R. The harvest of sorrow. *Voprosy istorii*, 1990, no. 1, pp. 137–160. (In Russ.)
14. Gushchin N.Ya. Dispossession of “kulaks” in Siberia (1928–1934): methods, stages, socio-economic and demographic consequences. *Novosibirsk*, 1996, 159 p. (In Russ.)
15. Il’inykh V.A., Kavtsevich O.K. (eds.) The policy of «raskrestyanivaniye» in Siberia: collected documents. *Novosibirsk, IDMI*, 2000, iss. 2: Stages and methods of eliminating peasant farming, 1930–1940, 214 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 24.07.2019

DOI: 10.15372/HSS20190408
УДК 94(571.56)“1992”

Я. М. САННИКОВА

ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО ЯКУТСКОЙ АРКТИКИ В 1992 г.

Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
РФ, 670027, г. Якутск, ул. Петровского, 1

Статья посвящена развитию традиционного хозяйства коренных народов якутской Арктики в первый постсоветский год – оленеводства, табунного коневодства, скотоводства, охотничьих и рыболовных промыслов. Территориальные рамки исследования включают 15 арктических и северных районов, которые представляют три группы, выделенные на основе классификации по природно-хозяйственной специализации. На основе архивных документов рассмотрены основные вопросы управленческих решений органов власти, касающихся проблем развития хозяйств в 1992 г. Освещен процесс реорганизации хозяйств, изменений в способах хозяйствования. Проанализирована динамика показателей, характеризующих состояние традиционных отраслей хозяйства в начале и в конце года. Предпринята попытка показать объективную картину положения арктических хозяйств региона в изучаемый год.

Ключевые слова: традиционное хозяйство, коренные народы, Якутия, Арктика, первый постсоветский 1992 год.

YA. M. SANNIKOVA

TRADITIONAL ECONOMY OF YAKUTIAN ARCTIC IN 1992

Institute for Humanities Research and
Indigenous Studies of the North SB RAS,
1, Petrovskogo st., Yakutsk, 677027, Russian Federation

The article tells about the first post-Soviet year of 1992 in the life of the traditional economy of Yakut's Arctic, which presents all the indigenous peoples of Yakutia – Evens, Evenks, Yukagirs, Chukchi, Dolgans, Russian old-timers, Sakha. They were historically engaged in reindeer herding, horse breeding, cattle breeding, hunting and fishing. The 15 Arctic and northern regions are divided into three groups based on natural and economic specialization: North-west-coastal, North-east, Indigirka-Kolyma. Archival documents help to show the main issues of managing the economy authorities, the real problems of the development of farms in the first post-Soviet year. The irreversible process of reorganization of the Arctic farms, the transformation in ways of management is considered. In 1992, these farms continued to be under the jurisdiction of a separate department of the agricultural complex of the North, which had a complex hierarchy of subordination and cooperation with the relevant federal and regional ministries and was now under the jurisdiction of the new Ministry of Minority Affairs of the North of the Republic of Sakha (Yakutia). This year, the trend towards the organization of nomadic tribal communities as an original form of traditional nature management, as a public process of reviving the economic traditions of the indigenous peoples of the North, intensified. At the same time, tribal communities were initially considered by the state as business entities. The dynamics of the indicators of the main branches of the traditional economy at the beginning and at the end of 1992 are shown on the basis of the analysis of official statistics. The most vulnerable in the first post-Soviet year were areas of the northwestern coastal group with a predominantly reindeer herding direction of economic development. An attempt was made to show an objective picture of the situation of the studied farms and problematic issues of statistical data were identified.

Keywords: traditional economy, indigenous peoples, Yakutia, the Arctic, the first post-Soviet year.

Яна Михайловна Санникова – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, e-mail: sannikowa@mail.ru

Yana M. Sannikova – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS.

Развитие традиционного хозяйства якутской Арктики в условиях трансформаций постсоветского периода представляет интерес в связи с осмыслением вопросов аграрного развития страны в целом. В отечественной гуманитарной науке немало исследований, значительно обобщающих аграрный опыт и аграрные преобразования, благодаря им расширена теоретическая основа для дальнейшего изучения темы (см.: [1, 2, 3, 4, 5]). Отдельное направление составляют арктические и североведческие исследования, в которых рассматриваются и такие вопросы, как адаптация традиционной хозяйственной системы коренных малочисленных народов Севера в новых условиях взаимодействия традиционного и промышленного природопользования (см.: [6, 7, 8, 9, 10, 11]). В исследованиях этнографов и антропологов разработаны подходы к изучению системы традиционного хозяйства и традиционного природопользования коренных народов Севера, обоснованы основные дефиниции (см.: [12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19]).

В 1990-е проводились исследования, посвященные развитию коренного населения Арктики и Севера Якутии, в том числе рассматривалась проблема трансформации традиционных хозяйственных занятий. В 2000-е гг. изучались основные вопросы развития традиционных отраслей экономики и их государственного регулирования, социальные и демографические проблемы коренных народов Якутии в условиях перехода на рыночные отношения (см.: [20, 21, 22, 23, 24]).

Изучением традиционного хозяйства Якутии в условиях трансформаций постсоветского периода в контексте развития аграрного сектора экономики занимался С.И. Ковлеков – он подробно проанализировал исторический опыт первого этапа аграрной реформы 1990-х гг. в республике [25]. Л.И. Винокурова обратила внимание на проблему этнохозяйственной самореализации северных народов региона, условия сосуществования аборигенного хозяйства с экономикой динамичных современных технологий в свете этносоциального развития Якутии [26].

Традиционное хозяйство якутской Арктики изучается автором статьи в пределах 15 арктических и северных улусов/районов республики. Здесь коренное население занимается традиционными отраслями хозяйства – животноводством и промыслами, ведет традиционный образ жизни [27].

1992 год как первый постсоветский год принес республике, как и другим субъектам Российской Федерации, кардинальные изменения, трансформировавшие всю систему ее функционирования. Вместе с тем это был год подведения итогов первого и начала второго этапов суверенизации Республики Саха (Якутия) в составе обновляющейся России. Традиционное хозяйство арктических территорий Якутии, как и других хозяйствующих субъектов, к этому времени находилось в условиях подготовки перехода к рыночной экономике. Это был первый подготовительный этап аграрной реформы, который имел свои особенности

в Якутии. В марте 1992 г. вышел указ Президента Республики Саха (Якутия) «О неотложных мерах по осуществлению аграрной реформы в Республике Саха (Якутия)» [28, 29].

Природно-хозяйственное разделение и сельское население изучаемых районов. Изучаемые улусы/районы входят в следующие группы районов: северо-западно-прибрежная (Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Нижнеколымский, Оленекский, Усть-Янский, Жиганский) – специализируется на оленеводстве, рыболовном и охотничьем промыслах; северо-восточная (Верхоянский, Момский, Оймяконский, Томпонский, Эвено-Бытантайский) – основой специализации является табунное коневодство, оленеводство, скотоводство и охотничий промысел; индигиро-колымская (Абыйский, Верхнеколымский, Среднеколымский) – традиционно занимается скотоводством, табунным коневодством, охотничьим и рыболовным промыслами [30]¹.

В изучаемых районах проживало к началу 1992 г. 17,5 % общей численности постоянного и 20,6 % сельского населения республики, к концу года – соответственно 16,5 и 20,2 %. Постоянное население изучаемых районов сократилось за 1992 г. на 7,0% (на 13,7 тыс. чел. – с 195,6 тыс. чел. до 181,9 тыс. чел.). Здесь существенное сокращение населения произошло за счет городского населения, в первую очередь – миграции трудовых ресурсов из сферы промышленности и транспорта. К началу года сельское население составляло 38,6 % (75,5 тыс. чел.) всего постоянного населения изучаемых районов, и хотя в течение года уменьшилось на 1,0 тыс. чел., но при этом к концу года сельское население составляло уже 41,0 % (74,5 тыс. чел.) всего населения районов. Сельское население сократилось на 1,3 %, однако удельный вес его в общей численности населения изучаемых районов увеличился на 2,4 %².

Хозяйственная специализация и этническое распределение сельского населения по районам (группам районов) подтверждают, что в северо-западно-прибрежной группе районов основными этносами, ведущими традиционное хозяйство, являлись представители всех коренных народов республики – эвены, эвенки, юкагиры, чукчи, долганы, русские старожилы, саха; в северо-восточной группе – эвены и саха; в индигиро-колымской группе – эвены, юкагиры, саха.³ Во всех улусах/районах были представлены (в разных соотношениях) практически все направления животноводства и промыслов, в каждом районе сохранялся весь комплекс арктического (северного) хозяйства, при котором некоторые традиционные направления произво-

¹ Составлено автором на основе сельскохозяйственного зонирования Н. Н. Тихонова.

² Экономика улусов и городов РС(Я). 1985–1998 гг.: стат. сб. Якутск, 1999. 142 с.

³ Некоторые показатели социально-экономического положения районов проживания коренных малочисленных народов Севера за 1990, 2000–2009 гг. Якутск, 2010. 96 с.; Экономика улусов и городов РС(Я). 1985–1998 гг.: стат. сб. Якутск, 1999. 142 с.

дили продукцию в объемах собственного потребления или/и в отдельных хозяйствах района были их локальным направлением.

Управленческие решения и проблемы развития хозяйств. В начале 1992 г. арктические и северные хозяйства Якутии продолжали находиться в хозяйственном ведении Агропромышленного комбината «Север». При этом происходила реорганизация комбината в хозяйственно-производственную структуру с некоторым сокращением функциональных полномочий. Комбинат сотрудничал с новым Министерством сельского хозяйства республики в общей системе агропромышленного комплекса региона, но подчинялся профильному министерству на российском уровне и находился теперь в ведении нового Министерства по делам малочисленных народов Севера РС(Я). Это стало началом небольшого периода, в рамках которого предпринималась попытка объединить этнические, социально-экономические и социально-политические факторы развития, причем хозяйства арктических районов и Севера были представлены как хозяйства именно малочисленных народов Севера республики. Происходил закономерный процесс возрождения самосознания коренных народов Севера, который влиял на стратегии их хозяйственного развития, что отразилось и на управленческих структурных преобразованиях. Немногим более чем через год начнутся процессы создания общего хозяйственного аграрного поля, которые закончатся объединением всех профильных управленческих структур под началом единого Министерства сельского хозяйства республики.⁴

В соответствии с указом Президента РФ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы» от 27 декабря 1991 г. по стране началась приватизация земель. Предстояло определить в феврале – марте 1992 г. условия передачи земельных участков для ведения сельского хозяйства субъектам различных форм собственности. Практика реализации реорганизации совхозов в первый постсоветский год была достаточно интенсивной – в течение 1992 г. хозяйства должны были пройти реорганизацию, привести свой статус в соответствии с российским законом о предприятиях и предпринимательской деятельности, зарегистрироваться в соответствующих органах. При этом местные органы исполнительной власти должны были на местах контролировать реализацию права работающих на беспрепятственный выход из совхозов для создания крестьянских (фермерских) хозяйств.⁵

По отчетным данным планово-экономического отдела АПК «Север» на 1 января 1992 г. из 128 хозяйств, курируемых комбинатом, было 36 совхозов, 22 коллективных предприятия, 22 родовые общины,

4 агрофирмы, 9 мясомолочных предприятия, 3 совместных предприятия, 4 малых предприятий, 2 конезавода и 26 обслуживающих предприятий. Данный отдел отметил, что «...новые формирования образуются без соответствующих экономических расчетов, социальной защищенности работников, проживающих на территории бывших совхозов. Все это, в конечном счете, будет сказываться на производстве продукции, спаде жизненного уровня тружеников сельской местности».⁶

Свои текущие проблемы хозяйства старались продолжать решать через АПК «Север». В феврале – марте состоялись ряд заседаний совета комбината. Из их протоколов видно, что главы хозяйств различных форм на местах считали необходимым сохранение деятельности АПК «Север». Был сделан вывод о полезности трехлетней практики для социально-экономического развития северных хозяйств и предприятий АПК.⁷ 19 марта 1992 г. на заседании Совета комбината был сформирован обновленный его состав, который представляли 63 члена из 17 арктических и северных улусов и г. Якутска, из них (чел.): директора совхозов – 24, главы общин – 4, представители коллективных хозяйств – 4, агрофирм – 2, рыбной отрасли – 3, перерабатывающей отрасли – 2, снабженческой – 1, строителей – 3, рабочих – 2, заместители глав администраций районов – 9, руководитель банка – 1, из сферы науки – 1, республиканского комитета профсоюзов – 1, работники аппарата АПК «Север» – 5.⁸ На том же заседании Совета АПК «Север» (после всех докладов и обсуждений по итогам хозяйственной деятельности по отраслям за предыдущий год) был выработан план мероприятий по реализации замечаний и предложений его участников. Утвержден 31 марта 1992 г. постановлением Президиума АПК «Север». Обсуждавшиеся в 1992 г. вопросы требовали незамедлительных решений: официального определения комиссией соотношения диких и домашних оленей; получения дотации на транспортные расходы, завоза ГСМ, комбикормов, стройматериалов; централизации части добытых пушнины и рыбы для приобретения снегоходов и лодочных моторов; реализации программ снабжения, которые по районам (например, Верхоянскому) были выполнены только на 18 % от годового объема; введения четко установленных нормативов распределения финансовых и материальных ресурсов; обеспеченности капканами, ядохимикатами, поиска возможностей приобретения их в стране или на внешнем рынке за валюту и т.п. Особое внимание уделялось введению льгот для предприятий агрокомплекса на использование кредитов; заключению с ними долгосрочных договоров на поставку техники; выработке единой ценовой политики; подготовке кадров из числа представителей народов Севера и т.п. Согласно протоколам заседания

⁴ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). Ф. 1500. Оп. 1. Д. 15. Л. 6

⁵ Право на землю // Якутия : Ежедн. Респ. газета. 1992. 3 янв. С. 1.

⁶ НА РС(Я). Ф. 1500. Оп. 1. Д. 3. Л. 175.

⁷ Там же. Л. 97–101, 106, 108, 113.

⁸ Там же. Л. 97–101.

совета комбината, большинство выступавших отстаивали коллективный труд на столь обширной северной территории, критикуя политику разобщения, несмотря на рентабельность отдельных хозяйств.⁹

Одной из форм возрождения хозяйственных традиций природопользования коренных народов Севера стало создание во многих районах родовых общин.

Вслед за ранее утвержденным временным положением о кочевой родовой общине в декабре 1992 г. был принят республиканский закон «О родовой, родоплеменной кочевой общине коренных малочисленных народов Севера». Еще с начала года родовые общины массово начали создаваться в районах проживания аборигенного населения. Шесть районов из изучаемых вошли в перечень районов с наибольшим количеством зарегистрированных общин: Булунский – 10 общин, Усть-Янской – 9, Аллаиховский – 8, Нижнеколымский – 5, Среднеколымский – 4, Верхнеколымский – 3 общины, всего 39 общин.¹⁰

К концу года было зарегистрировано 85 родовых общин, в них членов – 7190 чел., в том числе работающих – 3877 чел., что составляло 64,9 % всех хозяйств различной формы организации и собственности.¹¹

Родовые общины изначально рассматривались государством как хозяйствующие субъекты экономики. Основу их деятельности составляли ведущие традиционные отрасли – оленеводство, рыболовство, охотничий промысел. Все хозяйства занимались сезонным собирательством дикоросов. Некоторые общины, кроме того, разводили крупный рогатый скот, лошадей и занимались звероводством [31]¹². Все общины освобождались от налогообложения, платы за землю, других сборов и пошлин согласно действующему законодательству.

На финансово-хозяйственное состояние созданных родовых общин, как и других категорий хозяйственных структур, повлияло общее дальнейшее ухудшение экономического положения республики и страны в целом. Продолжалось повышение цен за технику, комбикорма, ГСМ, росли тарифы на транспортные услуги, особенно на авиатранспорт, который был основным средством передвижения на севере. Многие родовые общины были вынуждены закрывать свои отдаленные охотничьи и рыболовецкие участки. В 1992 г. они испытали серьезные затруднения в реализации произведенной продукции – мяса и рыбы. В справке регионального профильного министерства данное положение объяснялось отсутствием у многих общин в 1992 г. заключенных договоров с государственными заготовительными организациями, различного рода торговыми структурами и другими потребителями. И в этой сфере сказывалось повышение стоимости авиатранспортных услуг [3]¹³.

⁹ НА РС (Я). Ф. 1500. Оп. 1. Д. 3. Л. 116–118.

¹⁰ Объединенный ведомственный архив Министерства сельского хозяйства РС (Я) (ОВАМСХ РС (Я). Ф. 55. Оп. 35. Д. 300. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 3.

¹² Там же. Л. 1–3.

¹³ Там же. Л. 1–3.

В данный период в агропромышленном комплексе республики шла активная структурная перестройка, реорганизовывались совхозы, создавались новые формы хозяйствования на основе принимаемых федеральных и республиканских нормативно-правовых решений. Так, в январе 1992 г. началось реформирование совхозов «Индибирский», «Абыйский», «Майорский» в Абыйском районе, были организованы коллективные государственные предприятия «Алгыс», «Быйан», «Сылгысыт», «Кырымах», «Тумсуу», «Табасыт» на базе Абыйского, Отгох-Атахского, Суторинского, Уолбутского, Майорского отделений трех вышеназванных совхозов и агрофирмы «Индибирка»¹⁴. В Среднеколымском районе в марте 1992 г. появилась родовая община «Уродан», 9 апреля 1992 г. – крестьянское хозяйство К.Н. Булдыгиной, 1,4,5 апреля 1992 г. – родовые общины «Сивер», «Супри», «Нуталикин».¹⁵ Разделение совхоза «Олеринский» Нижнеколымского района (официально ликвидированного с 16 мая 1992 г.) завершилось образованием предприятия «Агрос» в пос. Андрюшкино и хозяйств, а также возникновением промыслово-олeneводческих родовых общин «Чайла» и «Алазея».¹⁶ В ноябре 1992 г. был ликвидирован совхоз «Жиганский», образованы новые предприятия, родовая община «Баханы», Бестяхское коллективное предприятие, Центральное коллективное предприятие.¹⁷ В конце декабря 1992 г. была создана агрофирма «Ленинский» в Эвено-Бытантайском районе на основе объединения районного мясомолкомбината и совхоза «Ленинский».¹⁸

К концу года, по данным Министерства по делам малочисленных народов, было зарегистрировано 131 северное хозяйство – 85 родовых общин, 3 малых предприятия, 4 агрофирмы, 11 коллективных хозяйств, 28 совхозов.¹⁹ А по официальным статистическим данным, в районах проживания коренных малочисленных народов Севера и в арктических районах к началу 1992 г. имелось 21 сельхозпредприятие – совхозы, агрофирмы и 27 крестьянских хозяйств, а к концу этого года было 18 сельхозпредприятий и 43 крестьянских хозяйств.²⁰

Некоторые хозяйственные показатели развития изучаемых районов. Традиционными хозяйственными занятиями коренного населения рассматриваемых районов оставались оленеводство, табунное коневодство и разведение крупного рогатого скота. В первый постсоветский год основной показатель, определявший состояние северного животноводства – количество поголовья, за год претерпел некоторые изменения по

¹⁴ НА РС (Я). Ф. 1500. Оп. 1. Д. 15. Л. 6.

¹⁵ Там же. Д. 76.

¹⁶ Там же. Д. 15. Л. 30.

¹⁷ Там же. Л. 45.

¹⁸ Там же. Л. 46.

¹⁹ Там же. Ф. 55. Оп. 35. Д. 300. Л. 3.

²⁰ Некоторые показатели экономического и социального развития районов проживания малочисленных народов Севера и Арктических районов в 1980, 1985, 1990–1995 гг.: стат. сб. №171/4071. Якутск, 1996. С. 37–39.

Поголовье голов и производство продукции (т) за 1992 г. во всех категориях хозяйств *

Районы/улусы по группам	Олени		Лошади		Крупный рогатый скот (в том числе коровы)		Производство продукции	
	1991 г.	1992 г.	1991 г.	1992 г.	1991 г.	1992 г.	мясо	молоко
<i>Северо-западно-прибрежная группа</i>								
Аллаиховский	20 855	21 048	201	211	38 (15)	38 (16)	355	14
Анабарский	25 024	24 864	30	51	28 (17)	20 (13)	389	14
Булунский	28 061	25 780	311	363	293 (134)	352 (157)	441	320
Жиганский	11 965	12 736	9	2	362 (158)	334 (142)	188	279
Нижнеколымский	32 246	28 956	317	323	124 (59)	128 (62)	661	106
Оленекский	16 649	13 018	135	145	296 (113)	293 (106)	204	162
Усть-Янский	27 111	27 680	1265	1149	678 (298)	545 (243)	889	457
Итого по семи улусам	161 911	154 082	2268	2244	1819 (794)	1710 (739)	3127	1352
<i>Северо-восточная группа</i>								
Верхоянский	10 481	11 530	12 744	13 660	9494 (3696)	9 690 (3886)	1884	5586
Момский	32 256	31 859	3334	3226	1723 (712)	1776 (717)	1089	1467
Оймяконский	17 854	17 768	4064	4207	4780 (1820)	4336 (1788)	1216	3298
Томпонский	23 497	23 225	2491	2416	6461 (2415)	6 228 (2537)	1691	5144
Эвено-Быгантайский	27 237	26 817	2365	2322	1135 (451)	1202 (462)	716	428
Итого по пяти улусам	111 325	111 199	24 998	25 831	23 593 (9094)	23 232 (9390)	6596	15 923
<i>Индигово-колымская группа</i>								
Абыйский	5378	4723	3614	3651	2302 (1005)	2392 (996)	624	1567
Верхнеколымский	8004	8488	1546	1608	1886 (796)	1906 (764)	526	1434
Среднеколымский	7450	6856	5829	6615	5187 (1854)	5507 (2 030)	935	3112
Итого по трем улусам	20 832	20 067	10 989	11 874	9375 (3655)	9805 (3790)	2085	6113
Всего в 15 улусах	294 068	285 348	38 255	39 949	34 787 (13 543)	34 747 (13919)	11 808	23 388
Удельный вес поголовья и производства в 15 улусах, %	83,97	83,0	18,3	19,7	8,3 (9,0)	8,2 (9,3)	17,1	9,9
Всего по РС(Я)	350 187	343 790	209 134	203 070	419 191 (149 510)	423 885 (150 257)	69 169,3	236 037,3

*Составлено по: Некоторые показатели экономического и социального развития ...; Экономика улусов и городов РС(Я) 1985–1999гг. Якутск, 2000; Республика Саха (Якутия) за годы суверенитета (1990–2000 гг.). Якутск, 2000; Данные официальной информации ТОФСГС по РС(Я) от 13.02.2015 г. № 07-23-18 (по запросу автора).

каждой отрасли, как и количество произведенной продукции (см. таблицу).

Поголовье рассчитано по данным на начало (1 января) следующего года.

К концу 1992 г. поголовье оленей в 15 изучаемых районах составляло 83 % от всех одомашненных оленей республики. За первый постсоветский год здесь произошло сокращение данного показателя на 3 % (на 8720 голов). По группам районов изменения видны более детально. Причем в северо-западно-прибрежной группе, специализирующейся преимущественно на оленеводстве (55,0–54,0 % от поголовья оленей в 15 районах), общее сокращение составило 4,8 % (на 7829 голов). Положительная динамика наблюдалась лишь в Аллаиховском (на 0,9 %), и Жиганском (на 6,4 %) районах. В остальных пяти районах поголовье снизилось: в Булуновском – на 8,1 %, Нижнеколымском – на 10,2 % и Оленекском – на 21,8 %. В северо-восточной группе общее количество домашних оленей (37,8–39 % от их поголовья в 15 районах) уменьшилось незначительно – на 0,1 % (на 126 голов), что объясняется положительной динамикой по Верхоянскому району (увеличение на 10,0 %). В остальных четырех районах поголовье сократилось: в Томпонском, Момском, Эвено-Бытантайском районах – на 1,1–1,5 %. В индигиро-колымской группе общее количество оленей (7,0–7,1 % от их поголовья в 15 районах) уменьшилось на 3,7 % (на 765 голов). Положительная динамика выявлена только в Верхнеколымском районе (увеличение на 6,0%), в Абыйском и Среднеколымском районах количество оленей сократилось соответственно на 12,2 и 8,0 %.

В изучаемых районах разводили 18,3 % общего поголовья лошадей в регионе, за год эта доля увеличилась до 19,7 % за счет сокращения показателя по республике (на 2,9 %) и относительного увеличения численности лошадей в 15 районах (на 4,4 %). Наибольшее количество лошадей было в северо-восточной группе (64,6–65,3 % от поголовья лошадей в 15 районах), численность лошадей увеличилась за год на 3,3 % (на 883 головы). В индигиро-колымской группе количество лошадей составило 28,7–29,7 % от поголовья лошадей в 15 районах, оно увеличилось на 8,1 % (на 885 голов). В северо-западно-прибрежной группе содержалось наименьшее количество лошадей от их поголовья в 15 районах (5,6–5,9 %), за год их численность сократилась на 1,06 % (на 24 головы).

В 15 районах содержалось 8,3 % общего поголовья крупного рогатого скота в республике, за год произошло некоторое их сокращение – на 1,2 % (40 голов). Наибольшее количество скота было в северо-восточной группе (67,8–67,1 % от поголовья крупного рогатого скота в 15 районах), за год снижение поголовья составило 1,5 % (270 голов). В индигиро-колымской группе, где содержалось более четверти крупного рогатого скота (26,9–28,2 % от его поголовья в 15 районах), за год увеличение произошло на 4,6 % (430 голов). Незначительное количество скота разводили в хозяй-

ствах северо-западно-прибрежной группы (5,2–4,9 % от его поголовья в 15 районах), за год его количество увеличилось на 6,4 % (на 109 голов). В составе стада крупного рогатого скота в изучаемых районах 38,9 % приходилось на поголовье коров, их количество увеличилось за год на 2,8 % (на 376 голов). Доля коров в общем поголовье крупного рогатого скота у северо-восточной и индигиро-колымской групп была такой же, как и соотношение поголовья крупного рогатого скота в целом по 15 районам, а в северо-западно-прибрежной группе несколько выше – 43,6 %.

Производство мяса и молока за 1992 г. (см. таблицу) в 15 изучаемых районах составляло 17,1 и 9,9 % соответственно от общего производства по республике. Наибольшая доля производства мяса приходилось на северо-восточную группу – 55,7 %, в северо-западно-прибрежной и индигиро-колымской группах его производили соответственно 26,5 и 17,7 %. Производство молока в северо-восточной группе также было самым высоким – 68,1 %, в индигиро-колымской группе – 26,1, в северо-западно-прибрежной группе – 5,8 %.

Наиболее уязвимыми в первый постсоветский год оказались районы северо-западно-прибрежной группы с преобладающим моноотраслевым оленеводческим направлением хозяйственного развития. Здесь содержалось 55 % поголовья домашних оленей изучаемых районов, а сокращение составило 89,8 %. Северо-восточная группа районов лидировала по развитию табунного коневодства (65 %) и разведению крупного рогатого скота (67 %) среди 15 районов. В данной группе производилось 57 % мяса и 68 % молока.

Таким образом, структурные преобразования, практика решения хозяйственных проблем, реорганизация хозяйств, снижение показателей численности поголовья животных (особенно оленей) по указанным группам районов свидетельствовали о том, что в течение 1992 г. происходил необратимый процесс трансформации арктических хозяйств. Следует отметить некоторые несовпадения статистических данных в официальных документах и архивных источниках, что связано с особенностями учета в отдельных хозяйствах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований крестьянской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН; РОССПЭН, 2002, 592 с.
2. Никольский С.А. Аграрный курс России: мировоззрение реформаторов и практика аграрной реформы в социально-историческом, экономическом и философском контекстах. М., 2003, 375 с.
3. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX в. Очерки истории/отв. ред. В.А. Ильиных. Новосибирск, 2008, 308 с.
4. Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009, 340 с.
5. Вербицкая О.М. Сельская семья на этапе социально-экономических трансформаций 1985–2002 гг. М.: ИРИ РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2017, 408 с.
6. Мархинин В.В., Удалова И.В. Этнос в ситуации выбора будущего. По материалам социологического исследования образа жизни

хантов, ненцев, манси Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа. Новосибирск, 1993, 206 с.

7. Арктика на пороге третьего тысячелетия (ресурсный потенциал и проблемы экологии). СПб.: Наука, 2000, 247с.

8. Додин Д.Д. Устойчивое развитие Арктики. Проблемы и перспективы. СПб., 2005, 383 с.

9. Попков Ю.В., Тугашев Е.А. Философия Севера: коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства. Салехард; Новосибирск, 2006, 376 с.

10. Коренные народы Ямала в современном мире: сценарии и концепции развития /под ред. Ю.В.Попкова. Новосибирск; Салехард, 2007, 270 с.

11. Азиатская часть России: новый этап освещения северных и восточных регионов страны/под ред. В.В.Кулешова. Новосибирск, 2008, 428с.

12. Крупник И.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.:Наука,1989, 272 с

13. Клоков К.Б. Оленеводство и оленеводческие народы Севера России. Ч.1: Республика Саха (Якутия); Ч.11. Север Средней Сибири. М., 1996, 140 с.

14. Клоков К.Б. Традиционное природопользование народов Севера: концепция сохранения и развития. СПб., 1997, 91 с.

15. Ямсков А.Н. Традиционное природопользование: проблемы определения и правового регулирования // Юридическая антропология. Закон и жизнь. /отв. ред. Н.И.Новикова, В.А.Тишков. М.:Изд. дом «Стратегия», 2000. С. 172–185 .

16. Jernsletten J-L.L., Klovov K. Sustainable Reindeer Husbandry. Tromso, 2002, 157 p.

17. Сирина А.А. От совхоза к родовой общине: социально-экономические трансформации у народов Севера в конце XX века. М.: ИЭА РАН, 2010, 185 с.

18. Мурашко О.А. Коренные народы Арктики и народы Севера: история, традиции, современные проблемы //Арктика: экология и экономика. 2011. №3. С.90 – 105.

19. Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение. М., СПб.: Нестор-История, 2016, 272 с.

20. Проблемы Крайнего Севера Якутии: состояние и пути решения. Якутск: Северовед, 2001, 180 с.

21. Интеграция коренных малочисленных народов Сибирского Севера и Дальнего Востока в общероссийскую культуру. Якутск, 2003, 393 с.

22. Донской Ф.С.. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. Якутск, 2002. Т. 1. 338 с.; Якутск, 2004. Т. 2. 320 с.; Новосибирск: Наука, 2006. Т. 3. 427 с.

23. Белянская М.Х. Традиция и современность. Культура выживания северных тунгусов в Северо-Восточной Азии. Историко-этнографический очерк. СПб., 2004, 122 с.

24. Современная Арктика: опыт изучения и проблемы. Якутск, 2005. 196 с.

25. Ковлеков С.И. Аграрная реформа в Республике Саха (Якутия) в 1991–1995 гг. //Суверенная Республика Саха (Якутия) (1991–1996 гг.): проблемы коренных преобразований. Якутск, 1999. С.76–110.

26. Винокурова Л.И. Аборигенные этносы РС(Я) в модернизирующемся обществе //Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия). Новосибирск, 2000. С.163–187.

27. Санникова Я.М. Динамика развития традиционного хозяйства Севера Якутии в контексте аграрной политики 1990-х гг. //Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия): сборник научных статей. Якутск, 2015. Вып.1. С.104–127.

28. Якутия: хроника, факты, события. Якутск: Якутский край, 2007. Кн. 4, ч. 1. С. 90–181.

29. Республика Саха (Якутия) в годы распада СССР и формирование новой политической системы Российской Федерации. Якутск: СВФУ, 2012, 239 с.

30. Тихонов Н.Н. Северное село. Новосибирск: Наука, 1996, 384 с.

31. Санникова Я.М. Аграрная политика и возрождение родовых общин в арктических районах Якутии в 1990-е гг. //Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. /отв. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Параллель, 2016. С. 251–255.

REFERENCES

1. Shanin T., Nikulin A., Danilov V. (eds.) Reflexive peasant studies: a decade of studying peasant in Russia. Moscow, 2002, 592 p. (In Russ.)

2. Nikol'skiy S. A. Agrarian course of Russia: a worldview of reformers and practice of agrarian reform in socio-historical, economic and philosophical contexts. Moscow, 2003, 375 p. (In Russ.)

3. Il'inykh V.A. (ed.) Agrarian transformations and agriculture of Siberia in the twentieth century. Essays of history. Novosibirsk, 2008, 308 p. (In Russ.)

4. Kalugina Z.I., Fadeeva, O.P. Russian village in the labyrinth of reforms: sociological sketches. Novosibirsk, 2009, 340 p. (In Russ.)

5. Verbitskaya O.M. A rural family at the stage of socio-economic transformations of 1985–2002. Moscow, 2017, 408 p. (In Russ.)

6. Markhinin V.V., Udalova I.V. Ethnos in the situation of choosing the future. According to sociological research data of the way of life of Khanty, Nentsy, Mansi in Nizhnevartovsk district of Khanty-Mansi Autonomous Okrug. Novosibirsk, 1993, 206 p. (In Russ.)

7. Gramberg I.S., Laverov N.P. (eds.) The Arctic on the threshold of the third millennium (resource potential and environmental problems). Saint Petersburg, 2000, 247 p. (In Russ.)

8. Dodin D.D. Sustainable development of the Arctic. Problems and prospects. Saint Petersburg, 2005, 383 p. (In Russ.)

9. Popkov Yu.V., Tyugashev E.A. Philosophy of the North: indigenous peoples of the North in the scenarios of the world order. Salekhard, Novosibirsk, 2006, 376 p. (In Russ.)

10. Popkov Yu.V. (ed.) Indigenous peoples of Yamal in the modern world: scenarios and concepts of development. Novosibirsk, Salekhard, 2007, 270 p. (In Russ.)

11. Kuleshov V.V. (ed.) The Asian part of Russia: a new stage of covering the northern and eastern regions of the country. Novosibirsk, 2008, 428 p. (In Russ.)

12. Krupnik I. Arctic ethno-ecology. Models of traditional nature management of marine hunters and reindeer herders of Northern Eurasia. Moscow, 1989, 272 p. (In Russ.)

13. Klovov K.B. Reindeer herding and reindeer peoples of the North in Russia. Moscow, 1996. Pt. 1: Republic of Sakha (Yakutia). 87 p.; Pt. 2: Central Siberian North, 140 p. (In Russ.)

14. Klovov K.B. Traditional nature management of the northern peoples: the concept of conservation and development. Saint Petersburg, 1997, 91 p. (In Russ.)

15. Yamskov A.N. Traditional nature management: problems of definition and legal regulation. *Yuridicheskaya antropologiya. Zakon i zhizn'*. Moscow, 2000, pp. 172–185. (In Russ.)

16. Jernsletten J-L.L., Klovov K. Sustainable reindeer husbandry. Tromso, 2002, 157 p.

17. Sirina A.A. From the farm to the tribal community: socio-economic transformation of the peoples of the North in the late XX century. Moscow, 2010, 185 p. (In Russ.)

18. Murashko O.A. Indigenous peoples of the Arctic and “peoples of the North”: history, traditions, modern problems. *Arktika: ekologiya i ekonomika*, 2011, no. 3, pp. 90–105. (In Russ.)

19. The Russian Arctic: indigenous peoples and industrial development. Moscow, Saint Petersburg, 2016, 272 p. (In Russ.)

20. Poiseev I.I. (ed.) Problems of the Far North of Yakutia: state and solutions. Yakutsk, 2001, 180 p. (In Russ.)

21. Donskoy F.S. (ed.) Integration of indigenous peoples of the Siberian North and the Far East into the all-Russian culture. Yakutsk, 2003, 393 p. (In Russ.)

22. *Donskoy F.S.* Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East in the second half of the twentieth century. Yakutsk, 2002, vol. 1, 338 p.; vol. 2. Yakutsk, 2004, 320 p.; vol. 3. Novosibirsk, 2006, 427 p. (In Russ.)
23. *Belyanskaya M.H.* Tradition and modernity. Culture is the survival of the northern Tungus of North-East Asia. Historical and ethnographic essay. Saint Petersburg, 2004, 122 p. (In Russ.)
24. *Boyakova S.I.* (ed.) The modern Arctic: experience and problems. Yakutsk, 2005, 196 p. (In Russ.)
25. *Kovlekov S.I.* Agrarian reform in the Republic of Sakha (Yakutia) in 1991-1995. *Suverennaya Respublika Sakha (Yakutiya) (1991-1996 gg.): problemy korennykh preobrazovaniy.* Yakutsk, 1999, pp. 76–110. (In Russ.)
26. *Vinokurova L. I.* Aboriginal ethnic groups of the RS (I) in a modernizing society. *Etnosotsial'noe razvitiye Respubliki Sakha (Yakutiya).* Novosibirsk, 2000, pp. 163–187. (In Russ.)
27. *Sannikova Ya.M.* Dynamics of development of traditional economy of the northern Yakutia in the context of agrarian policy of the 1990s. *Etnosotsiologicheskie issledovaniya v Respublike Sakha (Yakutiya).* Yakutsk, 2015, iss. 1, pp. 104–127. (In Russ.)
28. Yakutia: chronicle, facts, events. Yakutsk, 2007, bk. 4, pt. 1. (In Russ.)
29. *Tikhonov N.N.* Northern village. Novosibirsk, 1996, 384 p. (In Russ.)
30. *Sivtsev I.S., Burtsev A.A., Gogolev A.I.* The Republic of Sakha (Yakutia) during the collapse of the USSR and the formation of a new political system of the Russian Federation. Yakutsk, 2012, 239 p. (In Russ.)
31. *Sannikova Ya.M.* The agricultural policy and revival of tribal communities in the Arctic regions of Yakutia in the 1990s. *Aziatskaya Rossiya: problemy sotsial'no-ekonomicheskogo, demograficheskogo i kul'turnogo razvitiya (XVII–XXI vv.): materialy mezhdunar. nauch. konf.* Novosibirsk, 2016, pp. 251–255. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 25.09.2019

DOI: 10.15372/HSS20190409
УДК: 008+069

Т.С. КУРЬЯНОВА

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ОБЪЕКТ ЗАРУБЕЖНОГО И РОССИЙСКОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Томский государственный университет,
РФ, 634050, Томск, пр. Ленина, 36

В статье рассматриваются подходы зарубежных и российских исследователей к осмыслению нематериального культурного наследия. Отмечено, что за рубежом предпочтение отдается онтологическим вопросам осмысления нематериального культурного наследия и сохранению его в условиях, максимально приближенных к естественным условиям живой культуры, а в России в большей степени внимание уделяется музейному осмыслению и практике работы с нематериальным культурным наследием. Выявлено, что только в российской традиции существует понятие «музеефикация нематериального культурного наследия». Общим для этих подходов является признание культурного ландшафта в качестве комплексной формы сохранения нематериального культурного наследия.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, культурное наследие, музей, музеефикация нематериального культурного наследия, актуализация, культурный ландшафт.

T.S. KURIANOVA

INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE AS AN OBJECT OF INTERNATIONAL AND RUSSIAN SCIENTIFIC DISCOURSE

Tomsk State University,
36 Lenin str., Tomsk, 634050 Russian Federation

The paper presents and analyzes approaches used by international and Russian researchers to understand the intangible cultural heritage. Intangible cultural heritage is the usual forms, representations and expressions, knowledge and skills, as well as related objects and cultural space recognized by the community as a cultural heritage. This concept follows the idea of relationships of intangible cultural heritage, tangible cultural heritage and natural heritage. One should noted a pronounced ethnic orientation of the term “intangible cultural heritage”. This is confirmed by the foreign researchers of intangible cultural heritage who use the concept of “First Voice” which appeared in the process of uploading the rights of indigenous peoples. “First Voice” is a metaphorical designation of a carrier of traditions, i.e. intangible cultural heritage. The Russian researchers prove it using the concept of ethnocultural heritage. Scholarly works on the problem of studying and preserving intangible cultural heritage are relatively few both in international and Russian historiography. Most of the theoretical developments on this issue are based on the UNESCO Convention on the Protection of the Intangible Cultural Heritage (2003) and the general theory of heritage studies. While writing the paper, the author found that the directions of studying intangible cultural heritage are diverse both in Russia and abroad. However, in the first case, the preference is given to ontological issues of understanding the intangible cultural heritage and preserving it under natural conditions of living culture as close as possible. Thus, a number of international researchers consider intangible cultural heritage in the focus of relevant topics: supervision, information technology, cultural diversity, cultural identity, commodification of heritage, conservation practices, etc. In the second case, attention is paid to conceptualization of museum and the practice of working with intangible cultural heritage. For example, Russian scientists actively work with practitioners of museumification of intangible cultural heritage in theoretical and practical aspects. A common feature of these two directions is the recognition of the cultural landscape as a complex form of preserving intangible cultural heritage.

Key words: intangible cultural heritage, cultural heritage, museum, museumification of intangible cultural heritage, actualization, cultural landscape

ВВЕДЕНИЕ

Под нематериальным культурным наследием, согласно Международной конвенции ЮНЕСКО

«Об охране нематериального культурного наследия» (2003 г.) понимаются обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные

Татьяна Сергеевна Курьянова – канд. ист. наук, доцент, Томский государственный университет, e-mail: tanytka_88@mail.ru
Tatiana S. Kurianova – Candidate of Historical Sciences (Ph.D. in History), Associate Professor, Tomsk State University.

с ними предметы и культурные пространства, признанные сообществами в качестве культурного наследия. Нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами при их взаимодействии с природой, формируя у них самобытность и преемственность и содействуя тем самым воспитанию уважения к культурному разнообразию человечества¹. При этом во всей концепции прослеживается идея о взаимозависимости нематериального и материального культурного наследия, а также природного наследия. Необходимо отметить ярко выраженную этническую направленность термина «нематериальное культурное наследие» [1, с. 55]. В зарубежной практике исследования нематериального культурного наследия проводятся в рамках концепции «First Voice» (англ. «первый голос»), которая появилась в процессе отстаивания своеобразия своих культур коренными народами. «First Voice» — это метафорическое обозначение носителя традиций, т.е. нематериального культурного наследия [2, с. 11]; в России функционирует понятие «этнокультурное наследие». Под ним подразумеваются материальные и нематериальные элементы культуры, во-первых, связанные с конкретным современным этносом, во-вторых, вписанные в окружающую природную среду; в-третьих, функционирующие как живая или реконструируемая традиция; в-четвертых, признаваемые в качестве ценности не только данным этносом, но и окружающим полиэтническим сообществом [3, с. 57]. Данное понятие не закреплено в научной или нормативно-правовой литературе, но тем не менее весьма удобно в случаях, когда нужно подчеркнуть этнокультурный аспект наследия.

Нематериальное культурное наследие подвержено быстрому исчезновению. Поиск решения этой проблемы является важной задачей мирового сообщества. Поэтому проблема осмысления зарубежного и российского научного дискурса, касающегося нематериального культурного наследия, представляется весьма актуальной. Работа в указанном направлении позволяет открыть новые аспекты осмысления проблемы нематериального культурного наследия, понять механизмы его интеграции в социокультурные, социополитические и экономические контексты, расширить представления о разных практиках по его сохранению.

Цель данной статьи – анализ актуальных зарубежных и отечественных подходов к нематериальному культурному наследию. Такая попытка предпринимается впервые в отечественной литературе. Освещение автором тех или иных сюжетов обусловлено глубиной рефлексии онтологического статуса нематериального культурного наследия, полнотой описания практических подходов к его сохранению, а также оригинальностью концепции. Настоящее исследование соответствует одному из вариантов научного дискурса,

который не претендует на полноту и может быть дополнен или расширен.

Теоретические разработки по указанной проблеме опираются в большинстве своем на Конвенцию ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия» (2003), на теорию наследиеведения, находящуюся на стадии формирования. Исходя из этого, рассмотрим некоторые результаты, полученные зарубежными и отечественными исследователями.

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ЗАРУБЕЖНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

За последнее десятилетие в понимании самого концепта нематериального наследия произошел, как считает Б. Кишленблатт-Гимлет, важный сдвиг: в него включают не только шедевры нематериального наследия, но и их создателей. Поэтому основной задачей практиков становится не просто коллекционирование отдельных «нематериальных артефактов», а сохранение всей системы как живой целостности. Способом такого сохранения *par excellence*, по мнению исследователя, является фестиваль [4, с. 15].

М. Алилизату (Великобритания) видит перспективы расширения научного дискурса наследия и вместе с тем противоречия в понимании нематериального культурного наследия. С одной стороны, оно рассматривается как нечто находящееся под угрозой исчезновения, а с другой – как нечто пребывающее в постоянном изменении и развитии. При этом она отмечает инклюзивный характер нематериального культурного наследия, его включенность в сферу материального и природного наследия. Автор сравнивает подходы к нематериальному культурному наследию, характерные для ЮНЕСКО и академической среды. ЮНЕСКО рассматривает нематериальное культурное наследие в рамках дихотомии с материальным наследием как сбалансированную этическую сферу универсальных прав и свобод человека. Представители академического сообщества заинтересованы в изучении живой культуры (ее изменение, гибридизации), а также форм ее трансляции, что часто остается за пределами политики ЮНЕСКО. Отдавая предпочтение научным исследованиям в академической среде, М. Алилизату задается вопросом: «Какие элементы будут преобладать в концептуальном поле нематериального культурного наследия: „традиции“ или „изменения“, „релятивизм“ или „концептуализм“? В связи с этим она обращается к музейной деятельности и справедливо отмечает необходимость смены парадигм: «музей как хранилище для коллекций» заменяется идеей «музей как динамичный культурный центр». Сохранение нематериального культурного наследия представляется автору в виде своеобразного института кураторства над живой культурой и реализации в этом направлении различных культурных проектов [5, с. 51]. Теперь музейведческий подход, как отмечалось выше, ориентирован не только на артефакты, но и на их создателей. Того же мнения придерживается К. Крепс, которая исследова-

¹ Конвенция ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия» (2003). Париж, 17 октября 2003 г. // URL: www.unesco.org/bpi/rus/pdf/03-82-Russe.pdf (дата обращения: 11.03.2019).

ла нематериальное культурное наследие с позиций музеологического дискурса – формы контекстуализации и концептуализации, включающей музеологические и экстрамузеологические компоненты [6, с. 7].

Научный сотрудник Школы археологии и антропологии Австралийского национального университета Л. Смит считает, что наследие, в том числе нематериальное культурное, является социальным и культурным перформансом. Наследие может проявляться в перформансах воспоминания и забвения [7]. Наследие представляет собой также процесс коммуникации, передачи и переформатирования знаний и идей, он связан с утверждением и проявлением идентичности, (вос)созданием социальных и культурных ценностей и лежащих в их основе смыслов. Л. Смит предлагает концепцию «авторизованного дискурса наследия», суть которой состоит в том, что наследие трактуется не как определенная вещь или конкретное место, а ценности и смыслы, конструируемые вокруг них (см: [8]).

Л. Соланила (Открытый университет Каталонии, Испания) считает, что содержание понятия «нематериальное культурное наследие» раскрывает формула «культурная идентичность + культурное разнообразие». Исследователь важное место в структуре нематериального культурного наследия отводит индивидуальному опыту, выраженному в историях из жизни («life stories»). Они связаны с коллективной памятью конкретной общины или группы. Смысловое поле «историй из жизни» выражается в социальных, политических, профессиональных, этнических и гендерных кодах. Отмечая, что в Конвенции (2003 г.) данная категория не выделена, автор размышляет над возможностью ее введения в текст документа, а пока «истории из жизни» условно относит к области «знания».

Сохранением нематериального культурного наследия занимаются институты памяти (ALM Sector (ALM) – Archives, Libraries and Museums) – музеи, архивы, библиотеки. Введение в их деятельность информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) значительно расширило их функционал по данному вопросу [9, с. 106]. Активное использование ИКТ в сфере нематериального культурного наследия в музейном пространстве открывает новую область знания, еще не подвергшуюся в полной мере научной рефлексии – кибермузеологию, в которой интернет представляет собой еще один институт памяти XXI в. Категорией «истории из жизни» занимаются этнографические, социально- исторические и мемориальные музеи. Сохранение «историй из жизни» осуществляется путем фиксации /документирования, хранения, публикации, экспонирования, в том числе в различных вариантах в сети интернет [9, с.109]. Однако такая работа проводится не везде, поскольку многими музейными специалистами ценность «историй из жизни» не оценена в полной мере.

Музеолог Р. Байер-де-Хаан приводит типологию объектов нематериального наследия, представленных в музейных собраниях. Речь идет о предметах, характеризующих традиционную культуру этноса. При этом

нематериальное культурное наследие мыслится концептуальной формой материального наследия. Это позволяет при утрате предмета, но сохранении знаний о технологии его изготовления сделать его копию. Сам же объект нематериального культурного наследия нуждается в квалифицированной оценке и описании, которую может сделать этнолог или антрополог [10].

Рассуждая о нематериальном культурном наследии и музеях, директор Смитсоновского центра фольклора и культурного наследия Р. Курин подчеркивает, что музеям для сохранения нематериального культурного наследия нужно поддерживать связи с этническими общинами, которые он считает источником знаний о традиционной и современной культуре этносов. Полагая, что нематериальное культурное наследие – это в первую очередь традиции, которые должны воспроизводиться и передаваться из поколения в поколение, Р. Курин видит предназначение музея быть хранилищем артефактов, а не площадкой для презентации нематериального культурного наследия [11].

Профессор П. Бойлан считает, что вмешательство государства в эту сферу может привести к «бюрократизации» и «формализации» нематериального культурного наследия [12]. Другой исследователь Р. Регенвану в одном из интервью в штаб-квартире ЮНЕСКО (21.05.2007) резонно заметил: «Если сообщество, которое является носителем традиций, решает изменить традицию с целью большего зарабатывания денег под влиянием музеев или ЮНЕСКО, будет ли это искажением?» (цит. по: [5, с. 50]). В связи с этим можно говорить о том, что затрагивается проблема инсценированной аутентичности, которая возникает под влиянием экономических факторов: представители этнического сообщества, желая увеличить туристический спрос, намеренно гиперболизируют традицию – делают ее ярче, эффектнее.

Исследователи Л. Смит и Н. Акагава в вопросах управления наследием придерживаются мнения о том, что материальное и нематериальное наследие находятся в тесной взаимосвязи, но при этом они автономны, а их разделение полезно для дальнейшей разработки и совершенствования нормативно-правовой базы [13].

Исследователь из Бернского университета Кэрлайн Жозель Нвабуэзе рассматривает проблему включения нематериального культурного наследия в музейную деятельность и возникающие при этом вопросы в отношении интеллектуальной собственности. Сложности, возникающие в этой среде, связаны с отсутствием автора: нематериальное культурное наследие определяется групповым общинным творчеством. Кроме того, законы, касающиеся интеллектуальной собственности, относятся к области материального наследия. Вопросы по интеллектуальной собственности в музее возникают на каждом этапе работы (при сборе, фиксации, каталогизации), подразумевающим сохранение и повторное использование культурного наследия. К.Ж. Нвабуэзе видит перспективы и возможности развития регулирования прав интеллектуальной собственности в сфере нематериального культурного наследия в музее [14].

Н. Кауфман, адъюнкт-профессор кафедры охраны памятников истории Института Пратт (Нью-Йорк, США), считает наиболее эффективным способ сохранения нематериального наследия в рамках культурного ландшафта / достопримечательного места и даже вводит такое понятие, как *intangible heritage-in-place* («нематериальное культурное наследие места») [15, с. 22]. Таким образом, нематериальное культурное наследие сохраняется в комплексе с материальным и природным наследием. Поясняя свою мысль, Н. Кауфман проводит аналогию с «водкой, которая не виски»: водку можно ароматизировать различными добавками – орехи, ягоды, перец и т.п. – при этом она не теряет своего качества, а наоборот, приобретает дополнительные вкусовые оттенки, виски же традиционно пьют чистым. Так вот: «водка» — это модель сохранения нематериального культурного наследия [15, с. 34].

Социальный предприниматель из Калькутты А. Батчария в своей статье рассматривает опыт создания культурных индустрий (творческих предприятий) на основе коммодификации нематериального культурного наследия. Такие предприятия создают условия для занятости местного населения, использования культурного капитала общины (этнического сообщества) как финансового актива, что способствует ее культурному и экономическому развитию, сплоченности. Интерес вызывают предлагаемые этими предприятиями разнообразные пути сохранения нематериального культурного наследия [16].

В статье Ч. Хикэнг, Н. Суми рассматривается роль местных общин и местных органов власти в сохранении нематериального культурного наследия, отмечается, что с принятием Конвенции ЮНЕСКО в 2003 г. охрана нематериального культурного наследия стала более систематической и активной. Благодаря усилиям местных властей и различных сообществ в Корее была организована Междугородняя сеть сотрудничества по вопросам нематериального культурного наследия (ICCN). Деятельность данной организации развернулась в двух направлениях: проведение конференций и фестивалей. Первое направление обеспечивает распространение в обществе информации о нематериальном культурном наследии, второе, в соответствии с указанной Конвенцией, способствует развитию экономики и культурного туризма [17].

Резюмируя сказанное, следует отметить, что в зарубежной гуманитаристике идет активное осмысление феномена нематериального культурного наследия как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Рассмотрим ключевые моменты в этом процессе.

1) Нематериальное культурное наследие – динамично развивающаяся междисциплинарная система, погруженная в современный социокультурный контекст. При этом концептуализация данного феномена происходит через анализ таких тем, как нематериальное культурное наследие и местное сообщество, нематериальное культурное наследие и музей, нематериальное культурное наследие и экономика, нематериальное культурное наследие и правовая сфера,

нематериальное культурное наследие и культурный ландшафт, нематериальное культурное наследие и информационные технологии и т. п.

2) Эффективной формой сохранения нематериального культурного наследия – *in vivo* – является фестиваль, погружение в культурный ландшафт, среду и т. п.

3) Музеи играют важную роль в сохранении нематериального культурного наследия, однако их деятельность требует учета специфики объекта.

ПРОБЛЕМЫ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИЙСКОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

В России основным подходом к изучению нематериального культурного наследия стало осмысление его как одной из составляющих культурного наследия. Такое понимание нематериального культурного наследия, на наш взгляд, объясняется тем, что статус культурного наследия, в отличие от нематериального культурного наследия, юридически закреплен в России: Конвенция ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия» (1972) ратифицирована в России, принят отдельный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры)» (№73-ФЗ от 25.06.2002).

Пожалуй, наиболее масштабное исследование собственно нематериального культурного наследия выполнено культурологом Л.А. Климовым. Благодаря системному анализу данного феномена исследователь определяет его место в системе культуры, считая, что наследие обладает процессуальной составляющей, характеризующейся рефлексивностью и дискурсивностью. Функционирование такого наследия, по его мнению, возможно в специальных искусственно созданных зонах, являющихся формами реализации музейности: например, в музейных экспозициях и музейной педагогике. Музейно-педагогический аспект Л.А.Климов связывает с тем, что нематериальное культурное наследие, будучи отражением языковой картины мира, позволяет создать модель сохранения и презентации неродных языков, подразумевающую их изучение и преподавание. Следовательно, методологической основой сохранения и презентации нематериального культурного наследия в музее помимо общепедагогических методов является лингводидактика [18].

Российские специалисты уделяют значительное внимание вопросам нематериального культурного наследия в деятельности музея. Активно развиваются исследования и появляются новые практические решения в области музеефикации. Ранее под понятием «музеефикация» подразумевались лишь материальные объекты. Для такой музеефикации характерен следующий сценарий: выявление, изучение, консервация, реставрация, музейная интерпретация, реконструкция, ревитализация и дальнейшее использование в качестве объекта музейного показа. Перечисленные методы могут использоваться в комплексе либо автономно друг от друга. Выбор метода зависит от вида наследия и области знания (архитектура, искусство, архео-

логия и др.), к которой относятся объекты. Нами был предложено понятие «музеефикация нематериального культурного наследия», под которым подразумевается преобразование компонентов нематериального наследия, утративших механизмы естественной трансляции, в объекты музейного показа с целью их максимального сохранения и актуализации [4, с. 75]. М.Е. Каулен предлагает классификацию форм музеефикации культурного наследия. Ведущее место в ней отводится как реконструкции – созданию моделей (имитаций) утраченных элементов нематериального наследия с целью получения информации об их функционировании, так и ревитализации – «оживлению» объекта нематериального наследия. Уникальность данного метода заключается в восстановлении способности объектов нематериального наследия к функционированию и самовоспроизведению в условиях, когда они оказываются включены в состав «живого музея». В роли носителей традиции могут выступать сотрудники музея, члены музейных клубов и кружков, посетители [19].

Осмысливая взаимообусловленность материального и нематериального в составе нематериального культурного наследия, мы дополнили эту классификацию следующими направлениями: музеефикация объектов недвижимого материального наследия, связанных с нематериальным культурным наследием (писаницы, погребальные комплексы, менгиры и проч); музеефикация объектов движимого материального наследия, относящихся к нематериальному культурному наследию (например, предметов обрядовой сферы, праздников, артефактов, связанных с формами выражения знаний и навыков, материалов о технологиях ремесел и промыслов, зафиксированных на аудио-, видео-, цифровых носителях, и др.)

Рассмотренные подходы к музеефикации нематериального культурного наследия могут развиваться автономно или в комплексе, в зависимости от экспозиционных целей. Их эффективность при работе с нематериальным культурным наследием в музее определяется степенью сохранности элементов жизнедеятельности этноса.

Интерес представляет разработка А.С. Максимова, которая, рассматривая формы и следствия музеефикации малого города, выделяет четыре типа музеефицируемых сущностей в аспекте темпоральности: *история, архитектура, народное творчество/ремесла, сказка/миф*. Она отмечает, что эти типы по-разному соотносятся с временными координатами и с реальным/воображаемым; по-разному связаны и с такими измерениями, как аутентичность, материальность и партиципаторность. Ее типологию целиком можно применить к нематериальному культурному наследию в качестве контекста к материальному наследию. Автор в процессе исследования сталкивается с явлением «изобретения традиции». Это связано с экономической ситуацией, например «не сезона» в туристическом месте и попыткой таким образом получить компенсацию [20, с. 18].

О.А. Ботяковой разработаны классификации музейно-педагогических форм, применимых к музеефика-

ции элементов нематериального культурного наследия. В предельно общем виде формы музейно-педагогической деятельности могут быть включены в два класса: элементарных и комплексных форм; они относятся либо к образовательной, либо к рекреационной функциям. В каждом из классов присутствуют свои формы. При этом такие формы, как праздник и фестиваль, рассматриваются в качестве наиболее комплексных и приоритетных для трансляции нематериального культурного наследия [21, с. 104].

П.В. Глушковой рассмотрена проблема взаимосвязи типологической принадлежности музея под открытым небом и его деятельности по актуализации объектов нематериального культурного наследия. Наибольшими возможностями в плане актуализации объектов нематериального наследия, по ее мнению, обладают музеи, в которых историко-культурная среда сохраняется в развитии, а наименьшим – ансамблевые музеи, где недвижимые объекты историко-культурной среды сохраняются обособленно от историко-культурной среды. Наиболее предпочтительными в плане актуализации нематериального культурного наследия автором признаются экомuzeи и «живые музеи» [22].

Проблемой сохранения культурного наследия в контексте культурного ландшафта интересуются сотрудники Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева: материальное, нематериальное, природное наследие осмысливаются как единый комплекс определенной территории [24]². Заметим, что для исполнительских форм нематериального культурного наследия Е.Д. Андреевой введено понятие «звуковой ландшафт».

Актуализации и музеефикации обрядовой кухни на примере деятельности музеев Кемеровской области посвящено исследование Т.И. Кимеевой и П.В. Глушковой: ими обобщен опыт реконструкции и презентации ритуальных блюд в рамках музейных мероприятий, раскрыты способы актуализации традиционной обрядовой кухни [23].

Таким образом, в российском научном дискурсе нематериальное культурное наследие, во-первых, в теоретическом аспекте рассматривается как часть культурного наследия (и соответственно культуры); во-вторых, в практике сохранения нематериального культурного наследия ведущее место отводится его музеефикации. Следует также отметить, что как за рубежом, так и в России исследователи важное место отводят культурному ландшафту в качестве комплексной формы сохранения нематериального культурного наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курьянова Т.С. Музей и нематериальное культурное наследие // Вестник Том. гос. ун-та. 2012. № 361. С. 55–57.
2. Amareswar G. The First Voice in Heritage Conservation // International Journal of Intangible Heritage. 2008. Vol.3. P. 10–25.

² Андреева Е.Д. К проблеме звукового ландшафта в антропологическом кино. Российский фестиваль антропологических фильмов. URL: http://rfaf.ru/rus/library/24_b327_view_p1 (дата обращения: 2.04.2019).

3. Курьянова Т.С. Актуализация культурного наследия коренных народов в музеях Южной Сибири. Томск. 2015, 256 с.
4. Куршленблатт-Гимблет Б. Нематериальное наследие как метакультурный продукт // Музей. 2013. С. 13–17.
5. Alivizatos M. Contextualising Intangible Cultural Heritage in Heritage Studies and Museology // International Journal of Intangible Heritage. 2008. Vol.03. P. 44–54.
6. Kreps C. Indigenous Curation as Intangible Heritage: Thoughts on the Relevance of the 2003 UNESCO Convention // Theorizing Cultural Heritage. 2005. N 1 (2). P. 3–8.
7. Смит Л. «Зеркало наследия»: нарциссическая иллюзия или множество отражений? // Вопросы музеологии. 2013. N2 (8). С. 27–44.
8. Ананьев В.Г. Теоретическое осмысление наследия в современной зарубежной историографии: «Авторизованный дискурс наследия» Лораджин Смит // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2014. N 3. С. 232–239.
9. Solanilla L. The Internet as a Tool for Communicating Life Stories: New Challenge for 'Memory Institutions' // International Journal of Intangible Heritage. 2008. Vol.3. P. 104–116.
10. Байер-де Хаан Р. Несколько замечаний по поводу нематериального наследия // Музей. 2013. С. 18–19.
11. Kurin R. Museum and intangible heritage: Culture dead or alive? // ICOM News. 2004. N 4. P. 7–9.
12. Boylan P. The Intangible Heritage: A Challenge for Museums and Museum Professional Training // International Journal of Intangible Heritage. 2006. N 1. P. 54–65.
13. Introduction.: L. Smith & N. Akagawa (eds) Intangible Heritage/ (Eds. Smith, L. & Akagawa, London; New York: Routledge, 2009. P. 1–9.
14. Nwabueze Caroline Joelle. The Role of Intellectual Property in Safeguarding Intangible Cultural Heritage in Museums // International Journal of Intangible Heritage. 2013. Vol. 8. P. 182–190.
15. Kaufman Ned. Putting Intangible Heritage in its Place(s): Proposals for Policy and Practice // International Journal of Intangible Heritage. 2013. Vol.08. P. 20–36.
16. Bhattacharya A. Heritage and Creative Enterprise // International Journal of Intangible Heritage. 2013. Vol.08. P. 100–104.
17. Heekyung Choi, Sumi Nam. Why Local Governments Matter in Implementing the UNESCO 2003 Convention: The Case for ICCN // International Journal of Intangible Heritage. 2015. Vol.10. P. 146–156.
18. Климов Л.А. Музей в сохранении и презентации нематериального культурного наследия: автореф. канд. дис. СПб., 2012. 25 с.
19. Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012. С. 106–108.
20. Максимова А.С. Формы и следствия музеефикации малого города: кейс Мышкина и Каргополя // Лабиринт: журн. соц.-гум. исследований. 2014. № 5. С. 15–24.
21. Ботьякова О. А. Музей этнографического профиля в контексте образования и культуры России: дис. ...канд. культурологии. СПб., 2007. 240 с.
22. Глушкова П.В. Классификация музеев под открытым небом в аспекте актуализации нематериального культурного наследия // Вестник Кем. гос. ун-та. 2015. № 1-1 (61). С. 59–63.
23. Кимеева Т.И., Глушкова П.В. Актуализация традиционной обрядовой кухни в деятельности музеев Кемеровской области // Вестник Кем. гос. ун-та культуры и искусств. 2014. № 28 С. 49–55.
24. Шульгин П.М. Разработка региональных программ сохранения и использования наследия в деятельности института // Наследие и современность: информ. сб. М., 2007. Вып. 14. С. 101–138.
2. Amareswar G. The First Voice in heritage conservation. *International Journal of Intangible Heritage*, 2008, vol. 3, pp. 10 – 25.
3. Kur 'yanova T. S. Actualization of the cultural heritage of indigenous peoples in museums of South Siberia. Tomsk, 2015, 256 p. (In Russ.)
4. Kirschenblatt-Gimblet B. Intangible heritage as a metacultural product. *Muzei*, 2013, no. 7, pp. 13 – 17. (In Russ.)
5. Alivizatos M. Contextualising intangible cultural heritage in heritage studies and museology. *International Journal of Intangible Heritage*, 2008, vol. 3, pp. 44 -54.
6. Kreps C. Indigenous curation as intangible heritage: thoughts on the relevance of the 2003 UNESCO Convention. *Theorizing Cultural Heritage*, 2005, vol. 1, no. 2, pp. 3 – 8.
7. Smith L. "The mirror of heritage": Narcissistic illusion or many reflections? *Voprosy muzeologii*, 2013, no. 2, pp. 27 – 44. (In Russ.)
8. Ananiev V. G. Theoretical understanding of heritage in modern foreign historiography: "Authorized discourse of heritage" by Loragin Smith. *Uchyonye zapiski Kazanskogo univrsiteta. Seriya. Gumanitarnye nauki*, 2014, no. 3, pp. 232–239. (In Russ.)
9. Solanilla L. The internet as a tool for communicating life stories: new challenge for 'memory institutions'. *International Journal of Intangible Heritage*, 2008, vol. 3, pp. 104 – 116.
10. Bayer-de Haan R. A few comments on the intangible heritage. *Muzei*, 2013, , no. 7, pp. 18–19. (In Russ.)
11. Kurin R. Museum and intangible heritage: culture dead or alive? *ICOM news*, 2004, no. 4, pp. 7 – 9.
12. Boylan P. The intangible heritage: a challenge for museums and museum professional training. *International Journal of Intangible Heritage*, 2006, vol. 1, pp. 54 – 65.
13. Smith L., Akagawa N. Introduction. *Intangible heritage*. London, New York, 2009, pp. 1 – 9.
14. Nwabueze C. J. The role of intellectual property in safeguarding intangible cultural heritage in museums. *International Journal of Intangible Heritage*, 2013, vol. 8, pp. 182 – 190.
15. Kaufman N. Putting intangible heritage in its place(s): proposals for policy and practice. *International Journal of Intangible Heritage*, 2013, vol. 8, pp. 20 – 36.
16. Bhattacharya A. Heritage and creative enterprise. *International Journal of Intangible Heritage*, 2013, vol. 8, pp. 100 – 104.
17. Heekyung Ch., Sumi N. Why local governments matter in implementing the UNESCO 2003 Convention: the case for ICCN. *International Journal of Intangible Heritage*, 2015, vol. 10, pp. 146 – 156.
18. Klimov L. A. Museum in the preservation and presentation of intangible cultural heritage: diss. abstr. Saint Petersburg, 2012, 25 p. (In Russ.)
19. Kaulen M. E. Museumification of historical and cultural heritage of Russia. Moscow, 2012, 432 p. (In Russ.)
20. Maksimova A. S. Forms and consequences of museification in a town: the case of Myshkin and Kargopol. *Labirint: zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*, 2014, no. 5, pp. 15 – 24. (In Russ.)
21. Botyakova O. A. Museum of ethnographic profile in the context of education and culture of Russia: diss. Saint Petersburg, 2007, 240 p. (In Russ.)
22. Glushkova P. V. Classification of open-air museums in the aspect of updating intangible cultural heritage. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 1-1, pp. 59 – 63. (In Russ.)
23. Kimeeva T. I., Glushkova P. V. Actualization of traditional ceremonial cuisine in museums' activities in Kemerovo region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2014, no. 28, pp. 49 – 55. (In Russ.)
24. Shul'gin P. M. Development of regional programs to conserve and use heritage in the institute's activities. *Nasledie i sovremennost'*, 2007, iss. 14, pp. 101 – 138. (In Russ.)

REFERENCES

1. Kur 'yanova T.S. Museum and intangible cultural heritage. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 361, pp. 55 – 57. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 25.09.2019

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI: 10.15372/HSS20190410

УДК 94(470+571)“1887/1917”+314.18

В.А. ЗВЕРЕВ

ТRENДЫ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ЗА ТРИДЦАТЬ ЛЕТ (1887–1917)

Новосибирский государственный педагогический университет,
РФ, 630126, г. Новосибирск, ул. Виллойская, 28
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье характеризуется историческая динамика смертности населения России, одного из важнейших демографических процессов за тридцатилетний период. Исчисленные автором ежегодные общие коэффициенты смертности в Западной и Восточной Сибири за 1887–1914 гг., на Дальнем Востоке за 1894–1914 гг. сопоставлены с показателями Европейской России. Учтены имеющиеся немногие данные за 1915–1917 гг. Доказано, что генеральным трендом демографической динамики в изучаемое время на востоке России являлось сокращение уровня смертности населения, что особенно ярко было выражено в городах. Поэтому можно утверждать, что на рубеже XIX и XX вв. не только в центре страны, но и на ее восточных окраинах разворачивалась начальная фаза демографического перехода, характеризовавшаяся опережающим снижением показателей смертности при более стабильном уровне рождаемости.

Ключевые слова: Дальний Восток России, Восточная Сибирь, Западная Сибирь, компаративный анализ, историческая динамика, демографические тренды, естественное движение населения, смертность населения, начало демографического перехода.

V.A. ZVEREV

TRENDS IN MORTALITY IN THE RUSSIAN EMPIRE EASTERN REGIONS OVER THIRTY YEARS (1887–1917)

Novosibirsk State Pedagogical University (NSPU),
28, Vilyuyskaya str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russia

The article shows the historical mortality rate – an important population processes – in East Russia at the end of the Imperial period. The annual overall mortality rates, calculated by the author, in West and East Siberia over the period 1887–1914, in the Far East for 1894–1914, as well as in some cities of these regions for 1902–1914, are summarized in time series and presented in tabular and graphs form. The author shows mortality indicators in the country's Trans-Ural suburbs against one another and the European Russia in year-to-year and phased 4–5-year dynamics. The paper reveals prevailing trends of changes with particular attention to the urban population which determined the demographic prospects during the period of the

---

Владимир Александрович Зверев – д-р ист. наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет; главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: sosna232@yandex.ru

Vladimir A. Zverev – Doctor of Historical Sciences, professor, Novosibirsk State Pedagogical University; Chief Researcher, Institute of History, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences.

country's emerging urbanization. The few available data for 1915–1917 are included. The analysis of time series proves the correctness of views made earlier by the author of this article and supported by historians V.A. Skubnevsky and Yu. M. Goncharov, that a general population trend was declining overall mortality during the studied period both in East Russia and in the country's center. It was particularly marked in cities, but was "camouflaged" by explosion of mortality rates in West Siberia taking place at the stages of increased agricultural immigration from European Russia. Perhaps, the mortality downward trend continued even at the early stages of the First World War. This is more evident in rural areas, but in large cities the mortality rate declined for two years after an extraordinary jump in 1915. Therefore, one can argue that the initial phase of the demographic transition was unfolding at the turn of the XIX and XX centuries, which was characterized by an advanced decrease in overall mortality rates with more stable birth rate not only in the center of the Russian Empire, but in its eastern regions as well.

Key words: Far East Russia, East Siberia, West Siberia, comparative analysis, historical dynamics, demographic trends, population natural movement, mortality, demographic transition start.

В новой и новейшей истории нашей страны было несколько периодов, когда происходили позитивные сдвиги в борьбе с избыточной, несвоевременной и неоправданной смертностью, или моральностью населения, которая господствовала веками. Возможно, первый такой период – время на рубеже XIX–XX вв., когда в результате усилий государственной власти и общества в Российской империи наметились начальные успехи, хотя и очень скромные. Историками установлено, что с 1880-х до 1900-х гг. летальность младенцев в возрасте до года сократилась с 268 до 250 на 1000 новорожденных, ожидаемая продолжительность жизни новорожденных возросла от 30 до 33,5 года [1, с. 622]. С 1880-х до 1910-х гг. доля детей, доживавших до среднего возраста родительства, увеличилась с 48 до 62 % (подсчитано по: [2, с. 676]). В период между 1884–1886 гг. и 1910–1914 гг. среднегодовое количество умерших на каждую тысячу россиян уменьшилось с 32,6 до 25,3 чел. [3, с. 119]. Такие изменения наряду с осторожными новациями в демографических структурах населения в области брачности, рождаемости, демографического поведения дают основание ведущим специалистам считать, что именно в конце XIX – начале XX в. Россия вслед за большинством европейских стран включилась в процесс демографической модернизации (демографического перехода). Уже в досоветский период были сделаны первые, еще робкие шаги на пути замены отживавшего свой век традиционного – затратного, малоэффективного типа воспроизводства населения современным – более гуманным и эффективным (см., напр.: [1, с. 621–625; 2, с. 674–676; 4, с. 62–64]). Мы полагаем, что на рубеже XIX–XX вв. симптомы улучшения ситуации со смертностью в той или иной степени наметились не только в центре страны, но и на ее окраинах (по крайней мере, некоторых). Вдохновляясь этой гипотезой, в настоящей статье автор раскрывает количественные параметры смертности населения восточных регионов России конца имперского периода в их сравнении с Европейской Россией, анализируя их в исторической погодовой и поэтапной динамике, выявляет господствовавшие в 1880–1910-х гг. тренды происходивших изменений. Особое внимание обращается на городское население, которое определяло демографические перспективы в период наметившейся урбанизации страны.

Необходимость специальной разработки заявленной темы определяется тем фактом, что высказан-

ное ранее автором настоящей статьи и поддержанное историками В.А. Скубневским и Ю.М. Гончаровым положение о наличии в конце XIX – начале XX в. признаков сокращения смертности населения в восточных регионах России, и в селениях, и в городах (см., напр.: [5, с. 132–136; 6, с. 64–66; 7, с. 81–82]), пока не нашло полной поддержки в научном сообществе. Сомнения историков зиждутся на их представлениях: а) о плохом состоянии учета естественного движения населения и, в частности, смертности на восточных окраинах России, что якобы не позволяет достоверно судить о динамике показателей воспроизводства населения; б) о неудовлетворительном состоянии в зауральской глуши системы здравоохранения и санитарно-гигиенической культуры населения, блокировавшем сокращение заболеваемости и смертности; в) о сохранении вплоть до революционных событий 1917 г. и позже высоких показателей смертности, их сильных колебаниях не только вниз, но и вверх при погодовом и поэтапном рассмотрении (см., напр.: [8, с. 208–212; 9, с. 31–34; 10, с. 96–97]). Впрочем, все специалисты признают, что на рубеже XIX–XX вв. в зауральских регионах Российской империи формировалась сеть медицинских и образовательных учреждений, происходили некоторые положительные сдвиги в медицинском обслуживании, санитарной культуре и витальном поведении людей, в первую очередь горожан. Это не могло не создавать предпосылок для снижения уровня смертности населения. Но имело ли место таковое снижение как реально господствовавшая тенденция? Можно ли говорить о том, что на рубеже столетий не только в центре, но и на восточных окраинах России формировалась начальная фаза демографического перехода, характеризующаяся опережающим снижением показателей смертности при относительно стабильном уровне рождаемости [11, с. 241]?

В поисках источников информации, необходимой для ответа на эти вопросы, мы обратились прежде всего к данным об общей численности населения и количестве умерших во всех российских губерниях и областях, ежегодно получаемым от региональных статистических органов, уточнявшимся и публиковавшимся центральным врачебным ведомством Российской империи – медицинским департаментом Министерства внутренних дел (в 1904 г. департамент преобразован в Управление главного врачебного ин-

спектора). Публикация этим ведомством статистики, собранной на восточных окраинах страны, означала, что имперские специалисты признали ее в достаточной степени надежной. Авторитетный советский демограф Р.И. Сифман охотно обращалась к ней при изучении региональной специфики воспроизводства населения в царской России. «Что же касается достоверности учета общего числа родившихся и умерших, то по большинству сибирских губерний [на рубеже XIX–XX вв.] оно вызывает не большие сомнения, чем по ряду губерний Европейской России», – считала Р.И. Сифман и приводила доказательства того, что «регистрация естественного движения населения Сибири достигла к началу XX в. уже довольно большой полноты» [12, с. 71–72]. Под Сибирью понималась в данном случае практически вся территория на востоке страны от Урала до Тихого океана.

В настоящей статье эта территория разделена на несколько историко-географических регионов, каждый из них объединяет ряд существовавших в изучаемый период административных образований. Западная Сибирь рассматривается в границах Акмолинской области, Тобольской и Томской губерний. Восточная Сибирь охватывает Забайкальскую область, Иркутскую и Енисейскую губернии. Выделен также Дальний Восток, в конце XIX в. включавший Амурскую, Приморскую, Якутскую области и о. Сахалин. Начиная с 1909 г. в Дальневосточном регионе мы учитываем Камчатскую область, выделенную из Приморья, и Сахалинскую область, учрежденную в северной части острова, оставшейся в составе России после Русско-японской войны.

При сравнительной характеристике динамики смертности населения в зауральских регионах в качестве своеобразного эталона мы привлекаем Европейскую Россию, являвшуюся демографическим центром страны и лучше исследованную в историко-демографическом плане. В трудах Б.Н. Миронова (см., напр.: [1, с. 595–625]), А.Г. Вишневого и его коллег (см., напр.: [4, с. 257–396]) и других ученых демографическая ситуация в Европейской России имперского периода, в том числе уровень смертности населения здесь, фактически трактуется как общероссийская ситуация. Однако в реальности демография восточных окраин имела свою специфику, и мы это покажем далее на примере динамики смертности населения.

Настоящая статья охватывает период 1887–1917 гг., достаточно длительный, чтобы могли отчетливо проявиться себя тренды динамики естественного движения населения, в том числе изменений уровня смертности. По большей части этого периода имеются необходимые для демографических расчетов ежегодные статистические данные по всем губерниям и областям. Они отсутствуют только применительно к Дальнему Востоку для 1887–1893 гг., когда сведения об естественном движении местного населения не принимались в расчет медицинским департаментом МВД. Кроме того, за 1896–1901 гг. есть только сводные данные, не дифференцированные по горо-

дам и селениям. И, конечно, налицо большие проблемы у всех регионов России с данными о смертности в 1915–1917 гг., когда их систематический сбор и публикация были фактически свернуты в связи с напряженной политической обстановкой.

Начиная исследование, мы сгруппировали губернские и областные данные центрального медицинского ведомства за 1887–1914 гг. по интересующим нас регионам, затем по каждому из них высчитали общие коэффициенты смертности – количество умерших, приходившихся на тысячу жителей¹. Принималась во внимание среднегодовая численность населения, определявшаяся путем суммирования количества жителей в начале и конце года с последующим делением полученного результата пополам. Общие коэффициенты смертности за каждый год, которые обозначаются демографами с помощью символа ‰ (промилле, «на тысячу»), сведены в табл. 1. Вычисление именно общих коэффициентов, а не каких-то иных показателей смертности в данном случае объясняется следующим обстоятельством. Согласно схеме развития демографического перехода в разных регионах мира, используемой в демографических прогнозах ООН, устойчивое снижение именно общих коэффициентов смертности, которое опережает сокращение общих коэффициентов рождаемости, является главным признаком начальной фазы демографического перехода [11, с. 241; 13, с. 116]. Выяснив, имело ли место такое сокращение на рубеже XIX–XX вв. на восточных окраинах страны, можно определенно судить о времени начала здесь демографического перехода.

Первое, что обнаруживается при анализе данных табл. 1, – очень высокий уровень смертности населе-

¹ Показатели, помещенные во всех таблицах, рисунках, а также в тексте настоящей статьи, если их происхождение не оговорено особо, исчислены по источникам: Отчет Медицинского департамента за 1886 г. СПб., 1888. С. 8–14; Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1887 г. СПб., 1889. С. 9, 19, 22; Отчет Медицинского департамента... за 1888 г. СПб., 1891. С. 18–19, 94, 102–110; Отчет Медицинского департамента... за 1889 г. СПб., 1891. С. 134, 146–158; Отчет Медицинского департамента... за 1890 г. СПб., 1893. С. 106–109, 118–133; Отчет Медицинского департамента... за 1891 г. СПб., 1894. С. 106–109, 118–133; Отчет Медицинского департамента... за 1892 г. СПб., 1896. С. 106–109, 118–133; Отчет Медицинского департамента... за 1893–1895 гг. СПб., 1898. Ч. 1. С. 192–211, 258–277; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1896–1901 гг. СПб., 1905. С. 74, 80, 104 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1902 г. СПб., 1904. С. 28–29, 54–55 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1903 г. СПб., 1905. С. 28–29, 54–55 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1904 г. СПб., 1906. С. 28–29, 54–55 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1905 г. СПб., 1907. С. 28–29, 54–55 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1906 г. СПб., 1908. С. 30–31, 58–59 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1907 г.: таблицы. СПб., 1909. С. 35, 67; Отчет о состоянии... за 1908 г.: таблицы. СПб., 1910. С. 35, 67; Отчет о состоянии... за 1909 г. СПб., 1911. С. 34–35, 66–67 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1910 г. СПб., 1912. С. 34–35, 66–67 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1911 г. СПб., 1913. Ч. 2. С. 66–67, 98–99; Отчет о состоянии... за 1912 г. Пг., 1914. Ч. 2. С. 66–67, 98–99; Отчет о состоянии... за 1913 г. Пг., 1915. С. 66–67, 98–99 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1914 г. Пг., 1916. С. 34–35, 66–67 (3-я паг.).

Т а б л и ц а 1

Ежегодная смертность населения в центре и восточных регионах Российской империи, ‰

Год	Европейская Россия	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Дальний Восток
1887	32	32,6	42*	...
1888	31,6	35,5	38,3*	...
1889	33,7	32,6	32,7	...
1890	34,5	32,2	32,1	...
1891	33,4	33	31,3	...
1892	38,4	49,4	31,3	...
1893	32,2	31,3	32,2	...
1894	32,5	34	34,1	20,7
1895	32,7	34,4	34,9	23,9
1896	31,6	34,4	35,2	24,5**
1897	30,5	28,5	32,9	21,2
1898	31,2	30,5	32,6	19,3
1899	29,2	32,2	32,6	23,9
1900	29,2	37,3	33,8	25,3
1901	30,3	30,1	31,2	24,7
1902	29,9	32,6	30,1	22
1903	28,6	26,6	31,1	24,3
1904	28,6	35,2	31,4	20,4
1905	30,5	30	33	23,5
1906	28,8	34,3	28,5	23,8
1907	27,4	34,1	30,5	24
1908	27,2	34,7	33,7	23,9
1909	28,4	36,7	32,7	21,1
1910	29,8	34	32,3	22,5
1911	26	32,3	28,1	23,1
1912	25,1	32,3	29,2	22,2
1913	24,9	33,3	29,3	17,4
1914	22,5	31,7	29,1	20,2

*По данным Иркутской и Енисейской губерний, где проживало около 60 % населения региона.

**По данным Якутской и Амурской областей, где проживало 66 % населения региона.

ния и в демографическом центре, и во всех регионах на востоке страны, который держался в течение всего изучаемого периода. Такие показатели смертности определялись в первую очередь огромными масштабами смертности младенцев и младших детей. На востоке России в начале XX в. около половины всех умерших не доживало после своего рождения до одного года, шесть-семь человек из каждого десятка умерших были детьми в возрасте до 5 лет [5, с. 132–134]. Это яркая черта традиционного – аграрного, крестьянского, экстенсивного, затратного, неэффективного по своей сути – типа воспроизводства населения, который тогда доминировал в России. В среднем за 28 лет наибольший коэффициент смертности высчитывается для Восточной Сибири (32,5 ‰), в Западной Сибири он был немного ниже (32,3 ‰), но ежегодные показатели на сибирском западе только дважды опустились ниже 30 ‰. На Дальнем Востоке в 1894–1914 гг. среднегодовой коэффициент смертности составил 22,5 ‰. Это был

единственный регион на востоке страны, смертность в котором была ниже, чем в Европейской России, где средний показатель за 1887–1914 гг. составлял 30 ‰. Пониженная смертность на Дальнем Востоке объясняется особенностями фронтального региона с высокой долей городского и военизированного, в том числе казачьего, населения. По данным 1911 г., горожане составляли здесь 25,5 % жителей, что на 12 % больше, чем в Восточной Сибири, и на 17 % больше, чем в Западной. Города и казачьи станицы обладали лучшей, чем крестьянские местности, постановкой медицинского и школьного дела, имели среди жителей повышенную долю лиц среднего возраста, относительно слабо подверженных смертности.

Рассматривая данные табл. 1, нетрудно увидеть колебания годовых показателей смертности (например, их рост в годы политических потрясений, уменьшение при сокращении масштабов иммиграции в тот или иной регион), но практически невозможно уловить

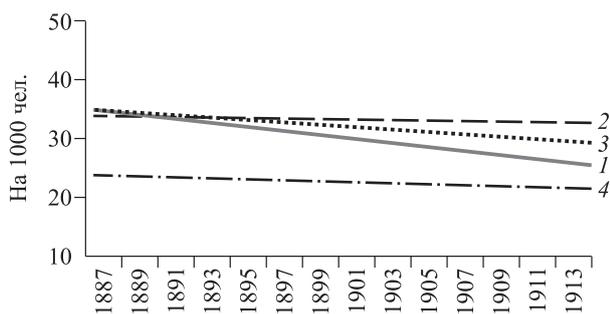

Рис. 1. Тренды динамики смертности населения в центре и восточных регионах Российской империи.

1 – Европейская Россия; 2 – Западная Сибирь; 3 – Восточная Сибирь; 4 – Дальний Восток

в происходивших изменениях господствующую тенденцию, а ведь именно это необходимо сделать для решения поставленных в статье задач. Положение можно исправить, построив на основе табличных данных график, показывающий экспоненциальные тренды той динамики, которая наблюдалась во всех выделенных нами регионах (рис. 1).

График весьма наглядно свидетельствует, что во всех восточных регионах России, как и в Европейской России, в 1887–1914 гг. происходило сокращение общих коэффициентов смертности населения. В центре страны этот процесс происходил наиболее быстрыми темпами. На азиатских территориях наиболее впечатляющая понижающая динамика была характерна для Восточной Сибири: линия тренда, стартовав на уровне 35 ‰, «пробила» к концу периода 30 ‰-ный барьер. На Дальнем Востоке сокращение смертности также хорошо выражено. В Западной Сибири, наиболее многолюдном и плотно заселенном зауральском регионе страны, линия тренда фиксирует менее заметное снижение смертности, чем на соседних восточных территориях, и этот факт требует объяснения.

Объяснение мы находим в специфике структуры народонаселения Западной Сибири, сложившейся в конце XIX – начале XX в. Здесь большую долю составляли новоселы, прибывшие в зауральский регион из Европейской России совсем недавно. Преимущественно аграрное по своему характеру переселенческое движение на восточные окраины России, в основном в Западную Сибирь, стало нарастать с середины 1880-х гг., достигнув своего первого пика в 1890-х гг. [13]. В 1901–1905 гг. оно пережило многократный спад, вызванный неурожаями, обострением общественно-политической обстановки в стране, административными препонами, а в годы Столыпинской аграрной реформы снова бурно развивалось, достигнув в 1906–1909 гг. наивысших для имперского периода масштабов. Количество новоселов в Западной Сибири волнообразно увеличивалось. По данным 1914 г., около трети жителей региона составляли люди, переселившиеся сюда из Европейской России совсем недавно, после 1896 г. (подсчитано по: [14, с. 33, 67]).

Среда сибирских новоселов обладала яркими демографическими особенностями, в том числе непомерно высоким уровнем смертности, что объяснялось бедностью большинства семей мигрантов, наличием большого количества детей, легко подверженных заболеваемости, неблагоприятными условиями для переселения, трудностями обустройства в суровых сибирских условиях. Разумеется, вместе с ростом доли новоселов в населении усиливалось их влияние на общую демографическую обстановку в регионе, в частности, выражавшееся в повышении региональных показателей смертности. В Западной Сибири периоды усиленного переселенческого движения характеризуются всплесками смертности, которые сменялись спадами в те годы, когда миграционный приток ослабевал.

Продemonстрируем эту закономерность данными о динамике смертности сельского населения в Томской губернии, роль которой в приеме аграрных мигрантов в изучаемый период была беспрецедентной: здесь осела примерно половина всех участников переселенческого движения на восточные окраины страны. Чтобы раскрыть хронологические изменения показателей смертности населения в общем виде, нивелируя экстраординарные реалии конкретного года, сгруппируем данные в 4–5-летние этапы и представим их на графике (рис. 2). Показатели за 1887–1890, 1891–1895, 1902–1905, 1906–1909 и 1910–1914 гг. здесь вычислены как средние арифметические всех годовых показателей на каждом этапе. К сожалению, период с 1896 по 1901 г. «выпадает» из графика, поскольку использованные нами источники не дают сведений о смертности сельского населения в эти годы.

Прежде чем обратиться к Томской губернии, посмотрим, как на рис. 2 выглядит динамика смертности сельского населения Иркутской губернии, в которой новоселов было немного: в 1896–1913 гг. сюда прибыло всего 3,2 % крестьян, переселившихся на восток страны [15, с. 12]. Влияние мигрантов на демографию этого субрегиона не просматривается: смертность в селениях последовательно понижается от одного 4–5-летнего этапа к другому. Примерно так же выглядела ситуация в большинстве других губерний и об-

Рис. 2. Динамика смертности сельского населения Томской и Иркутской губерний по периодам

ластей на восточных окраинах России, что сказывалось и на отмеченной выше понижающей динамике смертности.

Другое дело – Томская губерния. На рис. 2 показано, что в здешних селениях дважды в течение изучаемого периода сильно поднимался уровень смертности населения – в 1890-е и в 1906–1909 гг., как раз в моменты усиления массового переселенческого движения. Всплески смертности сменялись ее временным понижением в условиях уменьшения масштабов иммиграции в начале XX в. и накануне Первой мировой войны. Однако в целом в сельской местности Томской губернии со временем смертность населения повышалась, и это можно объяснить только усилившейся концентрацией новоселов и ростом их влияния на демографическую специфику субрегиона. Анализ имеющихся в нашем распоряжении статистических данных показывает, что в сельской местности Акмолинской области (она тоже приняла довольно много аграрных мигрантов) в изучаемый период наблюдалась динамика смертности, похожая в некоторой степени на ту, что развивалась в селениях Томской губернии. Этот факт и обусловил зафиксированные на рис. 1 низкие темпы снижения смертности населения в целом по Западной Сибири. Однако указанное снижение все же происходило. У мигрантов, обустроившихся на новых местах, через несколько лет после переселения сокращалась заболеваемость и смертность. Однако, как мы увидим ниже, решающую роль в уменьшении показателей смертности в Западной Сибири, как и повсеместно в России, играло активное снижение смертности городского населения.

Динамику смертности городского населения на восточных окраинах России в 1902–1914 гг. рассмотрим по данным табл. 2. Обращает на себя внимание очень высокое значение общих коэффициентов смертности в городах: средний показатель по Западной Си-

бири составлял 37,4 %, по Восточной – 34,4, на Дальнем Востоке – 24,5 %. Эти значения выше показателей смертности во всем населении соответствующих регионов. Значит, на протяжении основной части изучаемого периода смертность в городах была выше, чем в сельских поселениях. Причины этому можно видеть прежде всего в неблагоприятных социальных, экономических, экологических и бытовых условиях жизни большинства горожан, их нездоровом образе жизни. Дальневосточный регион был единственным на востоке страны, где городское население имело более низкий уровень смертности, чем в Европейской России, где он составлял 27,7 %.

Вследствие постоянных колебаний погодных показателей табл. 2 не позволяет увидеть генеральные направления тех изменений, которые происходили в начале XX в. в уровне смертности городского населения в регионах. Поэтому построим график с нанесенными на него линиями экспоненциальных трендов (рис. 3). Этот график красноречиво и бесспорно свидетельствует о том, что в изучаемый период в городах всех восточных регионов страны происходило довольно быстрое, более интенсивное, чем во всем их населении, сокращение смертности жителей. В Западной и особенно в Восточной Сибири этот процесс шел даже быстрее, чем в Европейской России. На Дальнем Востоке он развивался медленнее, но там и без того показатели были самыми низкими.

Итак, уровень смертности населения городов Российской империи накануне Первой мировой войны достиг своего исторического минимума. Наши расчеты показывают, что на Дальнем Востоке в начале XX в. смертность городского и сельского населения держалась на близком уровне. В Восточной и Западной Сибири в 1910–1914 гг. впервые коэффициенты смертности горожан стали ниже, чем у сельчан. В Европейской же России это произошло раньше. По край-

Т а б л и ц а 2

Ежегодная смертность городского населения в центре и восточных регионах Российской империи в 1902–1914 гг., %

Год	Европейская Россия	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Дальний Восток
1902	25,8	36,6	32,6	25,4
1903	25,9	28,3	33,7	20,2
1904	26,7	37,6	32,4	20,7
1905	27,6	30,8	40,5	23,4
1906	26,6	43	37,2	28,5
1907	27,5	45,8	36	26,1
1908	26,9	34,1	33,4	22,6
1909	27,9	38,4	32,3	18,5
1910	26,7	41,4	29,4	19,8
1911	24,2	31,9	29,5	21,7
1912	23,7	26,7	26,7	26,8
1913	22,1	28,1	23,7	18,6
1914	20,7	26	25,3	21,1

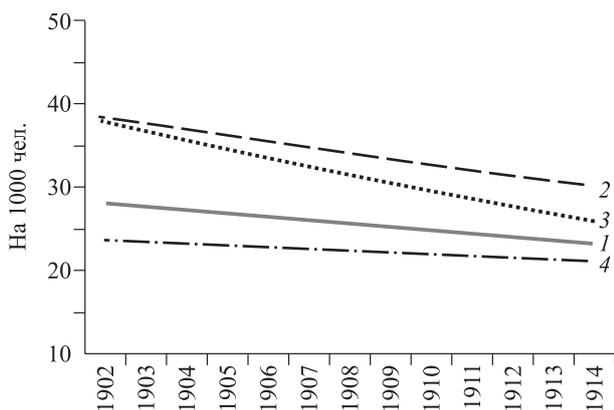

Рис. 3. Тренды динамики смертности городского населения в центре и восточных регионах Российской империи

1 – Европейская Россия; 2 – Западная Сибирь; 3 – Восточная Сибирь; 4 – Дальний Восток

ней мере, более низкая смертность в городах здесь стабильно удерживалась в начале XX в. Разумеется, и к востоку, и к западу от Урала такой расклад стал следствием опережающего развития системы медицинского обслуживания и санитарно-гигиенического просвещения жителей городов.

В период Первой мировой войны смертность на восточных окраинах России, как и во всей стране, определяло противоборство двух противоположно направленных факторов. С одной стороны, война привела к резкому ухудшению экономических, социокультурных и психологических условий жизни населения, что неизбежно предопределяло рост его заболеваемости и смертности. Вместе с тем, призыв в войска большей части молодых и зрелых мужчин, интенсификация трудовых процессов в тыловых районах приводили к уменьшению рождаемости и, значит, к сокращению младенческой и детской смертности (не родившись, дети не могли и умереть). Поскольку именно младенческая и детская смертность определяла в имперский период общий уровень смертности, ее сокращение понижающим образом воздействовало на этот общий уровень.

В годы Первой мировой войны учет демографических событий в России велся неудовлетворительно, что не позволяет исследователям в полной мере выяснить общие результаты противоборства двух указанных тенденций, составив полноценные динамические ряды погодных показателей и определив на их основе генеральные тренды динамики смертности населения в центре страны и на ее окраинах. В нашем распоряжении имеются только данные за некоторые годы по отдельным городам и сельским местностям, исчисленные по разным методикам. При изучении материалов, относящихся к Западной Сибири, где проживало две трети населения всех восточных регионов, складывается впечатление, что в сельской местности и в малых городах в годы войны по сравнению с довоенным временем смертность существенно снизилась, и это могло предопределить ее сокраще-

ние в целом по губерниям и областям. Так, в 1915 г. в селениях Акмолинской области смертность составила 17,1 ‰². В 1917 г. в деревнях Томской губернии (без Алтая) соответствующий показатель равнялся 16,7 ‰³, в целом же по губернии – 26 ‰ [16, с. 100–110], что было ниже предвоенного уровня на несколько пунктов.

В крупных городах, где размещались в скученном состоянии мобилизованные воины, были сосредоточены эвакогоспитали, лагеря военнопленных и пункты приема беженцев, здоровье которых подвергалось усиленной опасности, смертность в начале войны заметно увеличилась, но потом вплоть до 1919 г. возобновился процесс ее снижения, характерный для довоенного периода. В 1915 г. в Тобольске умерло 49,2 чел. на каждую тысячу жителей⁴, в Томске – 46,1 [17, с. 115]. В 1916 г. в Омске общий коэффициент смертности составлял 31 ‰ [18, с. 6]. В Новониколаевске смертность в 1915 г. была на уровне 37,5 ‰, в 1916 г. она снизилась до 30,7, а в 1917 г. – даже до 23,2 ‰, что на 10 пунктов оказалось ниже среднего показателя за 1910–1914 гг.⁵

Итак, в последнее тридцатилетие перед революционными событиями 1917 г. в восточных регионах Российской империи, как и в Европейской России, один из генеральных трендов демографической динамики отражал сокращение уровня смертности населения, что особенно ярко было выражено в городах. Такая тенденция, возможно, продолжала «работать» даже на начальном этапе Первой мировой войны. В сельской местности это было более очевидно, но и в больших городах после экстраординарного всплеска, произошедшего в 1915 г., уровень смертности населения в течение двух последующих лет снижался. Поэтому с полным основанием можно утверждать, что на рубеже XIX и XX вв. не только в центре страны, но и на ее восточных окраинах разворачивалась начальная фаза демографического перехода. Получено новое подтверждение того факта, что «Сибирь не была регионом “третьего эшелона” в переходе от традиционного к современному типу воспроизводства населения» [19, с. 9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. 896 с.
2. Российская Федерация // Демографическая энциклопедия. М.: Энцикл., 2013. С. 672–720.
3. Зверев В.А. «Родится на смерть, умрет на живот»: естественное движение населения Сибири за 30 лет (1884–1914) // Современ-

² Подсчитано по: Обзор Акмолинской обл. за 1915 г. Омск, 1917. С. 8–9.

³ Подсчитано по: Сборник статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губ. за 1917, 1920, 1923, 1924 и 1925 гг. Томск, 1928. С. 185–186.

⁴ Подсчитано по: Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 2131. Л. 1–22.

⁵ Подсчитано по: Весь Новониколаевск: адресно-справочная книга с краткой историей и планом города, 1924–1925 гг. Новониколаевск, 1925. Отд. 1. С. 32.

ное историческое сибиреведение XVII – начала XX в. Барнаул: Азбука, 2008. Вып. 2. С. 107–124.

4. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое изд-во, 2006. 608 с.

5. Зверев В.А. Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографического перехода в России // «Сибирь – мой край...»: проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. С. 130–153.

6. Зверев В.А. Воспроизводство населения в Азиатской России: историческая динамика конца XIX – начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 4. С. 63–68.

7. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул: ИП «Колмогоров И.А.», 2014. 252 с.

8. Свищёв П.А. Народонаселение Зауралья конца XIX – начала XX в. // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Курган: КГУ: Обл. о-во краеведов, 1997. Вып. 20. С. 193–219.

9. Сагайдачный А.Н. Демографические процессы в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2000. 38 с.

10. Исупов В.А. К вопросу о начальном этапе демографического перехода в России // Сибиряки: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве. Новосибирск: НГПУ, 2009. С. 96–104.

11. Демографический переход // Демографическая энциклопедия. М.: Энцикл., 2013. С. 241–242.

12. Сифман Р.И. Динамика численности населения в России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М.: Статистика, 1977. С. 62–82.

13. Иванов С.Ф. Демографический переход // Демографический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1985. С. 115–117.

14. Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.) / отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2017. 350 с.

15. Горюшкин Л.М. Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск: Ин-т истории, филол. и филос. СО АН СССР, 1989. 52 с.

16. Мерхалёв Д.И. Рождаемость за время войны и революции в Сибири // Сборник Сибирского статистического управления. Новониколаевск: Сиб. стат. упр., 1922. Т. 2. С. 94–111.

17. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX в.: управление, экономика, население. Томск: ТГУ, 2000. 284 с.

18. Клячкин В.Е. Естественное движение населения г. Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1923–1926 гг. Омск: Сиб-крайздрав. Окр. здравотдел, 1928. 50 с.

19. Миронов Б.Н. Сибиреведение сегодня // Сибиряки: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве. Новосибирск: НГПУ, 2009. С. 5–13.

2. Russian Federation. *Demograficheskaya entsiklopediya*. Moscow, 2013, pp. 672–720. (In Russ.)

3. Zverev V. A. “Born to death, die for life”: the natural movement of population in Siberia over 30 years (1884–1914). *Sovremennoe istoricheskoe sibirvedenie XVII – nachala XX v.* Barnaul, 2008, pp. 107–124. (In Russ.)

4. Vishnevskiy A. G. (ed.) Demographic modernization of Russia, 1900–2000. Moscow, 2006. 608 p. (In Russ.)

5. Zverev V. A. Reproduction of Siberian population at the initial stage of the demographic transition in Russia. «Sibir' – moy kray...»: *problemy regional'noy istorii i istoricheskogo obrazovaniya*. Novosibirsk, 1999, pp. 130–153. (In Russ.)

6. Zverev V. A. Reproduction of population in Asiatic Russia: historical dynamics of the late XIX – early XX centuries. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2017, no. 4, pp. 63–68. (In Russ.)

7. Skubnevskiy V. A., Goncharov Yu. M. West Siberian cities in the second-half XIX – early XX centuries. Population. Economy. Building and improvement. Barnaul, 2014, 252 p. (In Russ.)

8. Svishchyov P. A. Trans-Ural population of the late XIX – early XX centuries. *Zemlya Kurganskaya: proshloe i nastoyashchee*. Kurgan, 1997, vol. 20, pp. 193–219. (In Russ.)

9. Sagaidachnyy A. N. Demographic processes in West Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries: diss. abstr. Novosibirsk, 2000, 38 p. (In Russ.)

10. Isupov V. A. On the problem of the demographic transition's initial stage in Russia. *Sibiryaki: regional'noe soobshchestvo v istoricheskoy i obrazovatel'nom prostranstve*. Novosibirsk, 2009, pp. 96–104. (In Russ.)

11. Demographic transition. *Demograficheskaya entsiklopediya*. Moscow, 2013, pp. 241–242. (In Russ.)

12. Sifman R. I. Population dynamics in Russia in 1897–1914. *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR*. Moscow, 1977, pp. 62–82. (In Russ.)

13. Ivanov S. F. Demographic transition. *Demograficheskij entsiklopedicheskiy slovar'*. Moscow, 1985, pp. 115–117. (In Russ.)

14. Isupov V. A. (ed.) The demographic history of West Siberia (the late XIX – XX centuries). Novosibirsk, 2017, 350 p. (In Russ.)

15. Goryushkin L. M. Migration movement and population of Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries. Novosibirsk, 1989, 52 p. (In Russ.)

16. Merkhalyov D. I. The birth rate during the war and the revolution in Siberia. *Sbornik Sibirskogo statisticheskogo upravleniya*. Novonikolaevsk, 1922, vol. 2, pp. 94–111. (In Russ.)

17. Dmitrienko N. M. Siberian city Tomsk in the XIX – first third XX centuries: governance, economy, population. Tomsk, 2000, 284 p. (In Russ.)

18. Klyachkin V. E. The natural movement of population in Omsk according to parallel data for 1913, 1916, 1923–1926. Omsk, 1928, 50 p. (In Russ.)

19. Mironov B. N. The study of Siberia today. *Sibiryaki: regional'noe soobshchestvo v istoricheskoy i obrazovatel'nom prostranstve*. Novosibirsk, 2009, pp. 5–13. (In Russ.)

REFERENCES

1. Mironov B. N. The Russian Empire: from tradition to modernity. Vol. 1. Saint Petersburg, 2014, 896 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 27.06.2019

DOI: 10.15372/HSS20190411
УДК 94(470+571)“1880/1940”+614.39

М.А. СЕМЕНОВ

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ И РАЗВИТИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В СИБИРИ В КОНЦЕ XIX в. – 1940 г.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.

В статье предпринята попытка осветить основные тенденции развития системы здравоохранения в Сибири и ее влияния на здоровье сибиряков. Указанный период можно характеризовать как время становления системы здравоохранения в Сибири. На основе анализа динамики медицинской сети, кадровой обеспеченности, финансирования органов здравоохранения рассматриваются направления и темпы развития здравоохранения, исследуется его влияние на заболеваемость и смертность населения Сибири.

Показано, что с конца XIX в. по 1940 г. здоровье населения зависело в основном от экзогенных причин, между тем сопротивление им со стороны системы здравоохранения все более усиливалось. К 1940 г. сибирское здравоохранение стало серьезным фактором, оказывающим влияние на здоровье жителей.

Ключевые слова: здравоохранение, здоровье, медицина, Сибирь, заболеваемость, смертность.

M. A. SEMENOV

POPULATION HEALTH AND HEALTH DEVELOPMENT IN SIBERIA IN THE LATE XIX CENTURY – 1940

Institute of History SB RAS,
Nikolaev str., 8, Novosibirsk, Russian Federation, 630090.

The article attempts to highlight the main trends of health care development in Siberia and its impact on Siberians' health. This period is characterized as the time of forming the health care system in Siberia. Based on the analysis of progressing medical network, staffing, financing health care, the author concludes on the insufficiency of health care development rate during the Imperial period. The emerging Siberian medicine's success was quickly dashed under the Civil war conditions. After the Civil war, the state resumed active measures to develop medical care for population. However, the Siberians' health of that period was far from ideal. Infectious morbidity was high, it firmly occupied the first place in the structure of death causes. In the early 1930s, famine struck Siberia. Peasants exhausted by malnutrition left for cities massively. Such a sharp increase of urban population was not provided with the adequate level of social sphere development. All three factors necessary for the successful development of epidemics coincided in these circumstances: presence of a susceptible and malnourished population, active migration flows, lack of sanitation. The epidemics growth in such an environment was inevitable. As a result, epidemics became the main cause of supermortality in the early 1930s. The need to overcome this severe infectious situation, the country's economy growth led to the active health care system's development in Siberia. Widening the medical activity affected the population health. In the second half of the 1930s, almost all infectious diseases had a clear declining dynamics. By 1940, Siberian health care had become a serious factor influencing the residents' health.

Key words: health care, health, medicine, Siberia, morbidity, mortality.

Известно, что здоровье как интегральная величина отражает процесс развития общества. Одной из характеристик его развития является эффективность деятельности специальных служб, призванных следить за сохранением здоровья населения, т.е. системы здравоохранения. В настоящей статье предпринята попытка осветить ос-

новные тенденции развития системы здравоохранения Сибири, ее влияния на здоровье сибиряков. Указанный период можно характеризовать как время становления современной системы здравоохранения в Сибири.

Вплоть до второй половины XIX в. говорить о сколько-нибудь заметном влиянии здравоохранения

Михаил Александрович Семенов – канд. ист. наук, младший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, pihterek@yandex.ru
Mikhail A. Semenov – Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher, Institute of History SB RAS.

Т а б л и ц а 1

Государственные расходы на здравоохранение в Западной Сибири, руб., [1, с. 347]

Год	Тобольская	Томская	Акмолинская область*	Всего
1890	152 914	153 315	21 582	327 811
1900	295 301	295 301	76 553	667 155
1905	399 420	353 179	99 143	851 742
1910	625 383	1 192 383	270 687	2 088 453
1914	613 688	1 899 892	583 482	3 097 062

* Включала в себя часть территории современной Омской области.

Т а б л и ц а 2

Количество медицинских служащих в Западной Сибири (Тобольская, Томская губернии и Акмолинская область) [1, с. 347]

Год	Гражданские врачи	Фельдшеры	Повивальные бабки – акушерки	Средний медицинский персонал
1879	47	57	28	85
1885	63	133	155	288
1890	104	246	158	404
1895	138	324	229	553
1900	195	256	134	390
1905	242	427	175	602
1910	389	586	181	767
1914	431	655	178	833

на здоровье сибиряков вряд ли приходится. Первые подвижки в развитие медицинского обслуживания населения начались в конце XIX в. Об этом, в частности, свидетельствует увеличение финансовых затрат государства на здравоохранение. Так, по данным, приведенным С.Е. Глушковым, государственные расходы на здравоохранение Западной Сибири выросли с 1890 по 1914 г. почти в 10 раз (табл. 1).

Вместе с тем средства, отпускаемые государством, несмотря на их значительный рост, составляли менее половины от бюджета сибирского здравоохранения. Так, в 1914 г. по всей Сибири бюджет здравоохранения составлял 8 859 800 руб., из них 3 981 898 руб., или 44,9 % были казенные; 1 680 816 руб. (19 %) – земского сбора; 1 681 200 руб. (19 %), собранных государственными управами; 754 239 руб. (8,5 %) – частных лиц и обществ; 761 617 руб. (8,6 %) из прочих источников, в том числе за счет платных услуг¹.

Как видим, почти 40 % бюджета обеспечивалось городскими и земскими органами самоуправления за счет местного налогообложения – земского или больничного сбора. Об их величине можно судить, например, по следующему факту: в 1915 г. на 1 руб. оброчной подати приходилось 2 р. 69 к. земского обложения, из которого 1 р. 56 к. тратилось на финансирование медицины. Рост финансирования благоприятно повлиял на развитие сибирского здравоохранения: количество

врачей и средних медицинских работников постоянно увеличивалось (табл. 2).

Однако рост численности медицинского персонала во многом был лимитирован существующей сетью медицинских учебных заведений. Единственным за Уралом высшим учебным заведением, занимавшимся подготовкой врачебных кадров, был открытый в 1888 г. Томский университет. В 1893 г. состоялся первый выпуск врачей в количестве 31 чел. Всего в 1893 – 1916 гг. Томским университетом было подготовлено 1389 врачей. Обучением средних медицинских кадров занимались различные повивальные и фельдшерские школы. В 1914 г. в Западной Сибири их было три – в Томске, Тобольске и Омске. Их вклад в подготовку кадров для сферы здравоохранения являлся невысоким. В 1911 г. Томскую акушерско-фельдшерскую школу окончило всего 13 чел.

Здравоохранение императорской России представляло собой сложный конгломерат учреждений, принадлежавших различным ведомствам, органам местного самоуправления, частным лицам и благотворительным организациям. Такая раздробленность затрудняла управление медицинской сферой, реализацию здесь крупных проектов.

Представление о ведомственной принадлежности учреждений здравоохранения позволяют получить данные по городскому здравоохранению Томской губернии (табл. 3)

Более половины медицинской сети не занималось обслуживанием собственно сибирского населения, в ос-

¹ ГАНО Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.

Т а б л и ц а 3

Ведомственная принадлежность медицинских учреждений в Томской губернии*

Показатель	Органы городского самоуправления	Приказ общественно-го призрения	Тюремные	Военное ведомство	Всего
Число больниц	3	2	3	5	13
Коек в больницах	110	70	230	132	542

*Составлено по: ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.

Т а б л и ц а 4

Смертность населения в губерниях Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. [1, с. 348].

Годы	Тобольская	Томская
1891 – 1895	42,9	35,9
1896 – 1900	41,1	29,7
1901 – 1905	38,9	28,7
1906 – 1910	40,7	34,5
1910 – 1914	35,6	32,5

новном сибирское здравоохранение носило выраженную военно-тюремную направленность². По количеству коек больницы тюремного ведомства превосходили больницы для свободных граждан. При этом казенные больницы Приказа общественного призрения занимались обслуживанием и сельского населения.

В сельской местности положение с медицинскими учреждениями было весьма сложным. По подсчетам А.И. Татарниковой, в 1903–1904 гг. на территории Тобольской и Томской губерний насчитывалось всего 83 сельских населенных пункта, в которых имелись врачебные учреждения. Между тем общее количество поселений было более чем в 100 раз больше [2, с. 138]. Больницы зачастую размещались в плохо приспособленных зданиях, требовали ремонта. В Томской губернии в 1913 г. из 49 сельских участков лечебниц 23 не имели собственных зданий и располагались в крестьянских избах, арендованных или выделенных крестьянским обществом [2, с. 138].

Санитарно-эпидемиологическая сеть также находилась в зачаточном состоянии. В 1911 г. во всей Сибири имелось лишь 6 санитарных врачей и 2 санитарно-бактериологические лаборатории. Единственным массовым видом прививок были прививки от оспы, проводившиеся лишь при наличии вспышек болезни. Так, в 1911 г. было привито всего 97 257 чел³. Кроме того, в Томске и Владивостоке в ограниченных масштабах делали прививки от бешенства.

Сеть роддомов была слабой: в 1911 г. в Томской губернии насчитывалось 57 родильных коек, из которых 53 помещалось в Томске. Всего за год помощь была оказана 2128 роженицам⁴. Единственный в Восточной Сибири родильный дом на 10 коек открылся

в 1911 г. в Красноярске [3, с. 320]. Подавляющая часть населения рожала без какой-либо медицинской помощи, либо использовалась помощь знахарей, повитух.

Из детских учреждений можно отметить единственные на всю Сибирь детские ясли, открытые в Томске в 1903 г. по инициативе профессора Тимашева.

В условиях слабой доступности медицинской помощи здоровье населения неоднократно подвергалось губительному воздействию эпидемических болезней (экзогенных факторов).

Так, в 1913 г. в Томской губернии заболеваемость населения составляла (число случаев на 10 тыс. чел):

Брюшной тиф	24,2
Оспа натуральная	7,1
Дифтерия	15,6
Корь	23,4
Скарлатина	25,7

В условиях высокой заболеваемости и летальности от эпидемических болезней, отсутствия медицинского обслуживания матери и ребенка (вследствие чего младенческая смертность была чрезвычайно велика) оставались высокими и показатели общей смертности населения (табл. 4).

Таким образом, в имперский период, безусловно, происходило развитие сибирского здравоохранения, но явно в недостаточных размерах. Если экстраполировать имеющиеся за 1879 – 1914 гг. абсолютные значения роста в будущее, то показатели сетевого и кадрового обеспечения, имевшиеся в сибирской медицине в конце 1940-х годов, во время решающей фазы эпидемиологического перехода, здравоохранение Сибири могло бы достигнуть лишь многие десятилетия спустя. Для перелома в деле сохранения здоровья сибирского населения требовалось радикальное ускорение развития данной сферы.

² ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.³ Там же. Л. 1 об.⁴ Там же.

Т а б л и ц а 5

**Структура смертности населения Сибирского края по причинам смертности,
% к общему числу умерших [6, с. 127]**

Заболевания	1926 г.	1928 г.	1929 г.
Эпидемические инфекционные болезни	25,5	25,2	25,4
Болезни органов дыхания	16,6	16,1	17,4
Болезни органов пищеварения	16,9	16,0	16,2
Болезни органов кровообращения	5,9	8,3	8,2
Болезни нервной системы и органов чувств	5,4	7,0	6,5
Рак и прочие злокачественные новообразования, острые отравления алкоголем, прочие общие болезни	2,8	5,6	5,0
Самоубийство и смерть от внешних причин	3,8	5,2	5,2
Не определенные, не указанные и прочие причины смерти	23,1	16,6	16,1
В с е г о	100,0	100,0	100,0

Годы Гражданской войны стали временем суровых испытаний. В условиях военных действий, дезорганизации управления медициной, усилившихся миграционных потоков, резкого роста населения крупных городов Сибири, переполненных солдатами, беженцами, военнопленными, едва наметившиеся успехи сибирской медицины оказались быстро перечеркнутыми. В этот период распространение инфекций, прежде всего тифозных, угрожало выживанию всего общества.

Так, заведующий губздравотделом Новониколаевского (Томского) губревкома Мильштейн в своем отчете председателю Сибревкома описывал ситуацию в Новониколаевске следующим образом: «Все госпитали переполнены ... О лечении говорить не приходится, лишь бы изолировать больное население от здорового в отдельные помещения ...Валяющиеся повсюду в городе трупы собираются, свозятся за город, складываются в штабеля по 500 штук и закапываются в братскую могилу... Конечно, никаких списков умерших не ведется и даже учет их лишь приблизителен ... Медицинский персонал на 75% уже болен... Смертность среди больного медицинского персонала значительно выше общей вследствие истощения и переутомления в работе» (цит. по: [4, с. 38]). В целом Л.А. Тарасевич «определял общее количество заболевших сыпным тифом в России в 25 млн человек» (цит. по: [5, с. 66]). Помимо тифа годы Гражданской войны стали временем активного распространения и других эпидемий: холеры, оспы, дифтерии и др.

После окончания Гражданской войны возобновились мероприятия государства по развитию медицинской помощи населению. За 1924–1928 гг. бюджет здравоохранения Сибирского края увеличился более чем в 2,5 раза⁵. В конце 1929 г. в Сибирском крае насчитывалось 1304 врача, 2717 средних медицинских работников, из которых около половины трудились в сельской местности. Только в городах развернулись 134 больницы⁶. Столь

быстрый рост во многом стал возможен благодаря активному развитию учебных заведений, готовивших врачей и средний медицинский персонал.

Несмотря на активное развитие системы здравоохранения, здоровье сибиряков в данный период было далеко не «сибирским». Большую роль в этом играли остаточные явления периода революции и Гражданской войны. Так, согласно медицинскому освидетельствованию юношей-призывников в 1927 г., полностью негодными к военной службе были признаны почти 18 % призывников, еще около 16 % получили отсрочку от службы по болезни и физическому недоразвитию. В 1928 г. соответствующие контингенты составили 14 и 11%, а в 1929 г. – 13 и 10% [6, с. 116].

Медицинская комиссия, освидетельствовавшая в 1925 г. учащихся фабрично-заводских школ Сибирского края, установила, что свыше 39 % из них страдают малокровием, почти 33 % – легочными болезнями, 10 % – неврастенией, 3 % – болезнями желудка. При этом 50 % подростков моложе 18 лет курили, а 9,5 % употребляли алкогольные напитки [6, с. 116].

Продолжала оставаться высокой и инфекционная заболеваемость, прочно занимавшая первое место в структуре причин смертности (табл. 5)

Инфекционные болезни в первую очередь поражали детское население. В 1926 г. среди умерших от кори в Сибирском крае на долю детей моложе 10 лет приходилось почти 99 %, от коклюша – 98, от скарлатины – 94, от дизентерии – 92, от воспаления легких – 81% [6, с. 121 – 122].

Болезни эндогенного характера, вызываемые старением человеческого организма, вполне естественно поражали в основном старшие возраста. Среди сибиряков, умерших от болезней сердца, 30 % были в возрасте от 40 до 59 лет, еще 40 % – 60 лет и старше. Среди граждан, умерших от рака и прочих злокачественных новообразований, эти возрастные группы составляли соответственно 44 и 38 % [6, с. 122].

В то же время наметилась и положительная тенденция. Развитие здравоохранения, последовательная реализация советской властью принципов обще-

⁵ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 1. Л. 64.

⁶ Сибирский край: стат. сб. С. 766-777.

Заболееваемость в Сибири в 1914 – 1926 гг. (число случаев на 10 тыс. чел.)*

Заболевание	1914 г.	1926 г.	1926 г., % к 1914 г.
Брюшной тиф	21,9	13,2	60,3
Сыпной тиф	5,0	2,9	58,0
Возвратный тиф	1,2	1,3	108,3
Малярия	86,1	239,1	277,7
Оспа	6,0	1,7	28,3
Корь	15,1	28,2	186,6
Скарлатина	22,7	22,5	99,1
Дифтерия	15,7	4,5	28,7
Дизентерия	18,7	31,6	169,0

*Составлено по: ГАНУ. Ф. Р-47. ОП. 5. Д. 1. Л. 65.

доступности и бесплатности медицинской помощи привели к тому, что инфекционная заболеваемость по многим болезням была ниже, чем в императорский период.

При этом несомненный вклад в рост показателей заболеваемости (особенно малярией и дизентерией) вносило улучшение работы санитарной статистики. Помимо заболеваемости сокращалась и смертность от ряда инфекционных заболеваний. Так, в 1925 – 1927 гг. в Сибирском крае не умерло ни одного человека от чумы или холеры, бывшей в имперский период настоящим бедствием населения.

В 1930-е гг., в период резкого модернизационного рывка, государство не жалело никаких ресурсов. Одним из таких ресурсов было здоровье сибирского населения. В начале 1930-х гг. на Сибирь обрушивается голод. Единого мнения о его характере и масштабах у исследователей по-прежнему нет ([4, 7, 8]). Тем не менее крайне тяжелое положение сибирского крестьянства, наличие голода в отдельных местностях признается всеми историками.

Истощенные недоеданием крестьяне в массовом порядке начинают перемещаться в город, в первую очередь на стройки пятилеток. Городское население увеличивается с 12 % населения в 1926 г. до 28 % в 1937 г. Причем отдельные города, где развертывалось наиболее крупное промышленное строительство, выросли по количеству жителей в 6 (Кемерово), 10 (Прокопьевск) и 45 (Сталинск) раз. Столь резкий прирост городского населения обеспечивался лишь в малой степени развитием социальной сферы, области здравоохранения. Представление о качестве жизни новых горожан великолепно передает неофициальный гимн индустриализации «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое» В.В. Маяковского.

В этих условиях совпали все три необходимых для благополучного развития эпидемий фактора: наличие восприимчивого и ослабленного недоеданием населения, активные миграционные потоки, недостаточность санитарного обслуживания. Рост эпидемий в такой обстановке был неминуем.

Заболееваемость населения Западно-Сибирского края [4, с. 262] инфекционными болезнями в 1933 г. составляла (абс. данные):

Сыпной тиф	86 429
Брюшной тиф	19 313
Возвратный тиф и неопределенный	1 964
Оспа натуральная	1 137
Малярия	191 123

Для сравнения в 1928 г. во всем Сибирском крае было 11 719 случаев брюшного тифа, 804 – сыпного, 222 – возвратного, 643 – оспы [6, с. 115].

Следствие роста инфекционных заболеваний и голода уровень смертности в 1933 г. оказался в 1,5 раза выше уровня 1928 г.

Необходимость преодоления тяжелого инфекционного положения, рост возможностей экономики страны привели к активному развитию системы здравоохранения в Сибири. В Новосибирской области за 1932 – 1937 гг. число поликлиник удвоилось, количество коек в городских больницах выросло в 1,7 раза, на селе в 2,3 раза. В Омской области за 1933 – 1936 гг. количество специализированных амбулаторий и поликлиник увеличилось в 1,7 раза, больниц в 1,9, а коек в них – в 1,5 раза [8, с. 132].

Продолжалось развитие системы здравоохранения и в годы третьей пятилетки. За 1937 – 1940 гг. сеть медицинских учреждений в Западной Сибири выросла более чем на треть, численность врачей – на три четверти, среднего медицинского персонала – почти в 3 раза. В Иркутской области количество больничных коек увеличилось на 1,5 тыс. шт. [9, с. 48]. Всего в 1939г. медицинских работников в сельской местности по Сибири было около 20 тыс. [10, с. 65].

Бурное развитие переживала в этот период и сеть санитарно-противоэпидемических учреждений. Если в 1938 г. по территории Новосибирской области насчитывалось всего 3 санэпидстанции и ни одного противозидемического отряда, то в 1939 г. было уже 5 санэпидстанций и 4 противозидемических отряда,

Т а б л и ц а 7

Заболееваемость острозаразными болезнями в Новосибирской области в 1937–1940 гг. (количество случаев)*.

Заболееваемость	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.
Брюшной тиф	3018	1765	2222	2056
Сыпной тиф	3631	2432	1139	956
Корь	22307	17999	18962	25981
Скарлатина	10269	8940	7216	4909
Дифтерия	1821	2345	4120	3923
Малярия	90440	61748	47487	31300
Грипп	61733	144961	137365	223648
Дизентерия и гемоколит	6026	8056	11257	5170

* Составлено по: ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 44. Л. 16.; Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 612. Л. 57об.–58.

Т а б л и ц а 9

Медицинская сеть Западной Сибири в 1940 г.

Регион	Амбулаторно-поликлинических учреждений	Врачебно-стационарных коек	Врачебно-стационарных коек на 1 000 чел. населения *
Алтайский край	316	5 990	2,5
Омская область	275	6 278	2,6
Новосибирская область	447	14 417	3,5
И т о г о по Западной Сибири	1038	26 685	3,0

* Численность населения при расчете взята по материалам переписи 1939 г.

* Составлено по: [7, с. 25; 11, с. 134], ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 168. Л. 16-16 об., 18 об., 20.; ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 164. Л. 2-4 об.

а в 1940 г. – 13 санэпидстанций и 73 противоэпидемических отряда⁷.

Таким образом, сеть медицинских учреждений в 1937–1940 гг. активно развивалась, особенно санитарно-противоэпидемических учреждений, пунктов фельдшерско-акушерской помощи, а также врачебно-стационарных учреждений. Опережающими темпами развивалась медицинская сеть в сельской местности. Не будет преувеличением сказать, что именно в конце 1930-х гг. сельское население впервые в истории в массовом порядке и на постоянной основе получило возможность пользоваться профессиональной медицинской помощью по месту жительства.

Значительных успехов здравоохранение достигло в распространении лечебно-профилактической помощи. С ростом числа посещений в поликлиниках и числа обращений в больницы все большее значение приобретал вопрос не просто оказания медицинской помощи, но организации и усиления специализированных ее видов. Конечно же у здравоохранения этого времени имелись и серьезные проблемы: нехватка приспособленных зданий для медицинских учреждений, недостаток медицинского оборудования, недостаточный опыт медицинского персонала.

⁷ ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 33. Л. 9.; Д. 92. Л. 25-26 об.; Д. 168. Л. 25-26 об.

Совершенствование медицинской деятельности отражалось на показателях здоровья населения. Практически исчезли такие болезни, как оспа и возвратный тиф. Улучшилась ситуация с заболеваемостью населения острозаразными заболеваниями, что относительно полно фиксировала статистика тех лет (табл. 7).

Из табл. 7 видно, что, за исключением гриппа (его рост был связан прежде всего с ростом точности статистики, отчасти это верно и для дизентерии) и кори, борьба с которой в то время была крайне неэффективной, все заболевания отличаются четкой ниспадающей динамикой. В предвоенные годы оказание медицинской помощи населению выходит на качественно новый уровень.

Медицинская сеть Западной Сибири к 1940 г. по-прежнему отставала от среднесоюзных показателей, что вызывалось изначальной ее слабостью и бурным ростом населения Западной Сибири в данный период (с 6 633,4 тыс. чел. в 1923 г. до 8 927,3 тыс. чел. в 1939 г.) [7, с. 23,26]. Вместе с тем отставание в развитии медицинской сети перестало быть столь драматичным, как до революции, а медицинская сеть Новосибирской области (в границах 1941 г.), где проживала половина населения Западной Сибири, приблизилась к среднесоюзному уровню. Стоит сравнить сибирские показатели с уровнем развития медицинской сети в ряде республик СССР: так, на Украине на 1 000 чел. населения приходилось 3,77 койки; в Бело-

руссии – 3,26; в Литве – 3,0 ; в Армении – 3,0; в Грузии – 3,6 [12, с. 273].

Таким образом, период с конца XIX в. по 1940 г. можно охарактеризовать как время зависимости здоровья населения от экзогенных причин и все более нарастающего сопротивления им со стороны системы здравоохранения. К 1940 г. сибирское здравоохранение стало серьезным фактором, оказывавшим влияние на здоровье жителей. Но решающая победа над экзогенной смертностью случится несколько позднее, во время Великой Отечественной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глушков С.Е. Преобразование системы здравоохранения и снижение смертности населения в Западной Сибири конца XIX – начала XX веков // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6(31). С. 346 – 349.
2. Татарникова А.И. Сельское здравоохранение и сеть медицинских учреждений в Западной Сибири под воздействием модернизационных процессов (конец XIX – первая четверть XX веков) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. С. 137 – 140.
3. Афанасова Е.Н. Становление системы акушерско-гинекологической помощи в первой половине 1920-х гг. (по материалам Восточной Сибири) // Вестник Иркут. гос. тех. ун-та. 2015. № 5(100). С. 319 – 324.
4. Познанский В.С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30 годы XX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 307 с.
5. Прохоров Б.Б. Здоровье населения России в XX веке. М.: Изд-во МНЭПУ, 2001. 276 с.
6. Исупов В.А. Смертность и продолжительность жизни населения Сибирского края (1925–1930 гг): неудавшаяся попытка модернизации // Проблемы исторической демографии Сибири. Новосибирск: Параллель, 2010. Вып. 1. С. 106 – 131.
7. Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 171 с.
8. Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.). Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2017. 350 с.
9. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. Т. 5: Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. 470 с.
10. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. 398 с.
11. Гаврилов Н.С. Алтай в Великой Отечественной войне. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1990. 247 с.
12. Большая Советская энциклопедия. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1977. Т. 24, кн. 2 : СССР. Здравоохранение. 576 с.

REFERENCES

1. Glushkov S.E. Transformation of the health system and reducing mortality of the population in Western Siberia late XIX – early XX centuries. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. 2011, no. 6(31), pp. 346 – 349 (In Russ.).
2. Tatarnikova A.I. Rural health care and a network of medical institutions in Western Siberia under the influence of modernization processes (late XIX – first quarter of XX centuries). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2015, no. 22, pp. 137 – 140.
3. Afanasova E.N. Formation of the system of obstetric and gynecological care in the first half of the 1920s (based on the materials of Eastern Siberia). *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2015, no. 5(100), pp. 319 – 324.
4. Poznanский V.S. Social cataclysms in Siberia: famine and epidemics in 1920s–1930s. Novosibirsk: Izdatelstvo SO RAN, 2007, 307 p.
5. Prokhorov B.B. Health of the population of Russia in the XX century. Moscow: Izdatelstvo MNEPU, 2001, 276 p.
6. Isupov V.A. Mortality and life expectancy of the population of the Siberian region (1925–1930): failed attempt of modernization. *Problemy istoricheskoy demografii Sibiri*. Novosibirsk: Parallel, 2010, issue 1, 296 p, pp. 106 – 131.
7. Population of Western Siberia in the XX century. Novosibirsk: Izdatelstvo SO RAN, 1997, 171 p.
8. Demographic history of Western Siberia late XIX century–XX century. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN, 2017, 350 p.
9. The history of Siberia from ancient times to the present day: in 5 vols. L.: Nauka Leningradskoe otdelenie, 1969, Vol. 5: Siberia in the period of completion of socialism and transition to communism, 470 p.
10. The peasantry of Siberia in the period of consolidation and development of socialism. Novosibirsk : Nauka : Sibirskoe otdelenie, 1985, 398 p.
11. Gavrilov N.S. Altai in the Great Patriotic war. Barnaul: Alt. kn. izd-vo, 1990, 247 p.
12. The Great Soviet encyclopedia. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1977. vol. 24. bk. 2 : USSR. Health development, 576 p.

Статья принята редакцией 19.09.2019

DOI: 10.15372/HSS20190412
УДК 94(571.1/.5)''1925/1929''+314.116.1

В.А. ИСУПОВ

РЕДКОЕ ЯВЛЕНИЕ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СИБИРИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8;
Новосибирский государственный университет,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1,

В статье анализируется малоизученный феномен демографического взрыва. В литературе он трактуется как увеличение темпов роста населения на основе повышенной рождаемости и понижающейся смертности. Демографический взрыв увязывается с процессом демографического перехода и территориально локализуется в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Хронологически он причисляется ко второй половине XX в. В статье выдвигается гипотеза, что впервые в демографической истории демографический взрыв произошел в 1920-е гг. в Сибири. Обусловлен он был процессами демографического перехода и выразился в заметном сокращении показателей смертности. Вместе с тем, ожидаемого в ходе демографического взрыва понижения рождаемости не произошло. Напротив, для Сибири 1920-х гг. было характерно повышение показателей рождаемости. Причины этого явления подробно анализируются автором. На основе увеличения естественного прироста резко повысились темпы роста численности населения, что и вызвало демографический взрыв. В статье рассматриваются причины и последствия демографического взрыва, выявлена его кратковременность и вскрыты факторы, приведшие к быстрому его завершению.

Ключевые слова: демографический взрыв, демографическая история, население, рождаемость, смертность, социальное развитие, здравоохранение.

V.A. ISUPOV

RARE PHENOMEN IN SIBERIAN DEMOGRAPHIC HISTORY: POPULATION EXPLOSION IN THE SECOND HALF IN THE 1920S

Institute of History SB RAS,
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia
Novosibirsk State University,
1 Pirogov str., Novosibirsk, 630090, Russia

In modern scientific literature, the population explosion is interpreted as a sharp increase in the population growth rate. The basis for this phenomenon is increased fertility, decreasing mortality and a corresponding expansion of natural growth. As a rule, a population explosion is closely linked to the process of demographic transition from the agrarian (traditional) to the industrial (modern) type of population reproduction. It is proved that the population explosion is territorially localized in the countries of Asia, Africa and Latin America. Chronologically, it is fixed, as is believed in demographic literature, in the second half of the 20th century. This article hypothesizes that for the first time in demographic history, a population explosion occurred in the 1920s. It was due to the accelerated socio-economic development of the Siberian region in the 1920s, based on the new economic policy. This, in turn, caused the rapid development of global processes of demographic transition and was manifest primarily in a marked reduction in mortality rates. At the same time, the article shows that the decrease in the birth rate expected during the demographic explosion did not happen. On the contrary, for Siberia in the 1920s an increase in fertility rates was characteristic. The causes of this phenomenon are thoroughly investigated by the author. It is shown that the special conditions of family work in Siberia, the distribution of benefits from younger generations to older ones, and the absence of full-fledged pension provision were important factors in stimulating fertility. Based on the increase in natural growth, the population growth rate sharply increased, which caused a population explosion. The article analyzes not only the causes of population explosion, but also shows the socio-economic consequences of this phenomenon, reveals its short duration and reveals the factors that led to its rapid completion.

Key words: Population explosion, demographic history, population, birth rate, mortality, social development, healthcare.

Владимир Анатольевич Исупов – д-р ист. наук, заведующий сектором, Институт истории СО РАН; профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета, e-mail: Vladimir_2004_@mail.ru

Vladimir A. Isupov – Doctor of History sciences, Head of the Department, Institute of History SB RAS; Professor, Department of Russian History, Novosibirsk State University.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

В современной демографии феномен демографического взрыва трактуется как резкое ускорение роста численности населения на основе значительного превышения рождаемости над смертностью (см., напр. [1, с. 113–114]). Это явление, как правило, считается участью стран Азии, Африки и Латинской Америки и хронологически причисляется ко второй половине XX в. Демографический взрыв прочно увязывается с таким глобальным историко-демографическим процессом, как демографический переход. Последнее утверждение у нас не вызывает возражений. Сложнее обстоит дело с географической локализацией процесса и его хронологическими рубежами. Анализируя статистические материалы, характеризующие динамику народонаселения Сибири в 1920-е гг., мы обнаружили некоторые свидетельства присутствия элементов демографического взрыва.

Впервые эта проблема кратко была сформулирована автором в 2017 г. [2, с. 103]. Но ее постановка не была обоснована. Причины и следствия феномена демографического взрыва оказались не разработанными. Это вынуждает нас вновь обратиться к проблеме, которая нуждается в более полном и детальном анализе. Цель настоящей статьи – проверить (подтвердить или опровергнуть) выдвинутую гипотезу и в случае ее подтверждения определить в первом приближении временные рамки, важнейшие параметры, причины и следствия демографического взрыва в Сибири.

НЕКОТОРЫЕ ПАРАМЕТРЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В 1920-е гг.

Перед Первой мировой войной для сибирского региона была характерна предельно высокая рождаемость, балансирующая на грани физиологического максимума. По данным В. А. Зверева, в 1910 – 1914 гг. в Сибири на 1000 чел. населения родилось 51,5 младенца, в том числе в городах – 40,9, в деревне – 52,6 младенца [3, с. 240]. Высокие показатели рождаемости в Сибири зафиксированы работниками Статистического отдела Сибкрайисполкома, тщательно обрабатывавшими материалы дореволюционного происхождения. Они опубликованы в сборнике статистических материалов, изданных в 1930 г. Согласно этим сведениям, в городах Сибири уровень рождаемости в 1911 – 1912 гг. составлял 43,3 ‰, а в сельской местности – 54 ‰¹

Вместе с тем признаки демографического взрыва в Сибири в начале XX в. отсутствовали, поскольку повышенная рождаемость «гасилась» очень высокой смертностью. Достаточно сказать, что в 1910 – 1914 гг. показатели смертности в регионе достигали 31,9 ‰. В городах Сибири смертность была несколько ниже – 29,2 ‰, тогда как в деревне – 32,2 ‰. [3, с. 237]. Поэтому в Сибири показатели естественного прироста нельзя оценить как «высокие». Они не превышали 19,6 ‰,

в том числе в городах 11,7, а в сельской местности 20,4 ‰ [3, с. 244]. В этих условиях о демографическом взрыве говорить не приходится. По нашему мнению, демографический взрыв фиксируется с величины естественного прироста более 25 – 30 ‰, поскольку меньшие величины естественного прироста не обеспечивают «взрывного» роста численности населения.

Демографическая ситуация кардинально изменилась после завершения периода войн и революций, с переходом к новой экономической политике. Если Первая мировая война, революция и Гражданская война отмечены резким понижением рождаемости и не менее резким повышением смертности, то период нэпа характеризуется кардинально новыми тенденциями. Уже к 1923 г. показатель рождаемости увеличился в среднем по сибирскому региону приблизительно до 49 ‰, а смертность понизилась до 28 ‰². С развитием нэпа рождаемость нарастала, а смертность сокращалась (см. таблицу).

Статистические материалы в таблице свидетельствуют, что в годы нэпа рождаемость в сибирской деревне повысилась до предельно допустимых величин, балансирующих на грани физиологических возможностей женского организма. Мало того, данные таблицы не характеризуют в полной мере сложившуюся демографическую ситуацию. В силу недоучета числа рождений реальная рождаемость была еще выше. Картина будет выглядеть насыщеннее, если показать цифровые материалы по рождаемости в отдельных сельских округах. В 1928 г., когда уровень рождаемости в сельской местности достиг максимальных в годы нэпа величин, показатель рождаемости в Рубцовском округе составил 64 ‰, в Каменском и Кузнецком – 62, Славгородском – 61, Бийском округе – 60 ‰.³

Несколько ниже, но все же очень высоким был уровень рождаемости и в сибирских городах. Так, в городских поселениях Славгородского округа в 1927 г. показатель рождаемости составлял 48 ‰, в 1928 г. – 51 ‰, Рубцовского соответственно 60 и 54 ‰, Ойротской области – 50 и 54 ‰, Кузнецкого 67 и 61 ‰, Киренского 47 и 53 ‰⁴. Некоторое сокращение показателей рождаемости в 1920-е гг. в Сибири отмечено только для городов с числом жителей 50 тыс. чел. и более. Здесь население постепенно переходило к новым стандартам репродуктивного поведения, выразившимся в сознательном ограничении числа детей в семье. В небольших городских поселениях, население которых вело вполне сельский образ жизни и, как правило, состояло из бывших крестьян, сравнительно недавно мигрировавших в город, рождаемость характеризовалась очень высокими показателями.

Отметим, что Сибирь не являлась «рекордсменом» по показателям рождаемости. Сибирский край

² Народное хозяйство Союза ССР в цифрах с приложениями данных по мировому хозяйству: стат. справочник. Год 2-й. М., 1925. С. 42.

³ Статистика Сибири: сб. стат. и материалов. Новосибирск, 1930. Вып. 2. С. 141.

⁴ Там же.

¹ Естественное движение населения в Сибкрае за 1925 – 27 гг. Новосибирск, 1930. С. 4

Естественное движение населения Сибирского края в 1925–1929 гг. (на 1000 чел. населения)*

Год	Категория населенных пунктов	Родилось	Умерло	Естественный прирост
1925	Город	41,3	24,7	16,6
	Деревня	53,6	27,3	26,3
1926	Город	40,2	24,5	15,7
	Деревня	53,2	25,9	27,3
1927	Город	42,0	23,3	18,7
	Деревня	55,4	25,4	30,0
1928	Город	42,4	21,1	21,3
	Деревня	58,4	23,3	35,1
1929	Город	38,7	22,2	16,5
	Деревня	55,2	23,4	31,8

*Составлено по: Естественное движение населения в Сибкрае за 1925 – 1927 гг. Новосибирск, 1930. С. 4; Государственный архив Новосибирской области. Ф. 11. Оп. 2. Д. 22, Л. 5.

по высоте рождаемости занимал третье место в стране. Выше, чем в Сибири, была рождаемость в двух традиционно патриархальных регионах – в Уральском и Вятском. Так, в 1926 г. на Урале уровень рождаемости составлял 55,6 ‰, в Вятском районе – 53,4, тогда как в Сибирском крае – 51,3 ‰⁵.

Встает закономерный вопрос, какой уровень рождаемости можно считать высоким? Например, 40 или 50 ‰ – это много или мало? Чтобы ответить на данный вопрос, обратимся к такому инструменту оценки уровня демографических показателей, как шкала коэффициентов рождаемости. Подобные шкалы разрабатывались многими демографами. Л.П. Харченко после рассмотрения нескольких шкал уровня рождаемости (Б.Ц. Урланиса, А.М. Меркова и Л.М. Сухаребского, З. Павлика и др.) пришла к выводу, что во всех шкалах уровень рождаемости более 40 ‰ определяется как очень высокий, выше 50 ‰ – как предельно высокий [4, с. 142]. Мы считаем, что показатель рождаемости, превышающий 60 ‰ было бы правильно оценить как физиологический максимум.

ГЕНДЕРНАЯ И ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ

Среди обстоятельств, в немалой степени способствовавших росту показателей рождаемости, отметим, прежде всего, особенности половозрастной структуры населения, характерные для сибирского региона в середине 1920-х гг. К этому времени женский перевес, сформировавшийся в ходе Первой мировой и Гражданской войн, к середине 1920-х гг. был в основном сглажен. Перепись 1920 г. засвидетельствовала, что удельный вес мужской части населения составлял в Сибири (в административных границах, совпадающих в основном с территорией Сибирского

края) 48,5%⁶. Согласно материалам переписи 1926 г., доля мужчин в регионе повысилась до 49,4 %⁷.

Не менее важным условием столь высокого числа родившихся была многочисленность возрастных групп репродуктивного возраста. Согласно переписи населения 1926 г., в Сибирском крае насчитывалось почти 688 тыс. мужчин и 759 тыс. женщин в возрасте 20 – 29 лет. Количество мужчин в возрасте 30 – 39 лет превышало 460 тыс. Женщин этого возраста насчитывалось 483 тыс.⁸ Удельный вес возрастной группы 20 – 29 лет в составе мужской части населения Сибирского края по переписи 1926 г. составлял 16 %, в составе женского населения – превышал 17 %. Доля возрастной группы 30 – 39 лет как в мужской, так и в женской группах населения составляла почти 11 %⁸. Для нашего исследования важно, что в репродуктивных возрастных группах от 20 до 39 лет (лица, рожденные в 1887 – 1906 гг.), несмотря на потери прошлых лет, гендерная асимметрия была минимальной. Так, в диапазоне возрастов от 20 до 29 лет удельный вес мужчин составлял 48 %, в группе возрастов от 30 до 39 лет – 49 %⁹.

БРАЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕННОЙ РОЖДАЕМОСТИ

Гендерному равновесию и повышенной прослойке населения репродуктивных возрастов сопутствовала ранняя и всеобщая брачность. В условиях доминирования патриархальных традиций это было важным фактором повышенной рождаемости (на тенденции брачности влияли и другие факторы, но в данной статье они не рассматриваются). В 1927 г. свыше 68 % женщин, проживавших в городах Сибирского

⁶ Естественное движение населения в Сибкрае за 1925–27 гг. С. 7.

Статистический ежегодник 1918–1920 гг. М., 1920. Вып. I. С. 2
⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928. Т. VI. С. 105.

⁸ Там же. С. 104 – 105.

⁹ Там же. С. 104.

⁵ Естественное движение населения в Сибкрае за 1925–27 гг. С. 7.

края, вышли замуж в возрасте до 24 лет, в том числе в возрасте 19 лет и моложе – 28 %. Среди жительниц сибирского села прослойка женщин, заключивших брак в возрастном диапазоне до 24 лет, была еще значительнее. Она превышала 87 %, в том числе почти 60 % девушек вышли замуж в возрасте 19 лет и моложе¹⁰. В Сибирском крае браки заключались в более молодых возрастах, чем в европейской части страны. Так, в 1926 г. в сельской местности европейской части РСФСР удельный вес женщин, зарегистрировавших брак в возрасте моложе 19 лет, составлял 35 %, тогда как в сельской местности Сибирского края 63 %¹¹.

Вместе с тем, разводы в Сибири (они оказывали понижающее воздействие на рождаемость) еще долгое время оставались крайне редким явлением. В 1926 г. в городах Сибири на 1000 чел. населения было зарегистрировано всего 2,1 развода. В сельской местности уровень разводов был еще ниже – 0,8 развода на 1000 чел. населения. В 1927 г. параметры разводимости колебались в пределах 5,8 на 1000 чел. населения в городе и 1,7 случая в селе¹². Как видим, индекс разводимости постепенно увеличивался, но его показатели были ничтожны, чтобы серьезно повлиять на семейное состояние населения и рождаемость.

Брачность, таким образом, была не только ранней, но и всеобщей. К 25 годам подавляющее большинство сибирячек обзаводились семьей. Так, перепись 1926 г. выявила, что в возрастном диапазоне 20 – 24 года свыше 80 % женщин, проживавших в Сибирском крае, уже были замужем¹³. В условиях практически полного отсутствия средств контрацепции замужество, как правило, означало беременность. Соответственно ранняя и всеобщая брачность являлись важным фактором повышенной рождаемости.

СЕМЕЙНЫЙ ТРУД

Помимо брачности повышающее влияние на рождаемость оказывали и другие факторы, главным образом социокультурного характера. Пролить свет на «загадку» демографического взрыва и установить причину быстрого роста рождаемости в 1920-е гг. можно, только постигнув роль детей в семье сибирского крестьянина. Дети, с самого раннего возраста принимавшие посильное участие в труде, были важным фактором увеличения дохода семьи. В Сибири, где не было недостатка в пахотной земле, рабочие руки ценились очень высоко. Поскольку распределение земли в годы нэпа проводилось по числу едоков, многодетная семья получала огромное преимущество. Таким образом, ключевым фактором повышения рождаемости был, несомненно, семейный труд. К тому же в условиях практически полного отсутствия пенсионного обеспечения крестьяне рассматривали детей как своего рода вложение на слу-

чай обеспечения старости. В обществе с преобладанием патриархальных традиций родительский труд по воспитанию детей вознаграждался в старости.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Сибирь в 1920-е гг. была в основном аграрным регионом с абсолютным доминированием сельского населения. По данным переписи 1926 г., удельный вес сельского населения в Сибирском крае составлял 87 %¹⁴. В 1928 г. на долю сельского населения в регионе приходилось 86 % [5, с. 3]. Численное преобладание сельского населения являлось важнейшим условием формирования повышенных показателей рождаемости. Для подтверждения тезиса о воздействии в годы нэпа системы землепользования и феномена семейного труда на демографическую ситуацию обратимся к анализу социальной структуры сибирского общества. Перепись 1926 г. показала, что наиболее многочисленной социальной группой в Сибири были занятые в сельском хозяйстве мелкие хозяева, работавшие совместно только с членами семьи. Их удельный вес (вместе с членами семьи) в населении Сибирского края составлял почти 75 %, в том числе в сельской местности – почти 85 %¹⁵. Представители этой группы отличались особым консерватизмом в сохранении отживших брачно-семейных обычаев. Они не только придерживались патриархальных традиций в сфере деторождения, но были заинтересованы экономически и в большом числе детей. Благодаря своей многочисленности мелкие хозяева (главным образом земледельцы) представляли собой силу, определявшую параметры рождаемости населения Сибири в целом.

ДИНАМИКА СМЕРТНОСТИ

Большую роль в формировании феномена демографического взрыва играла тенденция к сокращению смертности (см. таблицу). Причины снижения смертности очевидны – развитие системы здравоохранения и санитарии, улучшение условий жизни, повышение качества питания, вытеснение экзогенных факторов из структуры причин смертности. Усилия властей по борьбе с эпидемиями в 1920-е гг. увенчались заметным сокращением инфекционной заболеваемости. Так, в 1926 г. по отношению к 1913 г. заболеваемость сибирского населения брюшным тифом уменьшилась в 1,8 раза, сыпным – на 17 %, оспой – в 4 раза, скарлатиной – на 14%, дифтеритом – в 3,5 раза [5, с. 48].

Как правило, снижение смертности приводит к сокращению рождаемости. Но в Сибири этого не произошло, так как перестройке репродуктивного поведения крестьян препятствовали их традиционные социокультурные установки. В сущности, развитие здравоохранения, повлекшее за собой снижение смертности, протекало на фоне сохранения патриархального образа

¹⁰ Естественное движение населения в Сибкрае... С. 27

¹¹ Там же. С. 28.

¹² Там же. С. 4.

¹³ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1929. Т. XXIII. С. 3.

¹⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Изд-е ЦСУ СССР, 1929. Т. IX. С. 12

¹⁵ Там же. С. 3 – 4.

жизни. Немаловажное значение получил и такой мощный фактор, как политика большевистского правительства в области землепользования, в частности распределение земли «по едокам».

Таким образом демографическая динамика Сибири в годы нэпа характеризовалась двумя разнонаправленными процессами. Во-первых, статистически надежно фиксируется снижение смертности. Во-вторых, на этом фоне повышалась рождаемость, достигавшая фантастически высоких величин. Вследствие этого заметно увеличивался естественный прирост. Данные, приведенные в таблице, свидетельствуют, что на коротком отрезке времени – 1927 – 1929 гг. (взрыв, как это и следует из самой его сути, не может быть продолжительным) – показатели естественного прироста в сибирской деревне перекрыли величину 30 %, а в 1928 г. превысили 35 %.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

Собственно, демографический взрыв, особенно если элиминировать миграции, проявляется в ускоренных темпах роста численности населения. В течение трех лет – с 1 января 1927 г. по 1 января 1930 г. – численность населения Сибирского края выросла на 14 %. Численность городского населения в указанные годы увеличилось на 28 %, сельского почти на 12 %¹⁶. Из этого вытекает, что среднегодовые темпы роста численности населения Сибири в указанные годы составляли соответственно 4,7, 9,4 и 4,0 %. Это очень высокие темпы роста. Для сравнения укажем, что в СССР в целом за три года, прошедшие с начала 1927 г. по начало 1930 г., численность населения увеличилась на 5,9 %, что в среднем в год составляло 2 % [6, с.118]. Таким образом, темпы роста численности населения Сибири примерно в 2 раза превышали аналогичные показатели по стране в целом.

Население Сибири относится к категории населения открытого типа, в котором численность изменяется как за счет естественного прироста, так и за счет миграций. Население такой закрытой страны, как СССР, где внешние миграции не играли сколько-нибудь существенной роли в формировании населения, увеличивалось в основном за счет естественного прироста. Несомненно, механический прирост имел в исследуемый период большое значение для наращивания темпов роста населения Сибири. Но элиминировать влияние миграций не представляется возможным. По нашему мнению, естественный прирост оказывал значительное воздействие на ускорение роста численности населения Сибири. Важно при этом учитывать, что сибирская деревня в 1920-е гг. отдавала часть своих людских ресурсов городу в ходе миграций и тем не менее увеличивала свое население очень высокими темпами. Естественный прирост в деревне Сибирского края был столь значителен, что покрывал отток части населения в города и другие регионы страны.

ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ВЗРЫВА НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Воздействие демографического взрыва на социально-экономическое развитие региона имело как позитивные, так и негативные стороны. Отметим, прежде всего, то воздействие, которое оказывал демографический взрыв на состояние здоровья детского населения. Многочисленность детского контингента приводила к снижению относительной доли средств, которые государство и семья выделяли на охрану здоровья детей. Достаточно сказать, что в начале 1925 г. в сельской местности Сибири на одну больничную койку приходилось 3235 чел. [7, с. 31]. Вложения государства в здравоохранение гасились быстро растущей численностью населения, особенно детского. В условиях ограниченности ресурсов это делало проблему трудно решаемой. Семья, обремененная многочисленным потомством, не имела возможности выделять достаточно средств на материальное обеспечение детей, их питание, одежду и лечение.

Состояние здоровья, особенно детского, желало лучшего. Немаловажную роль играли и особенности предшествующего демографического развития Сибири: минувшие войны, хроническое недоедание, эпидемии инфекционных заболеваний, тяжелые жилищные условия, недостатки в сфере здравоохранения. Мы имеем сведения о состоянии здоровья главным образом городских детей, так как в сельской местности обследования не проводились. Но картина в городе позволяет судить по аналогии и о ситуации в деревне. Так С. И. Шапкайтц, постоянный автор «Сибирского медицинского журнала» (орган Сибирского краевого отдела здравоохранения), в 1928 г. констатировал: «Состояние здоровья детей и подростков в 70 % неудовлетворительное» [8, с. 43]. В Томске в 1926 г. двукратное обследование школьников, как указывает С. И. Шапкайтц, свидетельствовало, что свыше 50 % детей страдали малокровием, около 6 % – туберкулезом легких, свыше 9% – были истощены [8, с. 33]. Обследование детского населения Новосибирска в 1925 г. обнаружило, что 14 % детей в возрасте 8 – 9 лет были инфицированы туберкулезом, 35 % страдали от малокровия. У детей 9 летнего возраста туберкулез был зафиксирован у 10 %, малокровие – у 34%, у 11-летних подростков соответственно у 8 и 46% [9, с. 17]. Несмотря на усилия властей, направленные на снижение инфекционной заболеваемости, она оставалась все-таки высокой. Сибирь занимала одно из первых мест в стране по масштабам эпидемий.

С большими трудностями встречались многодетные семьи и при попытках дать детям образование. Несмотря на бесплатность государственного образования в СССР, многодетные семьи зачастую не обладали средствами, которые требовались при обучении детей в школах и профессиональных учебных заведениях. Советский Союз в годы нэпа не имел возможности развивать систему образования темпами, соответствующими потребностям индустриализующегося общества.

¹⁶ Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 13, 14.

БЕЗРАБОТИЦА

Одним из негативных последствий стремительного роста населения была безработица в городах и аграрное перенаселение в деревне. Мы далеки от утверждения, что повышенная рождаемость была главной причиной нехватки рабочих мест. Но этот фактор играл существенную роль, поскольку рынок труда постоянно пополнялся подрастающей молодежью, вступающей в рабочий возраст. По переписи 1926 г. в Сибирском крае было зарегистрировано почти 64 тыс. безработных¹⁷.

Обратной стороной медали многодетности был феномен ранней трудовой деятельности детей. Дети не только выполняли семейные работы, но и трудились вне семьи. Во всяком случае, при проведении переписи 1926 г. в Сибирском крае выяснилось, что 74 тыс. детей моложе 10 лет были зарегистрированы как самодельные¹⁸.

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ.

Улучшение социального и экономического положения женщин в значительной степени тормозилось наличием большого количества детей. У обремененных детьми женщин не было возможности получить полноценное образование, сделать профессиональную карьеру, так как они много времени и сил отдавали воспитанию детей.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ МНОГОДЕТНОСТИ

Страна не испытывала проблем с формированием рабочей силы для экономики. Необходимо только понимать, что рожденные в 1920-х гг. дети становились полностью работоспособными через 15 – 18 лет после рождения. Это же относится и к формированию призывного контингента для Красной армии. Во всяком случае, в годы Великой Отечественной войны многочисленные поколения граждан, появившихся на свет в 1920-е гг., составили значительную часть призванных в Красную армию.

ЗАВЕРШЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ВЗРЫВА

Демографический взрыв в Сибири оказался кратковременным явлением в ее демографической истории. Его завершение пришлось на 1929 г., объявленный Сталиным годом «великого перелома». Нэп быстро уходил в прошлое. СССР вступил в стадию форсированной индустриализации и насильственной коллективизации. В основе завершения демографического взрыва, без сомнения, лежат факторы, внешние по отношению к демографической подсистеме общества. Они оказали мощное воздействие на все стороны жизни советских людей, в том числе и на динамику народонаселения. В городах Сибири, как показывают статистические материалы, сосредоточенные в таблице,

отчетливо проявлялась тенденция к сокращению рождаемости. В сельской местности эта тенденция обозначилась пока неявно, но только до 1930 г. Уже с начала 1930-х гг. показатели рождаемости в деревне резко снизились. Наметилась и тенденция к росту смертности – сначала в городе, а затем и в деревне. Уровень естественного прироста сократился. Так завершился кратковременный, но яркий период в демографической истории Сибири. Ему уже не суждено будет повториться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демографический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1985, 608 с.
2. Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.). Новосибирск, 2017, 350 с.
3. *Зверев В.А.* Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. 278с.
4. *Харченко Л.П.* Демография. М.: Омега-Л, 2011. 372 с.
5. Материалы к пятилетнему плану развития народного хозяйства и культурного строительства Сибирского края. Новосибирск.: Сибкрайиздат, 1930. 713 с.
6. Население Советского Союза: 1922 – 1991. М.: Наука, 1993. 143 с.
7. *Маркевич А.Л., Герцов Н.А.* Очерк состояния лечебного дела в Сибирском крае и ближайшие задачи // Сибирский медицинский журнал. Орган Сиб. краев. отд. здравоохранения. 1925. № 3. С. 23–43.
8. *Шапкайтс С.И.* Охрана здоровья детей и подростков Сибири к 10-й годовщине советского здравоохранения // Сибирский медицинский журнал. 1928. № 10–11. С. 31–43.
9. *Кузнецова В.К.* Заболеваемость пионеров г. Новосибирска на основании данных осмотра первичным пунктом службы здоровья // Сибирский медицинский журнал. 1926. № 4. С. 16–18.

REFERENCES

1. Encyclopedic Demographic Dictionary. Moscow, 1985, 608 p. (In Russ.)
2. Demographic history of Western Siberia (from late 19 until 29th century). Novosibirsk, 2017, 350 p. (In Russ.)
3. *Zverev V.A.* People with children: reproduction of the population of the Siberian village at the end of the imperial period. Novosibirsk, 2014, 278 p. (In Russ.)
4. *Kharchenko L.P.* Demography. Moscow, 2011, 372 p. (In Russ.)
5. Materials for the five-year plan for the development of the national economy and cultural construction of the Siberian Territory. Novosibirsk, 1930, 713 p. (In Russ.)
6. Population of the Soviet Union: 1922–1991. Moscow, 1993, 143 p. (In Russ.)
7. *Markevich A.L., Gertsov N.A.* Essay on the state of medical affairs in the Siberian Territory and immediate tasks. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal*. Organ Sibirskogo kraevogo otdela zdravookhraneniya. 1925, no 3, pp. 23 – 43.
8. *Shapkaits S.I.* Protecting health of children and adolescents in Siberia on the 10th anniversary of Soviet healthcare. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal*, 1928, no. 10–11, pp. 31 – 43.
9. *Kuznetsova V.K.* The incidence of pioneers in the city of Novosibirsk on the basis of data from a primary health service inspection. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal*, 1926, no 4, pp. 16 – 18.

¹⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1929. Т. XXIII. С. 3 – 4.

¹⁸ Там же.

DOI: 10.15372/HSS20190413
УДК 94(470+571)“1964/1970”+314.14

А.А. БУРМАТОВ

СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1964–1970 гг.

Куйбышевский филиал Новосибирского государственного педагогического университета,
РФ, 632387, Новосибирская обл., г. Куйбышев, ул. Молодежная, 7;
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8;

В статье представлен анализ смертности населения Западной Сибири в 1964–1970 гг. Рассматривается, как смена курса политической жизни страны, реализация экономической реформы Косыгина, фактический отказ от построения коммунизма в ранее намеченные сроки, отразились и на демографическом развитии страны. Анализируются причины роста смертности, снижения продолжительности жизни. Исследование базируется на статистических данных, предоставленных по запросу автора органами государственной статистики регионов Западной Сибири. Ценность этих ответов состоит в их единообразии и непрерывности демографических рядов как абсолютных данных, так и показателей естественного движения, на базе которых проводились расчеты автора.

Ключевые слова: Алтайский край, Кемеровская область, Новосибирская область, Омская область, Томская область, Западная Сибирь, ожидаемая продолжительность жизни, смертность, младенческая смертность.

A.A. BURMATOV

THE MORTALITY RATE OF WESTERN SIBERIA IN 1964–1970

Kuibyshev Branch of the Novosibirsk State Pedagogical University,
7, Molodezchnaya str., city of Kuibyshev, Novosibirsk region, 632387, Russian Federation
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation.

The article deals with the population of Western Siberia in 1964–1970. During this period, the decline in mortality has stopped, and the reverse process of increasing mortality and reducing life expectancy began. The purpose of the article is to identify the causes of these demographic phenomena. The study is based on the statistical data obtained from the official territorial bodies of the state statistics of the regions included in the region of Western Siberia at the moment of the all-Union census of population in 1959 at the request of the author. The value of the answers lies in the uniformity and continuity of the demographic series, both absolute data and indicators of natural movement, on the basis of which the author's calculations were made. In 1964–1970 in the USSR, the age-specific mortality rates started growing, especially among men. This process mainly affected the working-age population and persons in retirement age. To some extent, the growth reflected improvement of the statistical system, but it was associated with a real reduction in life expectancy. In West Siberia, the mortality rate was higher than all-Union and all-Russian indicators. To a large extent, this was determined by two groups of death causes – tumors, which became more common at a younger age, and external causes (accidents, poisoning, injuries, etc.) which claimed the lives of young and healthy people. The positive dynamics was only in childhood, especially infants, throughout the studied period of 1964–1970. However, there were already negative trends, which later led to increasing the mortality rates in these age groups.

Key words: Altai Territory, Kemerovo Region, Novosibirsk Region, Omsk Region, Tomsk Region, Western Siberia, life expectancy, mortality, infant mortality.

Александр Анатольевич Бурматов – канд. ист. наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет, Куйбышевский филиал, научный сотрудник Института истории СО РАН, e-mail: al-burmatov@yandex.ru

Alexandr A. Burmatov – Candidate of Historical Sciences, associate Professor, Kuibyshev Branch of the Novosibirsk State Pedagogical University, Institute of History SB RAS.

В статье представлены результаты количественного анализа численности населения Западной Сибири в 1964–1970 гг. Данный период характеризуется ростом смертности, снижением продолжительности жизни. Цель статьи – выяснение причин данных демографических явлений.

Исследование базируется на статистических данных, предоставленных по запросу автора органами государственной статистики регионов Западной Сибири. Этот источник характеризуется единообразием, непрерывностью демографических рядов как абсолютных данных, так и показателей естественного движения, на базе которых выполнены расчеты автора.

В период 1964–1970 гг. в СССР начали расти повозрастные коэффициенты смертности, особенно у мужчин. В основном этот процесс затрагивал трудоспособное население и лиц, находящихся в пенсионном возрасте. В некоторой степени это объяснялось улучшением системы статистического учета. Но в большей степени было связано с реальным сокращением продолжительности жизни. В Западной Сибири смертность был выше общесоюзных и общероссийских показателей. В значительной мере это определяли две группы причин смертности – новообразования, которые стали чаще встречаться в более молодом возрасте, и внешние причины (несчастные случаи, отравления, травмы и т.д.), уносившие жизнь молодых и здоровых людей.

Положительная динамика сохранялась на протяжении всего исследуемого периода 1964–1970 гг. только в детских возрастах, особенно у младенцев. Однако и здесь уже прослеживаются негативные тенденции, которые в дальнейшем приведут к росту смертности в данных возрастах.

Период 1964–1970 гг. характеризуется осознанием обществом и признанием властями напряженности в некоторых аспектах протекания демографических процессов. Было официально признано, что происходит значительное падение рождаемости в стране. Стало признаваться и увеличение количества разводов в стране, особенно после упрощения этой процедуры в 1966 г. Общество не было готово к тому, что начавшийся кризис семьи, вызванный изменением социального положения супругов, станет длительным процессом. Он не только привел к дальнейшему снижению количества детей в семьях, но и стал индикатором роста смертности. Страна достигла относительно высоких показателей средней продолжительности жизни, которые немногим отличались от аналогичных показателей в европейских странах, и низких показателей общей смертности благодаря молодой возрастной группе. Советское руководство стало меньше внимания уделять развитию здравоохранения и социальной сферы.

Работ, в которых рассматривается смертность населения Западной Сибири, немного. В СССР таковых появиться не могло из-за цензурных ограничений. Единственным исключением стала работа Е.М. Левицкого, проанализировавшего смертность

населения Сибири в 1958/59 г. [1]. Его исследование находится за хронологическими рамками нашей статьи. В изданных «для служебного пользования» материалах, посвященных уровню жизни населения и трудовым ресурсам Западной Сибири, говорится только о месте региона по общему показателю смертности среди других экономических районов РСФСР и дается сравнение общего показателя смертности с общесоюзным. Отмечена и закономерность, «выражающаяся во взаимосвязи смертности с общей заселенностью» В районах «с пониженной плотностью» население «относительно моложе и формирование его продолжается... Поэтому здесь – пониженный удельный вес пожилых и пониженная смертность населения в целом» [2, с. 26–28]. Из сказанного мы можем сделать вывод о том, что анализировался только общий показатель смертности. В монографии Е.Д. Малинина и А.К. Ушакова, изданной в период жестких цензурных ограничений, о смертности населения региона говорится следующее: «Анализ коэффициентов повозрастной смертности показывает, что в Сибири во многих возрастных группах смертность все-таки несколько выше, чем в среднем по РСФСР». При этом общий показатель смертности в Западной Сибири на 8 % ниже среднереспубликанского уровня [3, с. 28]. С 1977 г. в СССР в открытой печати запрещалась любая информация о естественном движении населения областей и экономических районов, даже ранее опубликованные данные не разрешалось анализировать. Тема была настолько табуирована, что к ней стало возможным обратиться только в годы радикальных экономических реформ. В коллективной монографии «Население Западной Сибири в XX веке» периоду 1964–1970 гг. уделено немного внимания в силу того, что рассекречивание материалов еще не было завершено [4]. В коллективной монографии «Демографическая история Западной Сибири» интересующий нас период особо не рассматривался [5, с. 217–279]. Смертности населения региона посвящены статьи О.Б. Дашинамжилова (городского) [6] и А.А. Бурматова [7].

Статистические данные практически не публиковались в открытой печати, в годы советской власти частично приводились в статистических сборниках «для служебного пользования». Поэтому нами был произведен запрос непосредственно в территориальные органы статистики регионов Западной Сибири. В управления статистики стекалась вся информация с мест. Здесь она перепроверялась и обрабатывалась, затем составлялись отчеты, справки. Каждый территориальный статистический орган проводил расчеты, составлял динамические ряды по численности населения, рождаемости, смертности, иногда эти сведения отличались от данных ЦСУ РСФСР. Официальные ответы, которые стали основным источником для настоящей статьи, содержат данные о численности населения, о количестве родившихся и умерших (в том числе до года), показатели естественного дви-

Численность населения Западной Сибири в 1964–1970 гг.*

Год	Численность населения, тыс. чел.			Удельный вес, %	
	Все	Город	Село	Город	Село
1964	10788,7	6175,6	4613,1	57,2	42,8
1965	10802,0	6277,4	4524,6	58,1	41,9
1966	10807,6	6359,7	4447,9	58,8	41,2
1967	10789,2	6477,2	4312,0	60,0	40,0
1968	10757,9	6546,9	4211,0	60,9	39,1
1969	10724,8	6637,2	4087,6	61,9	38,1
1970	10702,2	6739,7	3962,5	63,0	37,0

*Составлено по официальным ответам на запросы: Алтайкрайстата № ВТ-22-22/673-ДР от 22.09.2015 и б/н от 22.01.2018 г.; Кемерово-стата № 06-35/201 от 15.09.2015 г.; Новосибирскстата № 06-56-20/1220-Д8; 20-06-10/238 от 30.10.2015 г.; Омкстата № ЕШ-57-06/684-ОГ от 30.09.2015 г.; Томскстата № СК-72-13/1264 ДР от 11.09.2015 г. и 13.02.2018 № СК-72-02/251-ДР (далее – территориальные органы статистики).

жения за 1950–1970 гг. Динамический ряд, составленный по данным текущих архивов территориальных органов статистики Западной Сибири, публикуется впервые. Территориальные рамки Западной Сибири принимаются согласно экономическому районированию, а именно: Алтайский край, Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская области.

В данный период в Западной Сибири стал отмечаться рост смертности населения. В статье ставится задача выявить причины этого процесса. С этой целью автор использует следующие методы: историко-хронологический и историко-сравнительный, общей и демографической статистики.

Численность сельского населения и общая численность населения региона с 1966 г. сокращалась. Миграционный отток из региона превысил естественный прирост. В 1966 – 1969 гг. Западную Сибирь покинуло 3,2 % ее жителей.

В 1958–1959 гг. средняя продолжительность жизни населения Западной Сибири составляла 67 лет, для мужчин – 63, для женщин – 71 год, а в СССР 69, 64 и 72 года соответственно. Показатели средней продолжительности жизни в Западной Сибири и в России не отличались. РСФСР характеризовалась повышенной смертностью по сравнению с другими республиками СССР. В ней более низкой оставалась смертность детей, но отмечалась повышенная смертность у трудоспособного населения. Средняя продолжительность жизни новорожденных в РСФСР была ниже, чем в СССР. В 1963–1968 гг. продолжительность жизни оценивалась для мужчин в 64 года, для женщин – 73 года. В СССР аналогичные показатели составили 66 и 74 года¹.

Местные статистики рассчитывали предположительную продолжительность жизни для населения регионов. По прогнозам Омского областного управления статистики рожденные в 1964 г. омичи могли в среднем прожить – 67,7 лет, мужчины – 63,27, а женщины –

71,05 года. У горожан эти показатели составляли 68,0; 63,58 и 71,24 года, в сельской местности соответственно 67,66; 63,14 и 70,94 года². Эти расчеты завышали реальную продолжительность жизни населения. Контрольными проверками, проводимыми статистическими органами, в 1964 г. в РСФСР выявлен размер недоучета количества смертей в 3,4% (в городах – 1,2 %, в сельской местности – 4,7 %) ³. Статистики в отчетах сообщали о большом количестве случаев смертей, зарегистрированных во втором и третьем кварталах года, следующих за отчетным. Такие случаи в годовую разработку не попадали. В Омской области органы ЗАГС неоднократно возвращали документацию на доработку органам здравоохранения. Констатировалось, что не все случаи рождений и смертей регистрировались. Иногда умерших вскоре после рождения регистрировали как мертворожденных⁴. В Новосибирской области в 1967 г. по данным обследования точности регистрации выявлялись случаи пропуска записей смертей, в том числе младенцев⁵. В 1970 г. в ходе проведения переписи отмечалось, что во всех районах имеется недоучет событий⁶.

Тенденции в динамике смертности в рамках изучаемого периода были противоречивы. В начале 1960-х гг. наблюдалось снижение смертности. Минимум был зарегистрирован в 1964 г.: в РСФСР – 7,2 ‰, в Западной Сибири – 6,6 ‰⁷. В сельской местности в том же году стал намечаться рост общей смертности. На следующий год ее повышение затронуло города. Такое запоздание объяснялось более молодой возрастной структурой населения. Вместе с тем отток из деревень молодежи увеличивал в сельской местности

² Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 2122. Оп. 1. Д. 4457. Л. 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17.

³ Там же. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 4457. Л. 171.

⁴ Там же. Оп. 3. Д. 1035. Л. 97.

⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАОН). Ф. 11. Оп. 3. Д. 8502. Л. 3.

⁶ Там же. Д. 8668. Л. 22.

⁷ Народное хозяйство РСФСР в 1965 г.: стат. ежегод. М., 1966. С. 23.

¹ Возрастной состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.). М.: ЦСУ РСФСР, 1972. С. 114.

Т а б л и ц а 2

Смертность в Западной Сибири в 1964–1970 гг., %*

Регион	1964 г.	1965 г.	1966 г.	1967 г.	1968 г.	1969 г.	1970 г.
<i>Смертность, все население</i>							
Западная Сибирь	6,6	6,8	6,9	7,1	7,3	7,8	8,0
Алтайский край	6,8	7,0	7,1	7,5	7,5	7,9	8,0
Кемеровская обл.	6,2	6,3	6,5	6,8	7,0	7,5	7,9
Новосибирская обл.	6,7	6,9	7,0	7,2	7,6	7,9	7,9
Омская обл.	6,7	6,8	6,7	7,1	7,2	7,5	7,7
Томская обл.	6,9	7,2	7,3	7,2	7,6	8,3	7,9
<i>Городское население</i>							
Западная Сибирь	6,3	6,4	6,6	6,7	7,0	7,5	7,5
Алтайский край	6,3	6,0	6,0	7,0	7,0	7,6	7,6
Кемеровская обл.	6,1	6,1	6,4	6,6	6,9	7,3	7,6
Новосибирская обл.	6,6	6,7	6,7	6,9	7,2	7,6	7,5
Омская обл.	6,4	6,5	6,3	6,7	7,0	7,3	7,2
Томская обл.	6,5	6,6	6,9	6,7	7,4	7,9	7,5
<i>Сельское население</i>							
Западная Сибирь	7,0	7,3	7,5	7,8	7,9	8,3	8,8
Алтайский край	7,2	7,0	8,0	8,0	8,0	8,4	8,3
Кемеровская обл.	6,8	7,2	7,2	7,9	7,8	8,3	9,3
Новосибирская обл.	7,0	7,4	7,5	7,8	8,1	8,3	8,7
Омская обл.	6,9	7,0	7,0	7,5	7,5	7,8	8,4
Томская обл.	7,3	7,9	7,8	7,9	7,9	9,0	8,4

*Территориальные органы статистики. Естественное и механическое движение населения Новосибирск, 1968. С. 2; Естественное и механическое движение населения Новосибирск, 1973. С. 6–9.

долю пожилого населения. Рост продолжительности жизни приостановился в 1965–1967 гг. Темпы увеличения смертности в городе и сельской местности, а также в различных областях края были различными, вызывались они разными причинами. С 1964 по 1969 г. по субрегионам Западной Сибири смертность в селах возросла на 15–37 %, а в городах – на 15–20 %. В Кемеровской области приращение составило 27,4 %, в целом по региону – 21,2 % (табл. 2). Отмечался рост показателей смертности в старших и средних возрастах. Частично увеличение показателей смертности можно объяснить улучшением качества учета смертности, ранее недоучет по данным статистиков составлял 1,5–4 % событий. Отмечался реальный прирост числа смертей за счет старения населения, а также нарастания по возрастной смертности.

Согласно официальным данным, продолжительность жизни в РСФСР в 1963–1968 гг. была 70 лет. В 1965–1966 гг. у мужчин России этот показатель составлял 65 лет, у женщин – 74. К 1969–1970 гг. средняя продолжительность жизни в стране сократилась до 68,8 года, у мужчин – 63,4, у женщин – 73,4 года⁸.

По публикациям Госкомстата РСФСР в 1964/65 гг. продолжительность жизни в РСФСР составляла 69,61 года (для мужчин – 64,6 года; для женщин – 73,34 года). К 1969/70 г. показатели уменьшились: для всего населения – до 68,81 года (снижение на 0,79 года), для мужчин – 63,15 (уменьшение на 1,45 года), а для женщин рост на 0,05 года (до 73,39 года)⁹. Повозрастные показатели смертности у мужчин существенно увеличились.

Рост общих показателей смертности отмечался также в СССР и других регионах России. С 1964 по 1970 г. увеличение регистрируемого коэффициента смертности составило в СССР 18,8 % (с 6,9 до 8,2 ‰), в РСФСР – 19,8 % (с 7,2 до 8,7 ‰). В экономических районах России рост был следующим: в Центральном – 21,8 %, в Волго-Вятском – 25, Поволжском – 13,9, Уральском – 12,5, Западно-Сибирском – 20,9, Восточно-Сибирском – 16,7 %¹⁰. Официально повышение смертности стали связывать с увеличением доли старших возрастов в населении, т. е. старением населения. Доля лиц старше 60 лет по данным

⁹ Демографический ежегодник России. 1999. М., 1999. С. 100.

¹⁰ Народное хозяйство РСФСР в 1965 г.: С. 21, 23. Население СССР (численность, состав и движение). 1973. М., 1975. С. 91, 93. Имеется в виду Западная Сибирь с Тюменской областью, где общая смертность была выше, чем по региону.

⁸ Народное хозяйство СССР за 70 лет: стат. сб. М., 1987. С. 409; Население СССР: стат. сб. М., 1987. С. 351; Естественное и механическое движение населения. Новосибирск, 1968. С. 6.

переписи населения 1970 г. составляла в СССР и РФ 11,9 %. В Западной Сибири степень постарения населения была меньшей: в Томской области – 9,2 %; в Кемеровской – 9,4 %; в Омской – 9,7 %; в Новосибирской – 10,2 %; в Алтайском крае – 10,5%. Однако общий показатель смертности прирастал быстрее, чем в СССР и РСФСР.

Эпидемиями гриппа, периодически отмечавшимися в стране и регионе, не может быть объяснено более быстрое увеличение смертности населения в Западной Сибири. За 1964–1970 гг. повышение смертности из-за эпидемий гриппа отмечалось в СССР в 1965 г., 1967 г. и 1969 г. В западносибирском регионе показатель смертности рос постоянно. В 1968 г. прирост смертности превышал ее приращение и в РСФСР, и в СССР. В Новосибирской и Томской областях прирост смертности за год составил по 04 %, что в 4 раза выше общероссийских и общесоюзных показателей. В 1969 г. его изменение соответствовало общесоюзной тенденции. За изучаемый период показатель смертности вырос на 11 % выше общесоюзного и на 6 % выше общероссийского. Продолжительность жизни в СССР сократилась с 70,4 года (1964–65 гг.) до 69,3 (1969–70), т.е. на 1,1 года, в РСФСР на 0,8 года. В Западной Сибири сокращение продолжительности жизни превысило, видимо, 1,5 года. Смертность в регионе была выше показателей смертности в СССР в 1959 г., когда продолжительность жизни в СССР составляла 68 лет. Более низкий уровень смертности детей до 5 лет в регионе не мог существенно улучшить ситуацию. Для горожан Кузбасса средняя продолжительность жизни составляла в 1970 г. 67,8 года (для мужчин – 62,3; для женщин – 72,6 года) [8, с. 53]. Это было на один год ниже, чем для всего населения России¹¹.

Причины увеличения смертности известны: «всякое изменение в условиях и образе жизни населения может привести к дезаптации и повышению уровня смертности населения... Если дезаптация сохраняется и тем более нарастает, то может возникнуть и ситуация устойчивого роста смертности». Осложнения в семейной жизни и на работе, сильное нервное напряжение и неприятности вносят вклад в рост смертности от болезней системы кровообращения больший, чем диабет, ожирение, курение, злоупотребление алкоголем, повышенное давление [9, с. 186–188]. Население страны переживало кардинальные социальные изменения, повышение смертности совпало со сменой руководителя страны и отказом на официальном уровне от программы строительства коммунизма.

По расчетам О.Б. Дашинамжилова, сделанным на основе кратких таблиц смертности с 1958/59 г. по 1969/70 г., для городского населения Западной Сибири, средняя продолжительность жизни увеличилась (оба пола) на Алтае – на 1,24; в Омской области – на 0,61; в Новосибирской – на 0,51; в Кемеровской – на

0,41 года. В Томской области сокращение составило 0,18 года. Снижение этого показателя отмечено у мужчин в Омской области на 0,60, Томской – на 0,46 года. Прирост: у мужчин Новосибирской области составил 0,05 года, Кемеровской области – 0,15, на Алтае – 0,78 года. У женщин прирост составил на Алтае 1,91 года, в Омской области – 1,78; в Новосибирской – 1,30; в Кемеровской – 0,79; в Томской – 0,33 года [6, с. 86]. Доля умерших от несчастных случаев, отравлений и травм постоянно увеличивалась и сравнивалась с долей скончавшихся от онкологических заболеваний. Быстрый рост травматизма в определенной степени был связан с механизацией производства. Невысокая общая культура населения, растущая алкоголизация и низкое качество дорог способствовали увеличению числа погибших от внешних причин. Ежегодно число погибших в дорожно-транспортных авариях прирастало на 10–18 % и за 1964–1969 гг. увеличилось в 2,2 раза¹². Погибали в авариях молодые люди и лица трудоспособного возраста, в основном мужчины. У мужчин 20–24 лет доля погибших в авариях среди умерших сверстников составляла 78–82 %. Быстро рос бытовой травматизм с летальным исходом. Это существенно снижало продолжительность жизни в регионе и средний возраст умерших.

Удалось добиться заметного снижения младенческой смертности, особенно в возрастах старше одного месяца. Но в течение первого месяца жизни доля умерших постоянно возрастала. В 1967 г. она составила в Новосибирской области 43,7 % от числа умерших до года (в 1960 г. – 32,7 %): в городах – 54,1 %, в селах – 24,7 %¹³. Такой разброс показателей может свидетельствовать о недоучете смертности детей в сельской местности в первый месяц жизни.

Как уже отмечалось, часть умерших новорожденных включалась в число мертворожденных, чтобы не снижать показатели работы учреждения. Обязанность регистрировать умерших малышей, возлагавшаяся на родителей, также способствовала недоучету событий.

Во второй месяц жизни доля умерших в городах сократилась в 6,2 раза, в селах – втрое. В Кузбассе снижение младенческой смертности в 1964–1970 гг. составило 22,3 %, на Алтае – 19,0, в Омской области – 35,0, в Новосибирской – 14,6, в Томской – 33,8 %. (табл. 3).

Проверки обнаруживали пропуски в регистрации смертей новорожденных. Младенческая смертность за 1964–1970 гг. значительно снизилась и была ниже, чем в РСФСР (на 5–7 %). Смертность годовалых детей снижалась в 9 раз относительно смертности детей до года, а 2–4-летних – в 2,5 раза по сравнению с годовалыми детьми¹⁴.

¹² Статистический бюллетень № 5 (398). М.: ЦСУ РСФСР, 1967. С. 191; Статистический бюллетень № 10 (476). М.: ЦСУ РСФСР, 1969. С. 137.

¹³ Естественное и механическое движение населения. С. 18.

¹⁴ Статистический бюллетень № 25 (491). М.: ЦСУ РСФСР, 1969. С. 194–198.

¹¹ Демографический ежегодник России. 2017. М., 2017. С. 46.

Т а б л и ц а 3

Младенческая смертность в регионах Западной Сибири (1964–1970 гг.),‰*

Год	Алтайский край		Кемеровская область		Новосибирская область		Омская область		Томская область	
	На 1000 родившихся	% от умерших	На 1000 родившихся	% от умерших	На 1000 родившихся	% от умерших	На 1000 родившихся	% от умерших	На 1000 родившихся	% от умерших
1964	30,3	7,4	28,7	7,5	29,6	8,0	32,0	9,9	31,1	7,6
1965	24,0	5,3	23,7	5,5	24,9	5,8	25,3	7,1	25,2	5,5
1966	24,0	5,0	25,3	5,5	23,8	5,1	23,8	6,4	25,7	5,5
1967	22,0	4,2	24,7	5,0	23,8	4,8	25,3	6,0	23,3	4,6
1968	23,0	4,3	22,9	4,4	24,2	4,5	24,7	5,5	24,9	4,9
1969	23,4	4,1	22,1	4,1	23,9	4,3	24,8	5,3	26,6	4,8
1970	22,6	4,1	22,3	4,1	24,5	4,4	20,8	4,3	20,6	4,1

*Территориальные органы статистики. Ранее динамический ряд по Алтайскому краю публиковался без Горного Алтая [5, с. 264].

В конце 1960-х гг. доля умерших младенцев составляла 4–5 %, а показатели младенческой смертности – 22–25 %.

Среди причин смертности детей лидировали болезни органов дыхания (в Новосибирской области в 1966 г. – 30 %, в 1967 г. – 30,5 %) и болезни новорожденных (соответственно 35,2 и 37,6 %). От инфекций детей умирало меньше, чем от несчастных случаев, отравлений и травм. На недоучет смертей младенцев указывает их более низкая смертность в сельской местности с 1962 г. Младенцы погибали в селе чаще всего от пневмонии, кори, туберкулеза и несчастных случаев. При общей тенденции к снижению смертности по всем регионам за 1960–1967 гг. колебания ее показателей достигали большого размаха: могли различаться в 2 раза и более. Например, в Кочковском районе в 1965 г. показатель младенческой смертности составлял 25,1 ‰, в 1966 г. – 13,8, в 1967 г. – 23,5 ‰; в Куйбышевском районе соответственно 18,3, 14,2 и 32,8 ‰; в Чановском – 34,1, 11,7 и 30,1 ‰¹⁵. Минимальные показатели наблюдались в 1968 г. в селах Татарского района – 9,1 ‰ и в Бердске – 11,1 ‰. Максимум отмечен в Сузуне – 46,2 ‰¹⁶.

Областное статуправление Новосибирской области в 1966 г. отмечало снижение смертности у детей и молодежи, а для в старших возрастах – ее существенный рост¹⁷. В 1967 г. был отмечен рост повозрастной смертности от сердечно-сосудистых заболеваний и болезней органов кровообращения. По сравнению с 1961 г. число умерших от гипертонии увеличилось на 62,7 %, ревматизма — в 2,2 раза, от инфарктов (без гипертонии) — в 2,7 раза. Число умерших от сердечно-сосудистых заболеваний увеличилось на четверть, у 30–39-летних – на 63,4 %; у 40–49-летних –

на 47%; у 50–59-летних – на 9%; у лиц старше 60 лет – на 21,1 ‰¹⁸.

Средний возраст умерших от сердечно-сосудистых заболеваний уменьшился на два года. Причем в городах данный показатель смертности вырос на 15 %, а в селах – более чем на 50 %. Это свидетельство стало об улучшении качества учета – реальный диагноз ставился после осмотра врачом, а не фельдшером. Документами, на основании которых загсами выдавались свидетельства о смерти, были: врачебное свидетельство, фельдшерская справка и свидетельские показания. В 1964 г. в РСФСР доля врачебных свидетельств составляла 70,7 %, фельдшерских справок – 29,2, свидетельских показаний – 0,1 ‰¹⁹. Такой учет позволял в дальнейшем скорректировать распределение смертей по причинам. Наряду с изменениями в структуре смертности населения следует отметить значительное омоложение умерших. Доля скончавшихся от сердечно-сосудистых заболеваний выросла с 21,3 % в 1959 г. до 28,3 % в 1967 г. Число смертей от сердечно-сосудистых заболеваний с 1964 г. постоянно увеличивалось (табл. 4). В возрасте до 40 лет смертность от сердечно-сосудистых заболеваний в 1958–1964 гг. увеличилась в 3 раза. В возрастах до 30 лет и старше 60 лет смертность от ревматизма снижалась, во всех других увеличивалась.

Существенно увеличилась смертность от злокачественных новообразований. С 1958 по 1967 г. ее рост в Новосибирской области составил 30 %, в том числе за 1965–1967 гг. – на 8,3 ‰²⁰. Наибольший рост отмечался от рака органов дыхания – 81 %, молочной железы – 80 %. Доля умерших от рака желудка снизилась с 40,6 % в 1958 г. до 36,6 % в 1967 г.²¹. Быстрее, чем у жителей села, увеличивалась смертность горожан от

¹⁵ Естественное и механическое движение населения. С. 20, 21, 23.

¹⁶ Здравоохранение Новосибирской области. Новосибирск, 1969. С. 7–11.

¹⁷ Развитие культуры и здравоохранения. Новосибирск, 1966. С. 62, 64.

¹⁸ ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 8666. Л. 172–174.

¹⁹ ИАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 4467. Л. 171.

²⁰ ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 8666. Л. 172–174, 176.

²¹ Естественное и механическое движение населения. С. 9; Развитие культуры и здравоохранения Новосибирской области. Новосибирск, 1966. С. 65.

Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний в Новосибирской области в 1959–1967 гг.*

Год	Число умерших на 100 тыс. жителей, абс.		
	Всего	Город	Село
1959	160,0	169,2	148,5
1960	158,4	161,3	154,6
1961	161,2	164,4	156,9
1962	163,1	167,7	156,6
1963	157,4	163,4	148,0
1964	149,5	150,5	147,9
1965	183,1	173,5	197,2
1966	200,7	176,9	239,4
1967	204,5	193,2	223,5

* ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 8666. Л. 173.

онкологических заболеваний. Ее удельный вес составлял 62–66 % от всех умерших в области от новообразований²². Это превышало долю горожан в населении, хотя возрастной состав горожан был моложе. Быстрый рост смертности от онкологических заболеваний влиял на снижение среднего возраста умерших. Структура смертности от онкологических заболеваний, повышение удельного веса умерших от новообразований свидетельствовали об экологическом неблагополучии в регионе. И. М. Савицкий связывает это с испытаниями ядерного оружия, сопровождавшимися выпадением радиоактивных осадков и загрязнением местности осколками ступеней ракет с остатками ядовитого топлива [10, с. 97–99].

Смертность от всех причин (кроме новообразований) была выше в сельской местности. На селян Новосибирской области приходилось в 1965 г. 49,3 % умерших от туберкулеза, а в 1967 г. – 51,5 % от умерших по этой причине в области. А умерших от инфекционных и паразитарных заболеваний здесь было 51 %. Разрыв с 1967 г. между городом и деревней стал увеличиваться. Быстро прирастала смертность от несчастных случаев, отравлений и травм (в городах смертность от этих причин снижалась). В сельской местности значительной оставалась смертность от такой причины, как «старость». За этой формулировкой чаще всего скрывались новообразования, сердечно-сосудистые заболевания и болезни органов кровообращения. При сравнении причин смертности в районах выясняется, что доля умерших, которым поставлен диагноз «старость», колеблется от 3–4 до 35–37 %. То есть в некоторых районах практически всем умершим старше 70 лет (особенно в сельской местности) выставлялся посмертный диагноз «старость». В Новосибирской области к таким районам относились, например, Северный, Кыштовский, Болотнинский.

Население Западной Сибири, как и все население России, переживало этап демографической эволю-

ции. В Западной Сибири имелись следующие особенности: более быстрое снижение рождаемости, стабилизация общей смертности на более низком уровне, чем по стране в целом, причем из-за молодой возрастной структуры более низкие показатели смертности скрывали повышенную повозрастную смертность населения. Рост смертности как в городах, так и сельской местности Западной Сибири был более быстрым, чем в РСФСР. Старение населения в изучаемый период не могло оказать существенного влияния на рост смертности сибиряков. Значительный вклад в рост смертности вносило улучшение качества учета смертей (это проявилось в 1970-е гг., когда смертность новорожденных в регионе быстро прирастала, в отличие от европейских районов РСФСР), а улучшение диагностики заметно меняло структуру смертности. Отставание региона в социально-экономическом отношении от европейской части России усилилось. Увеличилось потребление алкоголя и табачных изделий. Вместе с тем финансирование здравоохранения отставало от нормативов и не соответствовало реальным нуждам региона. Все эти причины в совокупности привели к отставанию Западной Сибири по продолжительности жизни от общероссийских показателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Левецкий Е.М.* Экономико-статистическое исследование воспроизводства населения Сибири и Дальнего Востока на основе таблиц продолжительности жизни. Новосибирск, 1962. 143 с.
2. *Население, трудовые ресурсы и уровень жизни в Западной Сибири. 1959–1980 гг.* : в 2 ч. Ч. 1. / науч. ред. Е.Д. Малинин. Новосибирск, 1970. 239 с.
3. *Малинин Е.Л., Ушаков А.К.* Население Сибири. М., 1976. 168 с.
4. *Население Западной Сибири в XX веке* / отв. ред. Н.Я. Гушин, В.А. Исупов. Новосибирск, 1997. 172 с.
5. *Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XXв.)* / А.А. Бурматов, О.Б. Дашинамжилов, В.А. Зверев, В.А. Исупов, Н.С. Коробейникова, В.А. Ламин, М.А. Семенов; отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск, 2017. 350 с.

²² Естественное и механическое движение населения. С. 9–12.

6. Дашинамжилов О.Б. Смертность городского населения Западной Сибири в 1959–1970 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 4. С. 82–87.

7. Бурматов А.А. Эволюция смертности населения Западной Сибири в 1950–1970 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 4. С. 75–81.

8. Григорьев Ю.А. Многомерная территориальная типология продолжительности жизни населения (методологические и прикладные задачи). Новокузнецк, 2011. 87 с.

9. Введение в демографию / под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. М., 2002. 636 с.

10. Савицкий И.М. Экологические последствия испытаний ядерного оружия и ракетной техники в Западной Сибири (1950-е – первая половина 90-х гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2. С. 95–100.

REFERENCES

1. Levitsky E.M. Economic and statistical study of population reproduction in Siberia and the Far East based on life expectancy tables. Novosibirsk, 1962, 143 p. (In Russ.)

2. Malinin E.D. (ed.) Population, labor resources and living standards in West Siberia. 1959–1980. vol. 1. Novosibirsk, 1970, 239 p. (In Russ.)

3. Malinin E.D., Ushakov A.K. Siberian population. Moscow, 1976, 168 p. (In Russ.)

4. Gushchin N.I., Isupov V.A. (eds.) The population of West Siberia in the XX century. Novosibirsk, 1997, 172 p. (In Russ.)

5. Burmatov A.A., Dashinamzhilov O.B., Zverev V.A., Isupov V.A., Korobeinikova N.S., Lamin V.A., Semenov M.A. Demographic history of West Siberia (the late XIX – XX centuries). Novosibirsk, 2017, 350 p. (In Russ.)

6. Dashinamzhilov O.B. The mortality rate of urban population in West Siberia in 1959–1970. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2017, no. 4, pp. 82–87. (In Russ.)

7. Burmatov A.A. The mortality rate evolution in West Siberia in 1950–1970. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2017, no. 4, pp. 75–81. (In Russ.)

8. Grigoriev Y.A. Multidimensional territorial typology of the population's life expectancy (methodical and applied problems) Novokuznetsk, 2011, 87 p. (In Russ.)

9. Iontsev V.A., Sagradov A.A. (eds.) Introduction to demography. Moscow, 2002, 636 p. (In Russ.)

10. Savitsky I.M. Ecological consequences of testing nuclear weapons and missile technology in West Siberia (1950 – early 1990s). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 1999, no. 2, pp. 95–100. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 03.10.2019

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20190414

УДК 947.083 + 002.5(09)

А.А. СТАРЫШКИНА

РУССКИЕ ЖУРНАЛИСТКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в. – АВТОРЫ ЭГО-ДОКУМЕНТОВ

Новосибирская государственная областная научная библиотека,
РФ, 630007, г. Новосибирск, ул. Советская, д. 6.

Статья посвящена выявлению ключевых характеристик корпуса русских журналисток – авторов эго-документов второй половины XIX – начала XX в. Авторский корпус, при всей его относительной немногочисленности, разнообразен в качественном отношении. В статье охарактеризовано сословное происхождение, образовательный уровень, семейный статус, профессиональная деятельность женщин – авторов текстов воспоминаний, автобиографий, писем и дневников. Главными источниками для статьи являются эго-документы, принадлежащие журналисткам. Кроме того, используются словари и другие издания библиографического характера, а также привлекаются работы исследователей, содержащие информацию о биографиях и профессиональной деятельности сотрудниц периодики второй половины XIX – начала XX в., оставивших источники личного происхождения.

Ключевые слова: эго-документы, русские журналистки, авторский состав, сословное происхождение, образование, профессиональная специализация.

A.A. STARYSHKINA

RUSSIAN WOMEN JOURNALISTS OF THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES AS AUTHORS OF EGO-DOCUMENTS

Novosibirsk State Regional Scientific Library,
6, Sovetskaya str., Novosibirsk, 630007, Russian Federation

The article is devoted to the identification of key characteristics of the Russian women-journalists' corpus – who were authors of ego-documents at the second half of the XIX – early XX centuries. The author establishes social origin, educational level, marital status and professional specialization of women – authors of texts of memoirs, autobiographies and diaries. The main sources of the article are the ego-documents of women journalists. The author uses dictionaries and other editions of biobibliographical nature, as well as research papers containing information about biography and professional activity of staff members of periodicals, who left sources of personal origin. The author's composition varied in quality despite its relatively small size. It includes employees of periodicals, who were of a noble, merchant, spiritual and peasant origin. Social status together with generational affiliation had a significant impact on the methods of upbringing, concept of education and its level among the future women journalists. The high level of education allowed holding various positions in the editorial office, as well as having a wide professional specialization. Among the journalists who left ego-documents are publishers, editors, department heads, secretaries, proofreaders, feuilletonists, reporters, correspondents, columnists, literary and theatrical critics and reviewers, translators, novelists. At the same time, women often combined these activities at different stages of their lives, or they held multiple positions at the same time. Marital status influenced the professional career. A significant problem for women journalists was the need to combine professional activity and family life. Most of female employees in the periodicals were married, others were in a civil marriage and had illegitimate children. Some practiced a form of family relationship different from the traditional one.

Key words: ego-documents, Russian journalists, authorship, social origin, education, professional activities.

Анастасия Андреевна Старышкина – сотрудник Новосибирской государственной областной научной библиотеки, e-mail: staryshkina@mail.ru

Anastasia A. Staryshkina – Researcher Novosibirsk State Regional Scientific Library.

Вторая половина XIX – начало XX в. – время интенсивных изменений в структуре российского общества, социальном статусе женщин, их образовательном и культурном уровне. В этот период заметно меняются жизненные ориентиры, ценности и стратегии женщин, чаще ставших искать самостоятельности. По мнению Э. Вуд, женская эмансипация и экономическая ситуация в России подтолкнули женщин к поиску работы [1]. Одной из доступных профессий для них стала журналистика. Об этом свидетельствует статистика, приведенная А.И. Рейтблатом [2, с. 254, 263, 269].

В настоящей статье мы ставим перед собой задачу – выявить ключевые характеристики авторского корпуса русских журналисток второй половины XIX – начала XX в., оставивших эго-документы. Прежде всего, речь идет об их сословном и семейном статусе, образовательном уровне и профессиональной специализации. Мы считаем, что данные характеристики позволяют понять, какие факторы повлияли на интерпретацию событий в их эго-документах, выяснить социокультурные представления сотрудниц периодических изданий.

Хотя специальных работ, посвященных этой теме нет, интересующую нас информацию содержат эго-документы сотрудниц периодики, а также биобиблиографические издания. Словарей, в которых содержатся необходимые данные, имеется огромное количество, однако укажем лишь те, что оказались наиболее полезны для данной работы¹ [3–13]. Кроме того, важную информацию содержит сборник «На помощь учащимся женщинам», включающий биографические тексты о некоторых наших героинях [14]. Отдельный пласт литературы составляют статьи, в которых рассматриваются биографии и профессиональная деятельность журналисток. Некоторые из них перечислены в справочнике Н.Л. Пушкаревой [15].

Интересно, что не все сотрудницы периодики в эго-документах прямо называли или упоминали свое сословное происхождение, поскольку в изучаемый период его границы размываются и становятся все эфемернее. Для наших героинь был важнее факт их профессиональной принадлежности. Из 45 авторов эго-документов удалось установить сословный статус 35, при этом 27 из них происходили из дворянских семей, из купеческого сословия – 6, духовного – 1, из крестьян – 1. Это объяснимо, поскольку именно дворяне имели самый легкий доступ к образованию, необходимому условию для работы в печатных изданиях. Кроме того, данный факт объясняется традиционным для Российской империи предпочтением дворянства другим сословиям.

Среди женщин в журналистике данного периода присутствуют представители и аристократии, и древних родов, и обедневших дворян. Не для всех женщин из дворянства главным мотивом для работы в органах печати стал материальный вопрос, возникший в связи с отсутствием финансовой помощи от родителей или мужа. То же можно сказать и о журналистках – представительницах купеческого сословия. Характерно, что 4 из 6 сотрудниц периодики, вышедших из купеческих семей, были также издательницами

органов печати (П.Н. Ариян, А.И. Волкова, А.А. Давыдова, А.Н. Пешкова-Толиверова). Для некоторых женщин журналистика еще в юности стала той соломинкой, которая помогла справиться им с бедственным денежным положением. Так, В.Н. Цеховской пришлось искать самостоятельного заработка в 17 лет, когда многие ее ровесницы «еще продолжали учиться в стенах Кременчугской гимназии». Ей повезло – удалось по знакомству устроиться репортером в газету «Киевское слово» [16, с. 123].

Сословное происхождение во многом предопределяло формы воспитания, хотя не менее важное значение имела в этом плане сама эпоха, в которую происходило становление личности ребенка. Детство большинства наших героинь пришлось на пореформенное время, наложившее отпечаток на их социализацию и мировоззрение. Существенные изменения затронули практики воспитания. Эпоха Великих реформ диктовала другой паттерн отношения к детям. Если журналистки, детство которых пришлось на 1840–1850-е гг., часто отмечали некоторую отдаленность от родителей, большую роль няни и гувернантки, то женщины, родившиеся в 1860-е гг. и позже, вспоминали довлеющую роль матери в период их взросления. Так, А.В. Тыркова, рассуждая о несхожести судеб и характеров своих братьев и сестер, замечает: «И каждый из нас представлял отдельный мирок, который мама изучала пристально, неустанно, любовно. Одно было у всех общее, сходное – наша любовь к маме... И ее любовь к нам, в которую она вносила столько оттенков. Для каждого из нас находила особые дары. Никого не обделяла. Ее большой души на всех хватало» [17, с. 13]. Контраст с этим составляет рассказ М.К. Цебриковой о родителях: «Право писательства пришлось брать с бою. <...> Мать, институтка старого типа, была возмущена оррерами, которые я писала, и она жгла мои рукописи. Я зашивала их под юбки и, когда накапливалось достаточно черняков, носила их в гавань, в морские казармы, для переписки писарю, мужу няни» [18, с. 104].

На образовательный уровень журналисток оказывало влияние не только сословное происхождение. Рожденным в 1830–1840-е гг. женщинам было труднее получить хорошее образование, если их родители не обладали средствами для его обеспечения. Доступ в гимназии для женщин был открыт благодаря эпохе Великих реформ, а это расширяло возможности для дальнейшего трудоустройства. В 1830–1840-е гг. из 16 журналисток 6 имели только домашнее (хотя часто и очень хорошее) образование, 5 получили дополнительное в частных пансионах, а 2 – в Смольном институте благородных девиц. Исключение из правил составляют Е.А. Апрельева (выдержавшая экзамен на звание домашней учительницы и слушавшая лекции в университете Женевы), А.М. Евреинова (ставшая первой из русских женщин, которой присвоили степень доктора права), Н.А. Белозерская (получившая Уваровскую ученую степень) и Е.О. Дубровина (учившаяся на фельдшерских и акушерских (Аларчинских) курсах).

Разительно отличается ситуация для тех, кто родился в 1850–1880-е гг. Здесь уже из 23 журналисток 15 учились на Высших женских курсах. При этом две сотрудницы периодики получали образование в университете Сорбонны, еще две женщины окончили Высшие врачебные курсы. Лишь 7 имели только гимназическое образование. Особняком стоят журналистки П.С. Соловьева, учившаяся в Школе живописи,

¹ Писательницы России: материалы для биобиблиографического словаря / сост. Ю. А. Горбунов // URL: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/Gorbunov/index.htm> (дата обращения: 14.07.2019).

вания и зодчества у И.М. Прянишникова и В.Д. Поленова; А.А. Вербицкая, окончившая курс в Елизаветинском институте благородных девиц, но не окончившая Московскую консерваторию по классу вокала за неимением средств, а также В.В. Тимофеева, получившая образование в благотворительном учебном заведении для девиц в Москве. К сожалению, уровень образования 6 женщин нам не удалось установить.

Как правило, женщины, получив образование, домашнее или университетское, занимались в дальнейшем самообразованием – это был путь длиною в жизнь. Помощниками иногда выступали знакомые мужчины, которые могли не только посредством уроков «подтянуть знания своим ученицам», но и предоставить другой источник информации – книги, часть которых находилась под запретом в семьях. Другим способом самообразования являлось чтение периодических изданий, о чем свидетельствуют, в частности, дневники А.И. Волковой, ставившей этот вопрос особенно остро [19]. Отчасти благодаря воспитанию и самообразованию, отчасти благодаря духу эпохи почти все журналистки занимали активную общественную позицию.

Образование позволяло женщинам занимать разные должности в редакции органа печати и иметь широкую профессиональную специализацию: одна и та же женщина могла быть и корреспондентом, и фельетонистом, и публицистом, и репортером, и театральным рецензентом, и редактором. С одной стороны, это говорит о еще неполной сформированности профессионального сообщества журналистов, где не требовалось специального образования для занятия той или иной должности. С другой стороны, разнообразие специализаций свидетельствует о довольно высоком уровне сформированности такого сообщества.

Самой распространенной специализацией была переводческая деятельность (31), однако только у А.Н. Шульговской она являлась основной и единственной работой. Популярность работы переводчика связана с ее востребованностью (иностранная литература пользовалась большой популярностью у читателя), а также ее относительной доступностью для женщин, которые в силу специфики образования часто владели несколькими языками. В большинстве случаев такая деятельность могла совмещаться с работой в других сферах журналистики. Переводчицы требовались не только в беллетристический отдел, но и в политический, который представлял собой компиляцию хроник из иностранной прессы (5 чел.).

Второй по популярности специализацией была беллетристика (включая и детскую литературу) – в ней было задействовано 26 женщин. Многие, становясь сотрудницами периодики, не всегда преследовали цель быть именно журналистками, а мечтали о «настоящей» литературе, в чем они и признавались в своих эго-документах. Однако те же женщины, что печатали свои художественные произведения, имели (одновременно с этим или в другой промежуток жизни) другую профессиональную специализацию, идентифицировали себя не только как писательницы, но и как журналистки. Публицистика немного уступает беллетристике по количеству пишущих в этом жанре (18 чел.). Данный факт отражает озабоченность женщин проблемами современности, их статьи являются продолжением, а иногда главным результатом их общественно-политической деятельности. В 1860–1880-х гг. (иногда в 1890-х) литературная (6 чел.)

и театральная (4 чел.) критика также была близка публицистике, поскольку, по замечанию журналисток, для того чтобы писать на эти темы, требовалось скорее не знание и понимание искусства, а умение и желание поднять те общественные проблемы, которые затронуты в произведении. Эти выводы можно распространить и на жанры очерков и путевые заметки, к которым также часто прибегали наши героини (4 чел.).

Из числа входивших в авторский корпус сотрудниц периодики можно выделить довольно ярких фельетонистов (6), корреспондентов (8), репортеров (2), обозревателей (2). Журналистки занимали должности в редакции или являлись издательницами органов печати. Среди входящих в состав авторского корпуса присутствуют корректоры (2), секретари (2), заведующие отделами (9), редакторы (8), издатели (8). Некоторые из них одновременно издавали и редактировали свое периодическое издание, заведовали его отделами и наполняли их материалами.

В связи с изменением гендерных ролей в результате модернизации в России, женщины, вовлеченные в профессиональную деятельность, должны были выстраивать новые жизненные стратегии, иначе расставлять приоритеты между частным и общественным, искать новые формы семейно-брачных отношений. По мнению М.В. Михайловой, «главной проблемой, встающей перед творческой женщиной, становилась невозможность совместить планомерную работу, которую требуют, например, занятия литературой, и любовь, семья»². Поэтому в мемуарах ряда журналисток, которые были замужем и имели детей, зафиксирован испытываемый ими полоролевой конфликт – для того, чтобы достичь профессиональных целей, необходимо было в какой-то степени пожертвовать семейными ценностями, и наоборот. Нам неизвестен брачный статус 3 женщин, но из остальных 43 сотрудниц периодики, входящих в авторский корпус, замужем состояли 36. Не у всех этот брак продержался всю их жизнь, у кого-то оборвался со смертью одного из супругов, 11 журналисток развелись или только разъехались с мужьями, а 6 из них вышли замуж повторно. Кроме того, А.М. Евреинова и Э.К. Пименова заключили фиктивные браки, но у последней он стал фактическим. В гражданском браке состояли в разные периоды жизни 4 женщины. Одна из них – З.А. Венгерова – жила в так называемом «тройственном союзе» с Н.М. Минским и Л.Н. Вилькиной [20., с. 205]. П.С. Соловьева спутницей жизни выбрала женщину – со-редактора «Тропинки» Н.И. Манасину [21., с. 362]. Некоторые из наших героинь выбрали жизнь без замужества (6).

Наличие детей также сильно сказывалось на выполнении профессиональных функций. Для некоторых журналисток это стало сдерживающим фактором для самореализации, а для других – еще одним стимулом к работе. Однако не все женщины упоминали о детях в эго-документах. Сведения о них трудно найти и в словарях, поэтому нам неизвестно, были ли дети у 15 из наших героинь. Судя по имеющимся материалам, детей имели 23 сотрудницы периодики. Число детей варьировалось от 1 до 5, но чаще всего в семьях

² Михайлова М.В. Русская интеллигенция Серебряного века: творческая и профессиональная самореализация женщины // URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/mihailova_i.htm (дата обращения: 08.05.15).

журналисток воспитывалось 2–3 ребенка. В авторском корпусе у 7 сотрудниц не было детей, причем 3 из них не были замужем. Вне института брака родили детей 6 женщин, работавших в органах печати.

Таким образом, корпус русских журналисток – авторов эго-документов, в изучаемый период был не велик в количественном отношении, но разнообразен в качественном. Сотрудницы периодики происходили из разных сословий (доминировало дворянство), имели часто различное образование (от домашнего до высшего), занимали разнообразные должности в редакциях, писали в рамках различных профессиональных специализаций, состояли в браке, пытались совместить семью и профессию или практиковали нетрадиционные формы семейных отношений. Русские журналистки были значимой частью этого профессионального сообщества, а их биографии (со всеми противоречиями), являются отражением той эпохи, к которой они принадлежали.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wood E.A. The Woman Question in Russia: Contradictions and Ambivalence // *A companion to Russian history* / ed. by A. Gleason. Blackwell Publishing, 2009. p. 353–367.
2. *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. 448 с.
3. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1 / под ред. П.А. Николаева. М., 1989. 671 с.
4. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2 / под ред. П.А. Николаева. М., 1992. 621 с.
5. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 3 / под ред. П.А. Николаева. М., 1994. 590 с.
6. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4 / под ред. П.А. Николаева. М., 1999. 703 с.
7. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 5 / под ред. П.А. Николаева. М., 2007. 799 с.
8. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). СПб., 1889. Т. 1. 1200 с.
9. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). СПб., 1891. Т. 2. 424 с.
10. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). СПб., 1892. Т. 3. 496 с.
11. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). СПб., 1895. Т. 4. 484 с.
12. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). СПб., 1897. Т. 5. 484 с.
13. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). СПб., 1904. Т. 6. 478 с.
14. Сборник на помощь учащимся женщинам. М., 1901. 490 с.
15. Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М., 2002. 526 с.
16. Цеховская В.Н. Из репортажских воспоминаний // *Голос минувшего*. № 7. 1913. С. 123–159.
17. Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет: Воспоминания известной писательницы и общественной деятельницы А.В. Тырковой-Вильямс (1869–1962). М., 1998. 560 с.
18. Могильяцкий А.И. Новые данные о М.К. Цебриковой // *Русская литература*. 1971. № 1. С. 104–111.
19. Волкова А.И. Воспоминания. Дневник / предисл. и ред. В.Е. Чехихина-Ветринского. М., 2015. 393 с.
20. *Neginsky R.* Письма Зинаиды Афанасьевны Венгеровой к Софье Григорьевне Балаховской-Петти // *Revue des études slaves*. Т. 67. Fascicule 1. 1995. p. 187–236.
21. *Mamuch O.* Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М., 2008. 400 с.

REFERENCES

1. Wood E. A. The woman question in Russia: contradictions and ambivalence. *A companion to Russian history*. Chichester, 2009, pp. 353–367.
2. *Reitblat A. I.* From Bova to Bal'mont and other works of historical sociology of Russian literature. Moscow, 2009, 448 p. (In Russ.)
3. *Nikolaev P. A.* (ed.) Russian writers. 1800–1917. Bibliographic dictionary. Vol. 1. Moscow, 1989, 671 p. (In Russ.)
4. *Nikolaev P. A.* (ed.) Russian writers. 1800–1917. Bibliographic dictionary. Vol. 2. Moscow, 1992, 621 p. (In Russ.)
5. *Nikolaev P. A.* (ed.) Russian writers. 1800–1917. Bibliographic dictionary. Vol. 3. Moscow, 1994, 590 p. (In Russ.)
6. *Nikolaev P. A.* (ed.) Russian writers. 1800–1917. Bibliographic dictionary. Vol. 4. Moscow, 1999, 703 p. (In Russ.)
7. *Nikolaev P. A.* (ed.) Russian writers. 1800–1917. Bibliographic dictionary. Vol. 5. Moscow, 2007, 799p. (In Russ.)
8. *Vengerov S. A.* A critical biographical dictionary of Russian writers and scholars (historical and literary collection). Saint Petersburg, 1889, vol. 1, 1200 p. (In Russ.)
9. *Vengerov S. A.* A critical biographical dictionary of Russian writers and scholars (historical and literary collection)). Saint Petersburg, 1891, vol. 2. 424 p. (In Russ.)
10. *Vengerov S. A.* A critical biographical dictionary of Russian writers and scholars (historical and literary collection). Saint Petersburg, 1892, vol. 3, 496 p. (In Russ.)
11. *Vengerov S. A.* A critical biographical dictionary of Russian writers and scholars (historical and literary collection). Saint Petersburg, 1895, vol. 4, 484 p. (In Russ.)
12. *Vengerov S. A.* A critical biographical dictionary of Russian writers and scholars (historical and literary collection). Saint Petersburg, 1897, vol. 5, 484 p. (In Russ.)
13. *Vengerov S. A.* A critical biographical dictionary of Russian writers and scholars (historical and literary collection). Saint Petersburg, 1904, vol. 6, 478 p. (In Russ.)
14. *Kushnerev I. N.* (*comp.*) Compilation to help learning women. Moscow, 1901, 490 p. (In Russ.)
15. *Pushkareva N. L.* Russian women: history and modernity. The history of studying the “female theme” by Russian and foreign science. 1800–2000. Material to bibliography. Moscow, 2002, 526 p. (In Russ.)
16. *Tsekhovskaya V. N.* From reporters' memoirs. *Golos minuvshogo*, 1913, no 7, pp. 23–159. (In Russ.)
17. *Tyrkova-Williams A. V.* Something that will never be: memories of a famous woman writer and public figure A. V. Tyrkova-Williams (1869–1962). Moscow, 1998, 560 p. (In Russ.)
18. *Mogil'nyanskiy A. I.* New information about M. K. Tsebrikova. *Russkaya literature*, 1971, no 1, pp. 104–111. (In Russ.)
19. *Volkova A. I.* Memorirs. Dairy. Moscow, 2015, 393 p. (In Russ.)
20. *Neginsky R.* Zinaida Afanas'evna Vengerova's letters to Sofiya Grigor'evna Balakhovskaya-Peti. *Revue des études slaves*, 1995, vol. 67, no. 1, pp. 187–236. (In Russ.)
21. *Matich O.* Erotic utopia: new religion consciousness and fin de siècle in Russia. Moscow, 2008, 400 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 23.09.2019

DOI: 10.15372/HSS20190415
УДК 902/904 (571.54)“1880/1930”

Я.В. ДИКИЙ

**ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ
КЯХТИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ
(КОНЕЦ XIX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX в.)***

Институт монголоведения буддологии и тибетологии СО РАН
РФ, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

В статье рассматривается формирование первых археологических коллекций Бурятии, хранящихся в старейшем музее Восточной Сибири – Кяхтинском краеведческом музее им. академика В.А. Обручева; дана хронология их создания и территория исследований. Под археологическими коллекциями мы понимаем комплексный исторический источник, включающий материальные остатки жизнедеятельности древнего человека, объединенные по принципу происхождения, авторства, отношению к исторической эпохе, а также письменные документы ученых-археологов, которые добыли и изучили эти археологические материалы. Собрание артефактов, созданное Ю.Д. Талько-Грынцевичем, А.П. Мостицем, П.С. Михно и другими учеными, стало необходимой основой исследований первых археологов, заинтересовавшихся древностями Бурятии. Коллекции включают опубликованные и неопубликованные письменные документы-отчеты, делопроизводственные документы, письма, что делает их комплексным историческим источником.

Ключевые слова: Кяхта, музей, исторический источник, коллекция, археологическая коллекция, Бурятия, Ю.Д. Талько-Грынцевич, П.С. Михно, А.П. Мостиц.

ДИКИЙ Я. В.

**HISTORY OF FORMING THE FIRST ARCHEOLOGICAL COLLECTIONS
IN KYAKHTA LOCAL LORE MUSEUM
(THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES)**

Institute of Mongolian Buddhism and Tibetology, SB RAS,
6, Sakh'yanyovoy str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation

The article deals with the formation of the first archaeological collections in Buryatia stored in the oldest museum of East Siberia – Kyakhta Local Lore Museum; gives the chronology of their creation and territorial coverage. The author defines an archaeological collection as a complex historical source, which includes the material remains of ancient human life united by the principle of origin, authorship, belonging to the historical era, as well as written documents of scientists-archaeologists, who excavated and studied these archaeological materials. The collection of artifacts created by Yu. D. Talko-Gryntsevich, A. P. Mostits, P. S. Mikhno and other first archaeologists studied the antiquities of Buryatia became a necessary basis that contributed to humanitarian science development in Buryatia. The collections are accompanied by published and unpublished written materials – reports, office documents, letters; this is what makes them a comprehensive historical source.

Key words: Kyakhta, museum, historical source, collection, archaeological collection, Buryatia, Yu. D. Talko -Gryntsevich, P. S. Mikhno, A. P. Mostits.

---

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.2016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

Ярослав Витальевич Дикий – аспирант лаборатории археологии, этнологии и антропологии Института монголоведения, буддологии, тибетологии СО РАН; e-mail: yaroslavdikii@gmail.com

Yaroslav V. Dikii — Postgraduate Laboratory of Archeology, Ethnology and Anthropology Institute of Mongolian Buddhism and Tibetology, SB RAS.

В современных условиях всеобщей информатизации перед музеями наряду с традиционными для них задачами учета и сохранения музейных предметов и коллекций стоят задачи расширения и углубления коммуникации с социальной средой, включения в широкий информационный обмен с научным сообществом. В музеях проводятся исследования по изучению и систематизации собраний, введению музейных коллекций в научный оборот, что способствует максимально полному раскрытию их потенциала для специалистов различных областей знания. В этом контексте источниковедческое исследование собственных собраний становится важной составляющей деятельности музеев.

Вместе с тем, изучение музейных памятников может способствовать решению ряда актуальных задач источниковедения, прежде всего реализации интегрированного подхода к исследованию источников различных типов и разработке методов комплексного источниковедческого исследования для более полного раскрытия их информационных возможностей. О необходимости развития этого направления неоднократно писали В.Л. Янин [1], О.М. Медушевская [2] и другие корифеи отечественного источниковедения.

Кяхтинский краеведческий музей им. Обручева, история которого началась в 1890 г., является одним из важнейших хранилищ памятников истории материальной и духовной культуры Бурятии. Его коллекции – важное звено в представлении исторических фактов, проведении исторических региональных научных исследований, однако в широкий научно-информационный оборот они введены фрагментарно. Если формирование и состав естественнонаучных коллекций рассмотрены в специальной монографии [3], то работ по истории формирования археологических коллекций Кяхтинского краеведческого музея практически нет. Археологические коллекции Кяхтинского музея еще не изучались с позиций источниковедения. Безусловно, к ним как к основному источнику по проблеме хунну на территории Забайкалья обращались С.С. Миняев [4] и П.Б. Коновалов [5]; многие исследования основаны на материалах из личных коллекций (А.Д. Цыбиктаров и др.).

В настоящей публикации, основанной на книге поступлений музея, показан процесс формирования первых археологических коллекций Бурятии и их роль для становления археологической науки в Бурятии.

Первые поступления в фонды музея связаны с такими выдающимися деятелями культуры, как Ю.Д. Талько-Грынцевич, Д.А. Клеменц, Г.Н. Потанин, П.С. Михно, А.П. Мостиц, Я.С. Смолен, А.Н. Чарушин.

Д.А. Клеменц определил принципы формирования фондов музея как «систематическое собрание произведений природы или каких-либо видов человеческого труда с целью наглядного и опытного изучения собранных предметов» [6]. Музей с момента создания на его базе Троицкосавско-Кяхтинского отделения Русского географического общества стал также научно-краеведческим центром Восточной Сибири, вскоре за ним закрепилось название «Сибирский Эрмитаж».

Роль музея как общественного института в становлении и развитии археологической науки в Бурятии отмечал А.П. Окладников: «в археологических исследованиях краеведческие музеи всегда занимали первостепенное место. Они являются, прежде всего, местом, куда стекаются самые

разнообразные и ценнейшие находки, которые в ином случае были бы утрачены для науки» [7, с. 255].

Археологическое собрание музея распределено между 12 авторскими коллекциями, причем значительная часть предметов до сих пор не включена в основной фонд Музея и хранится с полевыми шифрами. Более чем за сто лет истории музея несколько поколений археологов собрали свыше 8377 археологических предметов, многие материалы из раскопок на территории Кяхты, Троицкосавска и окрестностей опубликованы.

Наиболее весомый вклад в историю формирования первых археологических коллекций Кяхтинского краеведческого музея внес Ю.Д. Талько-Грынцевич – в его коллекции в основном фонде музея насчитывается 871 ед. хр.¹ Политический ссыльный, врач по профессии, он прибыл в Троицкосавск в 1892 г. и вел свои исследования в течение 16 лет, вплоть до отъезда в Польшу. Ю.Д. Талько-Грынцевич стоял у истоков организации систематических археологических и антропологических исследований в Бурятии. Материалы из его коллекции в основном относятся к бронзовому и раннему железному веку (Дырестуйский Култук, Царам, Талту-Дабан, Ильмовая Падь и др.). Он был первым, кто «добыл археологические данные» о хунну, подтвердив сведения имевшихся письменных источников. Всего Юлиан Доминикович произвел раскопки около 500 могил, среди них 100 хуннских захоронений [8, с. 72; 9, с. 12]. Его археологическая коллекция сопровождается «тщательно подготовленными, добросовестно документированными чертежами, фотографиями, планами и отчетами» [7, с. 259]; по результатам работ им опубликовано около 40 статей и сообщений.

Чуть позже в Бурятии начал археологические «разведочные работы» А.П. Мостиц, открывший более 200 местонахождений разных эпох. Им собрана коллекция эпохи камня, составлена карта археологических памятников в бассейне р. Селенги. Его коллекция археологических предметов насчитывает 527 ед. хр. (это нуклеусы, отщепы, скребки, каменные наконечники, ножи и др.), именно он стоял у истоков изучения палеолита Бурятии.

Самой большой стала коллекция П.С. Михно – 4992 ед. хр. Формирование этой коллекции происходило в 1895 – 1930 гг. В ее составе имеются предметы каменной индустрии (нуклеусы, скребки, каменные топоры и др.), бронзового и железного производства (наконечники стрел, железные лопатки, наконечники копей, фрагменты ножей и др.), а также украшения (каменные кольца, бусы и др.).

Ю.Д. Талько-Грынцевичу и П.С. Михно помогали Я.С. Смолен, А.М. Лушников и С.А. Успенский. В Кяхтинском краеведческом музее их работа нашла отражение в небольших авторских археологических коллекциях, в которых представлены бронзовые и железные изделия.

Рассмотрим подробнее хронологию создания археологических коллекций и соответственно расширение тематики и локализации исследований, основываясь на Книге поступлений Музея. Первые разведочные работы связаны с именем А.П. Мостица. В январе, феврале и июне 1891 г. он проводил исследования в районе Усть-Кяхты и обнару-

¹ Книга поступлений Кяхтинского краеведческого музея им. В.А. Обручева, Т.1,2.

жил боле 50 артефактов; в том же районе в 1894 г. начали археологические изыскания Ю.Д. Талько-Грынцевич (34 предмета) и А.М. Лушников (6), а в 1895 г. – Я.С. Смолев (4) и П.С. Михно. Заметим, что последний занимался лишь поверхностными работами, обследуя выдувы и аккумулируя подъемный материал. В 1895 г. он исследовал территорию в окрестностях Троицкосавска, Дурен, Урлуна, Жиндо (им обнаружено и передано в музей 93 предмета).

В 1896 г. масштабы и территория работ расширились. Так, А.П. Мостиц провел археологическую разведку по долинам рек Чикоя и Селенги (коллекцию пополнили 140 артефактов); Ю.Д. Талько-Грынцевич исследовал археологические памятники Усть-Кяхты, в Дуренах и Цаган-Усуне (музейное собрание пополнили 154 предмета); П.С. Михно работал в долине руч. Марына (притока Чикоя) и также в местности Дурены (103 предмета).

В 1897 г. работы П.С. Михно были продолжены у Средних Дурен и в окрестностях Троицкосавска (68 предметов), а А.П. Мостицем были выявлены стоянки на Селенге, Тамире и у Номохоево (43 артефакта); три предмета из окрестностей Усть-Кяхты добавил в коллекцию Я.С. Смолев.

С марта по ноябрь 1898 г. Ю.Д. Талько-Грынцевич проводил масштабные работы на могильнике в долине р. Суджа (коллекцию пополнили 398 археологических находок). А.П. Мостиц продолжил исследование долины р. Селенги (292 предмета); П.С. Михно в августе и сентябре обследовал местность Дурены вблизи Полканово, Харацай, Урлук и Хамнигадай (коллекцию пополнили 49 предметов).

В 1899 г. расширилась география исследований, но находки были немногочисленными: Ю.Д. Талько-Грынцевич в летний период провел раскопки в Усть-Кяхте, Наушках, Хайцегоре, Эдусе, в долине Чикоя (69 артефактов); П.С. Михно в марте и мае исследовал район ст. Ключи, Подлопатки, Харитоновка, Елань (10 предметов). В апреле 1900 г. он продолжил обследование местности Средние Дурены (129 предметов), а Ю.Д. Талько-Грынцевич в сентябре провел раскопки на могильнике Дырестуйский Култук (могилы 5,7,9,10,14), добавив в археологическую коллекцию Музея 113 артефактов.

1901 г. практически ничего не принес археологическому собранию музея, лишь Ю.Д. Талько-Грынцевич добавил 8 артефактов из местности Талгу-Дабан. В 1902 г. поступлений археологических предметов в Музей не зафиксировано. В 1903 г. Ю.Д. Талько-Грынцевич исследовал местности Царам, Падь Шаманская, Тамир, Аршан-Хундуй; в результате 85 артефактов были переданы в музей. Этот сезон стал ключительным для археологических изысканий Ю.Д. Талько-Грынцевича в Бурятии – в дальнейшем в Книге поступлений музея зафиксировано поступление от него двух предметов из окрестностей Троицкосавска в 1907 г. и шести – в 1912 г. Дальнейшее пополнение археологического собрания музея связано с именем П.С. Михно.

В 1903–1904 гг. П.С. Михно продолжал обследовать археологические памятники Забайкалья, в августе 1907 г. провел исследования в местностях Мензенская, Тамир, Байхор, Средние Дурены. Здесь он работал и в апреле 1911 г., и в марте 1912 г. За этот период археологическое собрание музея было пополнено на 119 предметов. В мае 1912 г. П.С. Михно совершил поездку в окрестности Майма-

чена и привез 295 артефактов для фондов музея, в сентябре того же года он обследовал выдувы по берегам Чикоя (доставлено 14 ед.). Затем в археологических изысканиях отмечен спад, за три последующих года в фонд музея поступило лишь 19 предметов.

Возобновил свои археологические исследования Петр Саввич лишь в 1922 г. Он провел работы на погребении Хара-Бусун (256 артефактов), а с апреля по октябрь обследовал долину р.Сава, Сафроново, пески между Троицкосавском и Кяхтой, Ботый Яма, Усть-Кираны и, конечно же, Дурены (270 предметов, в том числе из Дурен -104). Отметим, что масштабные работы в Дуренах были продолжены в июле – августе 1923 г. (341 предмет), летом 1924 г. (303 предмета), летом 1925 г. (217 предметов). В 1923 – 1924 гг. П.С. Михно работал не только в окрестностях уже известной Усть-Кяхты, но и на оз. Дзаргучеевское, увеличив коллекцию на 138 предметов.

В мае – октябре 1925 г. география исследований П.С. Михно не изменилась: это Маймачен, оз.Дзаргучеевское, Усть-Кяхта, Кяхта и Троицкосавск (291 артефакт). В том же году начинал свои исследования в местности Большой Луг С.А. Успенский, продолжив их в 1926 и 1928 гг. (40 предметов).

В сентябре 1926 г. П.С. Михно обследовал район р. Джиды и Номохоево, в результате коллекция пополнилась на 377 артефактов, а в 1927 г. – на 781. В сентябре 1927 г. исследования на рч. Сава дали 130 предметов, а спустя год на р.Чикой – 80. В 1928 г. П.С. Михно работал в окрестностях Усть-Кяхты, обследовал Петропавловку, Покровское, Хулдаг, Шаразарга, Эдуй, р. Чикой, Селендому, Киреть, Гусиное озеро, Цанагтай, Саву, Монастырскую Падь (188 предметов). Наиболее внушительное пополнение в фонды Музея обеспечили в 1928 г. его работы на мельнице Попова (523 артефакта), летом 1930 г. в музей от П.С. Михно поступило 69 артефактов из Полканова.

Первые археологические коллекции Бурятии являются уникальным источником для изучения ее древней истории, они же позволяют аргументированно говорить об уровне археологических изысканий в Бурятии первой трети XX в. Известно, что ценность каждой такой коллекции составляет множество археологических предметов, отражающих историческую эпоху. Однако, как считает Л.С. Клейн, «всякий археологический объект как аккумулятор информации не полон. Он дает нам не всю картину культуры или эпохи, а вырезку» [10, с. 101].

Таким образом, наиболее полным историческим источником становится такая археологическая коллекция, которая дополнена научной документацией (полевыми дневниками, отчетами, фотографиями и чертежами). Научная документация позволяет определить авторство, место, время и методы, применяемые в археологических изысканиях. Все это делает археологическую коллекцию уникальным, комплексным источником информации [11, с. 98]. Такого рода документация сопровождает археологические артефакты Кяхтинского музея, практически все они опубликованы. Эти материалы были использованы нами в качестве дополнительного источника для характеристики первых археологических коллекций музея. Например, суджинский материал Ю.Д. Талько-Грынцевича (археологический памятник Ильмовая Падь) опубли-

кован в «Трудах ТКОПО ИРГО» (1898, т. 1 вып. 2), содержит информацию о месте и времени проведенных работ, описание находок, разделенных на восемь групп; дневник раскопок и приложения с картой «кладбища», планом, рисунками исследованных могил и находок, кроме того, имеются данные измерений костей погребенных².

Известны и публикации А.П. Мостица с подробным описанием разведочных работ в окрестностях Усть-Кяхты: приводятся характеристика мест, классификация и описание находок (наконечники, скребки, нуклеусы, украшения, горшочные черепки, медные орудия), информация о размерах, форме, назначении предметов³.

Особого внимания заслуживают документы личного происхождения – письма Ю.Д. Талько-Грынцевича к П.С. Михно. В них обсуждаются вопросы археологии и антропологии региона, содержатся просьбы о содействии и сотрудничестве⁴.

Таким образом, в конце XIX – первой трети XX вв. в Кяхте сформировались базовые региональные археологические коллекции. Материалы этих коллекций охватывают эпоху камня, бронзовый и железный века. Археологические коллекции первых исследователей стали необходимым фундаментом для будущих археологических изысканий. Их востребованность и актуальность сохраняются и сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения: (Средневековый Новгород): учеб. пособ. М., 1977. 240 с.
2. Медушевская О.М. Теоретические проблемы источниковедения: учеб. пособ. М., 1977. 86 с.
3. Попова Е. Е., Цыбиктаров А. Д. История Кяхтинского краеведческого музея им. академика В. А. Обручева и его естественнонаучного собрания (1890 – 1990 гг.). Улан-Удэ, 2003. 320 с.
4. Миняев С.С. Археологические коллекции Кяхтинского музея как источник по гуннской проблеме // Тезисы науч.-практ. конф. посв. 100-летию Кяхтинского краеведческого музея им. академика В.А. Обручева. Улан-Удэ, 1990. С. 54–58.
5. Коновалов П.Б. Коллекция Кяхтинского музея в научных трудах по хуннологии // Тезисы науч.-практ. конф., посв. 100-летию Кяхтинского краеведческого музея им. академика В.А. Обручева. Улан-Удэ, 1990. С. 61–63.
6. Клеменц Д.А. Местные музеи и их значение в провинциальной жизни // Сибирский сборник. Приложение к «Восточному обозрению». Иркутск, 1893. Вып. 2. С. 1–35.
7. Окладников А.П. История и культура Бурятии: сб. ст. Улан-Удэ, 1976. 460 с.

8. Давыдова А.В. Гуннские памятники Забайкалья // Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Улан-Удэ, Вып. 1. С. 71–78.

9. Археологические памятники сунну. СПб.: Фонд «Азиатика», 1999. Вып. 4: Ю.Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. 123 с.

10. Клейн Л.С. Археологические источники: учеб. пособ. Л., 1978. 120 с.

11. Бердникова Н.Е. Археологические объекты, коллекции и проблемы хранения // Известия Иркут. гос. ун-та. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 10. С. 94 – 109.

REFERENCES

1. Yanin V. L. Essays on comprehensive source: (Medieval Novgorod). Moscow, 1977, 240 p. (In Russ.)
2. Medushevskaya O.M. Theoretical problems of source studies. Moscow, 1977, 86 p. (In Russ.)
3. Popova E. E., Tsybiktarov A. D. History of Kyakhta Local History Museum. Academician V.A. Obruchev and his collection of natural sciences (1890-1990). Ulan-Ude, 2003, 320 p. (In Russ.)
4. Minyaev S.S. Archaeological collections of the Kyakhta museum as a source for the Hun problem. *Tezisy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Kyakhtinskogo kraevedcheskogo muzeya im. akademika V.A. Obrucheva*. Ulan-Ude, 1990, pp. 54-58. (In Russ.)
5. Konovalov P.B. The collection of the Kyakhta museum in scientific works on Hunnology, *Tezisy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Kyakhtinskogo kraevedcheskogo muzeya im. akademika V.A. Obrucheva*. Ulan-Ude, 1990, pp. 61–63. (In Russ.)
6. Klements D.A. Local museums and their significance in provincial life. *Sibirskiy sbornik, Prilozhenie k «Vostochnomu obozreniyu»*. Irkutsk, 1893, iss. 2, pp. 1 – 35. (In Russ.)
7. Okladnikov A.P. History and culture of Buryatia. Digest of articles. Ulan-Ude, 1976, 460 p. (In Russ.)
8. Davydova A.V. Hun monuments of Transbaikalia. *Trudy Buryatskogo kompleksnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. Ulan-Ude. 1959, Iss 1., pp. 71–78. (In Russ.)
9. YU. D. Tal'ko-Gryncevich. Material to paleoethnology of Transbaikalia. Saint Petersburg, Aziatika 1999, 123 p. Archaeological sites of the Huns. Iss 4.) (In Russ.)
10. Klejn L.S. Archaeological sources: a textbook. Leningrad, 1978, 120 p. (In Russ.)
11. Berdnikova N.E. Archaeological sites, collections and storage problems. *Izvestiya Irkutskogo gos. un-ta. Seriya: Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya*. 2014, vol. 10, pp. 94 – 109. (In Russ.)

Статья принята редакцией 14.10.2019

² Общий фонд Кяхтинского краеведческого музея № 5786/7870 // Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела Императорского Русского Географического Общества. 1898г. Т.1, вып.2. 77 с.

³ Архивный фонд Кяхтинского краеведческого музея, № 5762/604

⁴ Там же (без номера).

DOI: 10.15372/HSS20190416
УДК 94(571.16)“1912/1918”

Г.М. ЗАПОРОЖЧЕНКО

**ТОМСКИЙ КООПЕРАТИВ «ДЕЯТЕЛЬ»
КАК ЧАСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА ГУБЕРНСКОГО ЦЕНТРА
(1912–1918 гг.)**

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

История потребительного общества «Деятель» в Томске в 1912–1918 гг. изучена на основе устава, отчетов, протоколов в рамках концепта модернизации, рассматривающего кооперацию в качестве экзоинновационного фактора модернизационного перехода. В «Деятеле» проявились характерные черты кооперативов того времени: недостаток опыта и контроля со стороны правления, хронический дефицит оборотных средств, погоня за коммерческой выгодой, неразвитость культурной деятельности. Они рассматриваются как следствие кризиса товарного и денежного рынка, ошибок и злоупотреблений со стороны кооперативного актива. В перспективе современных теорий экономики участия актуален кооперативный опыт объединения населения для решения насущных жизненных задач, формирования культуры социального действия.

Ключевые слова: потребительская кооперация, потребительное общество «Деятель», Томск, Сибирь, модернизация.

G.M. ZAPOROZHCHENKO

**COOPERATIVE “DEYATEL” IN TOMSK
AS PART OF THE SOCIO-CULTURAL IMAGE OF THE PROVINCIAL CENTER
(1912–1918)**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article studies the history of consumer society “Deyatel” (1912–1918) in Tomsk based on the Charter, reports, protocols in the framework of the modernization concept considering cooperation as an exo-innovation factor of the modernization transition. The author marks the ideological influence of social democrats and social revolutionaries on its activity. “Deyatel” had the cooperative common characteristics that time: a lack of experience and control by the managers, a chronic shortage of working capital, commercial benefits’ pursuit, weak development of cultural activities. The paper considers them as consequences of the commodity and money market crisis, managerial errors and abuses. The cooperative experience of uniting the population to solve urgent life problems, forming a culture of social action is relevant in the light of modern theories of the participation economy.

Key words: consumer cooperation, consumer society “Deyatel”, Tomsk, Siberia, modernization.

В панораме развития кооперативного движения в Сибири в начале XX в. особое внимание привлекают крупные городские общества потребителей. В перспективе современных теорий «экономики участия» опыт их деятельности вызывает интерес с точки зрения формирования элементов гражданского общества и культуры социального действия для решения насущных жизненных задач. Один из таких

крупных и известных кооперативов в Сибири – общество потребителей «Деятель» в Томске. Его история изучена на основе устава, отчетов правления, протоколов общих собраний, делопроизводственных документов губернских органов власти и Министерства внутренних дел.

Томская губерния считалась наиболее развитой в кооперативном отношении территорией Сибири [1, с. 145].

Галина Михайловна Запорожченко – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: galinakoop@yandex.ru.

Galina M. Zaporozhchenko – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History SB RAS.

В Томске со сотысячным населением, крупными группами служащих, рабочих, интеллигенции, студенчества, представителей крупной и средней буржуазии к 1917 г. насчитывалось около десятка потребительных обществ. Из них только «Деятель» являлся потребительским кооперативом с открытым членством¹, остальные представляли собой корпоративные «замкнутые» по составу потребительские организации.

Учредителями общества потребителей «Деятель» в 1912 г. являлись городские чиновники, в основном выходцы из мещанского и крестьянского сословий. Большинство пайщиков относилось к небогатой части городского населения и владело одним–двумя пятирублевыми паями, в то время как нормальный устав разрешал иметь десять десятирублевых паев². Две сотни первых участников нового дела собрали около 700 руб. паевого капитала. Первым председателем правления был избран статский советник И.В. Богомолов, которого в 1915 г. сменил чиновник П.Ю. Терру.

Торговля началась не сразу. В то время в потребительской кооперации практиковали «скидочную» систему – договаривались к взаимной выгоде с местными торговцами о скидках для членов кооператива. В марте 1913 г. открылась собственная лавка кооператива. Товарооборот первого года работы едва превысил 1200 руб. и не принес прибыли³.

Постепенно росло количество пайщиков и сумма паевого капитала. В 1914 г. в кооператив вступило более 300 чел., паевые накопления возросли до 1500 руб., товарооборот превысил 40 тыс. руб., небольшая прибыль от двух лавок составила 331 руб. К концу 1915 г. число пайщиков достигло 1000 чел., в шести кооперативных лавках в разных частях Томска продавали бакалейную, хлебную, мясную и рыбную продукцию. Торговые обороты по сравнению с предыдущим годом возросли в 5 раз и превысили 200 тыс. руб.⁴ Местная пресса с благоприятным настроением отмечала широкое и быстрое развитие кооперативной торговли⁵.

Вместе с тем в «Деятеле» проявились характерные для потребительских кооперативов того времени негативные черты. Недостаток опыта и контроля со стороны правления, непрофессиональный подбор продавцов и приказчиков приводили к систематическим кражам и недостачам, разорительным с коммерческой точки зрения операциям. В ноябре 1916 г. в канцелярию томского губернатора поступила анонимная жалоба на растраты и недобросовестные действия отдельных деятелей правления кооператива⁶. Общество постоянно испытывало дефицит оборотных средств, которые могло бы свободно вложить в закупочные операции. Это

происходило вследствие незначительной величины паевого капитала, невыполнения постановления общего собрания о получении заемных средств в Московском народном банке, продаж в кредит в течение первых двух лет (что сокращало поступления в кассу), неудачной попытки снабжать товарами из собственного склада подгородные потребительные общества, убыточной торговли в отдаленном на 35 верст от Томска Самусьском затоне. Закупка товаров на местном рынке, минуя непосредственных товаропроизводителей, не позволяла успешно конкурировать в ценах с частными торговцами. Убытки, кражи, недостачи «съедали» всю незначительную прибыль первых лет⁷.

Среди рядовых пайщиков наблюдалось пассивно-потребительское отношение к общественной работе, лишь отчетно-выборные кампании вызывали приливы интереса⁸. Природу кооперативного абсентеизма и низкого уровня членского участия проясняют отчасти результаты анкетирования, проведенного руководством «Деятеля» в 1915 г. Среди причин, которые, по мнению респондентов, сдерживали развитие кооперации в Томской губернии, указывались инертность пайщиков, слабое знакомство с кооперативными идеями и принципами, желание пользоваться благами кооперации, ничего не давая взамен⁹. При этом заинтересованность, желание активно участвовать в кооперативных делах и даже своевременное внесение пая наблюдались в большей степени у рабочих и мелких служащих по сравнению с более уважаемыми пайщиками – чиновниками и представителями интеллигентных профессий¹⁰.

В аппарате управления отчетливо проявлялась тенденция к групповщине и авторитарному стилю руководства. Члены правления занимались кооперативом в свободное время, регулярно проводили общие собрания и заседания кооперативного актива. Тем не менее практическое положение вещей привело к многочисленным упрекам в адрес правления в обособлении от членов кооператива «за стеной важной начальственной жизни»¹¹. Взаимопонимание и взаимодействие между пайщиками и правлением достигалось чаще всего в обстановке острых конфликтов, борьбы группировок и отдельных лиц. Так, бурные дискуссии вызвал вопрос о праве пайщиков и членов ревизионной комиссии присутствовать на заседаниях правления. Он был решен в пользу политики «открытых дверей», за которую ратовала оппозиционная правлению группа во главе с Д.И. Голицыным–Кутузовым и П.Н. Стечкиным¹².

Важно, что это обстоятельство побудило правление выработать определенные формы вовлечения пайщиков в дела общества. Например, было объявлено о формировании общественных комиссий (по оказанию помощи беженцам, заготовке дров, устройству пекарни, лекций и т. п.)¹³, порайон-

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 323. Л. 96.

² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 67. Д. 452. Л. 22–28.

³ Там же. Ф. 196. Оп. 7. Д. 25. Л. 1–9 [Отчет общества потребителей «Деятель» в г. Томске за время с 28 марта 1913 г. по 1 января 1914 г.].

⁴ Томское общество потребителей «Деятель»: отчет за 1915 год. Томск, 1916. С. 3.

⁵ Союз потребителей. 1915. № 31. С. 116.

⁶ Томское общество потребителей «Деятель»: отчет за 1915 год. С. 1–44; Сибирская жизнь. 1916. 12 мая.

⁷ ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 25. Л. 1–9 [Отчет общества потребителей «Деятель» за 1913 г.]; Томское общество потребителей «Деятель»: отчет за 1915 год. С. 1–44.

⁸ Сибирская жизнь. 1915. 25 апр.

⁹ Союз потребителей. 1915. № 17–18. С. 540.

¹⁰ Там же. № 15. С. 471–472.

¹¹ Там же. № 31. С. 1115–1118.

¹² Томское общество потребителей «Деятель». Отчет за 1915 г. С. 25–26 [Протокол общего собрания от 13 сентября 1915 г.].

¹³ Сибирская жизнь. 1915. 16 окт.

ных комитетов для наблюдения за работой лавок (чистой, вежливостью, едиными ценами, распределением дефицитных продуктов)¹⁴, о разработке проекта женской кооперативной лиги, где женщины занимали бы все ответственные должности¹⁵.

Продовольственный кризис в годы Первой мировой войны способствовал превращению потребительской кооперации в важный институт общегосударственной и местной жизни [2, с. 298–299]. Власть и общество стремились использовать торговый аппарат кооперации для снабжения населения и действующей армии продовольствием и предметами первой необходимости. «Деятель», как и другие городские кооперативы, разрабатывал планы совместной с городом продовольственной кампании. Он направил в городскую думу предложения об избрании городской продовольственной комиссии и обеспечении гласности ее работы, выяснении наличия продуктов на местном рынке, организации их подвоза к Томску, нормировании цен. С целью улучшения снабжения своих лавок продуктами общее собрание кооператива 30 апреля 1915 г. постановило увеличить отчисления в специальный закупочный фонд, расширить рынок закупок, установить тесные связи с другими организациями, борющимися с бастоварьем и дороговизной¹⁶.

Правление «Деятеля» под председательством П.Ю. Терпу приложило значительные усилия для организации выпечки хлеба. Собственная пекарня дала кооперативу значительную прибыль и была крайне важна для города, где с наплывом беженцев возросла потребность в печеном хлебе, а частные пекарни после введения твердой цены на муку ухудшили качество продукции и сократили ее объем¹⁷.

В 1915 г. томские власти еще не были склонны использовать кооперативные магазины для снабжения населения заготовленными городом продуктами. Активная позиция представителей кооператива в продовольственной комиссии, вызвавшая недовольство местных торгово-промышленных кругов, привела к тому, что мукомольные фирмы разрывали с «Деятелем» соглашения о поставках муки¹⁸. Конструктивных отношений с городским самоуправлением на этом этапе построить не удалось.

Между тем 1915 г. закончился с убытком, составившим вместе с недостачами и растратами 5200 руб., что превышало сумму паевого капитала, из которого по уставу надлежало возместить этот убыток¹⁹. Это стало поводом для всесторонней критики руководителей кооператива в ходе напряженной отчетно-выборной кампании в мае 1916 г.

В отчете правления общему собранию 8 мая 1916 г. приводились цифры, свидетельствующие о росте численности членов общества, о том, что его четырехлетняя деятельность, начавшаяся первыми неумелыми шагами, вылилась

в реальное общественно полезное дело. Но в обстоятельном заключении ревизионной комиссии акцент делался на огромных «безнадежных» долгах. Дело казалось на грани краха – без оборотного капитала, с существенно сокращенным товарным кредитом и небольшим запасом товаров в лавках и на складе.

Представители радикальных политических партий В.И. Анучин, Н.С. Васильев, Е.В. Захаров, А.Ф. Иванов обвинили правление в пренебрежении кооперативными задачами, следовании принципам частного предпринимательства²⁰. Там самым они обостряли враждебность потребителей по отношению к управленцам, самоотверженно работавшим на общественных началах, но принадлежавшим, как правило, к социально благополучным слоям населения. Вместе с тем, ораторы поднимали важную проблему сочетания максимально эффективной торговой деятельности с достижением наилучшего социального результата.

После многочасовых прений собрание избрало новое правление под председательством близкого к эсерам В.И. Анучина – известного сибирского этнографа, чиновника Томского округа путей сообщения. В новый состав правления вошли также большевики Н.С. Васильев и А.Ф. Иванов, близкий к эсерам Д.И. Голенищев-Кутузов. Они приняли меры к упрочению материального положения общества. Были приглашены на работу опытные бухгалтер и товаровед, «Деятель» вступил в Московский союз потребительных обществ, начал кредитоваться в Московском народном банке. В 1916 г. кооператив периодически получал из муниципальных заготовок крупы, сахар и муку для реализации всему населению города, в том числе по карточной системе²¹. В октябре 1916 г. представитель кооператива вошел в состав особого мукомольного бюро наряду с членами биржевого комитета и мукомолами Томска, Барнаула, Новоиколаевска²².

Кооперативная торговля играла важную роль в хозяйстве томичей. Цены в магазинах «Деятеля» мало отличались от среднерыночных, основные продукты (печеный хлеб, масло, рыба, яйца) продавались по твердым ценам, установленным томскими властями. Это обусловило многочисленные просьбы жителей Томска об организации кооперативной торговли в разных частях города. Правление подсчитало, что даже при отсутствии устойчивых дивидендов членство в «Деятеле» позволяло пайщикам экономить на закупке товаров первой необходимости до 50 руб. в год, что приравнивалось к средней месячной зарплате рабочего²³.

Инициированное еще старым правлением создание районного кооперативного союза завершилось подписанием 12 августа 1916 г. договора об учреждении торгово-промышленного товарищества кооперативов «Томский кооператор». На руководящие должности из «Деятеля» в товарищество перешли член ревизионной комиссии Д.И. Голенищев-Кутузов, председатель правления В.И. Анучин, член правления

¹⁴ ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 25. Л. 29; Голос Сибири. 1916. 7 дек.

¹⁵ Голос Сибири. 1916. 13 дек.

¹⁶ Томское общество потребителей «Деятель»: отчет за 1915 год. С. 21, 24.

¹⁷ Союз потребителей. 1915. № 23. С. 786.

¹⁸ Сибирская деревня. [Красноярск]. 1915. № 10–11. С. 28.

¹⁹ Томское общество потребителей «Деятель»: отчет за 1915 год. С. 3, 34; ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 25. Л. 16/5.

²⁰ Объединение. 1916. № 10. С. 18; Сибирская жизнь. 1916. 5, 8 мая.

²¹ Союз потребителей. 1916. № 27. С. 946; Сибирская жизнь. 1916. 14 мая, 16 июня, 18 нояб.

²² Голос Сибири. 1916. 30 окт.

²³ ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 25. Л. 15/3.

В.И. Кириллов. К концу 1916 г. половину своего почти полумиллионного товарооборота товарищество обеспечивало совместно с кооперативом «Деятель»²⁴. В целом деятельность товарищества, распространявшаяся на 422,4 тыс. чел. населения Томской губернии, характеризовалась как «беспримерно-универсальная», отвечавшая не только продовольственным, но широким общественным нуждам, что делало этот кооперативный союз своеобразным прототипом земских учреждений, остро необходимых обширному сибирскому краю²⁵.

На 1 января 1917 г. общество насчитывало 1957 членов, паевой капитал увеличился до 9810 руб., хотя для выгодных закупок, по мнению правления, требовалось не менее 15 тыс. руб. оборотных средств²⁶. Товарооборот за 1916 г. вдвое превысил оборот предыдущего года и достиг 438 тыс. руб., что говорило о широком охвате кооперативной торговлей населения города и прилегающих районов. Десятая часть товарооборота приходилась на пекарню с чистой прибылью 3555 руб. И все же, несмотря на полученный от ряда предприятий (магазины, пекарня, завод фруктовых вод) доход, операционный год не был закончен с положительным балансом²⁷.

Февральская революция и демократизация общественной жизни дали толчок новому подъему кооперативного движения, которое развивалось в обстановке продолжавшегося кризиса экономики, роста цен, разгула спекуляции товарами. В 1917 г. торговые обороты «Деятеля» увеличились почти в 4 раза, в том числе благодаря открытию двух новых лавок. Впервые общество закончило год с «небывалой» прибылью – 33 116 руб.²⁸ Правление, наконец, получило возможность списать накопившиеся долги.

Такая высокая прибыль, однако, объяснялась в основном высокими наценками, поднявшимися с 12 до 27 %²⁹. Это было не только следствием кризиса товарного и денежного рынка, но и отчасти мерой защиты от спекулянтов, раскупавших в лавках единственного в городе открытого кооператива «Деятель» товары первой необходимости по низким ценам с целью дальнейшей перепродажи в частных торговых заведениях.

Общее собрание 27 июня 1918 г. распределило прибыль в соответствии с положениями устава [3, с. 93]: 10 % было отчислено в основной капитал, 20 % – в запасной капитал, 12 % – на культурно-просветительные цели, 4,5 % – в ссудо-сберегательную кассу служащих, 35 % (11 625 руб.) – на прибавку к зарплате служащим в связи с дороговизной. Оставшиеся 18,5 % прибыли после уплаты необходимых налогов и вознаграждения членам правления зачислили в оборотный капитал³⁰. Дивиденды на паи и премии на забор товаров не начислялись.

Пример распределения прибыли в «Деятеле» подтверждает данные о наметившейся в годы войны тенденции не вы-

давать причитающиеся пайщикам выплаты из прибыли на руки, оставлять «в деле»³¹. Очевидно, что на это решение влияла обстановка военного времени, заставлявшая идти по пути максимального накопления средств для финансирования торговых операций.

Благодаря действенности уставных норм демократического самоуправления (о верховенстве общего собрания, двоецентрии правления и ревизионной комиссии, выборности, отчетности и сменяемости управляющих органов, равноправного голосования) все текущие и острые проблемы кооператива обсуждались на общих собраниях. Провалы в деятельности правления, одна часть которого «арестовывалась за спекуляцию, другая за идейные разногласия с властью имущими»³², рассматривались специальными комиссиями. «Деятель» находился под пристальным вниманием прессы и, конечно, под надзором губернской власти и жандармов как пристанище «множества политически неблагонадежных лиц».

В кооперативной сети городские кооперативы превосходили сельские по численности, масштабам деятельности, величине оборотов [4, с. 101]. Они имели важное значение для развития гражданской инициативы и самостоятельности. Кооперативы становились своеобразными школами общественной жизни: здесь вырабатывались навыки участия в общественной работе, ведения диалога, дискуссии, предлагались варианты разумного проведения досуга, самообразования. И если в первые сложные годы культурная работа в «Деятеле» была отодвинута на второй план, а избранная культурно-просветительная комиссия долгое время бездействовала, то с октября 1916 г. началось создание библиотеки-читальни, совместно с Обществом попечения о народном образовании проводились лекции по кооперативной тематике и семейные музыкально-драматические вечера. Двери кооперативных мероприятий были открыты для всех жителей города. Часть прибыли кооператив жертвовал городским заведениям на благотворительные цели³³.

После Февральской революции кооперация превратилась в значительную общественно-экономическую силу, выросла численно, кооперативная сеть в городах уплотнилась. Томские кооператоры укрепили свои позиции в общественной жизни губернии. В 1917 г. председатель правления «Деятеля» Н.С. Васильев принимал активное участие в работе I Губернского продовольственного съезда, член правления А.Ф. Иванов был направлен на финансовую работу в Томскую городскую думу, В.Н. Чепалов возглавил Томский совет рабочих депутатов.

В 1918–1919 гг. объединяющие функции для кооперативов Сибири выполнял Закупсбыт, занявший место Центросоюза (бывшего Московского союза потребительных обществ), связи с которым разрушились из-за Гражданской войны. С целью устранения лишних посредников в лице районных и губернских объединений и развития прямых отношений с Закупсбытом крупные городские общества создавали городские союзы кооперативов. Из 16 потреби-

²⁴ ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 25. Л. 19/11; Сибирская жизнь. 1916. 24 июля, 4, 14 авг.; 1917. 10 февр.

²⁵ Голос Сибири. [Новониколаевск]. 1916. 15 окт.

²⁶ Сибирская жизнь. 1916. 23 июня.

²⁷ ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 25. Л. 19/12–20/14.

²⁸ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 323. Л. 38.

²⁹ Там же. Л. 35 об.

³⁰ Рассчитано по материалам: Там же. Л. 39 об.–40.

³¹ Кооперативное слово (Чита). 1916. № 5. С. 3.

³² ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 323. Л. 38 об.

³³ Голос Сибири. 1916. 14 окт.

тельных обществ Томска «Деятель» инициировал создание закупочного бюро, которое работало до 1918 г., а затем было преобразовано в Союз городских обществ потребителей г. Томска³⁴.

До реформирования кооперативной системы на основе советских декретов 1918–1919 гг. «Деятель» оставался крупнейшим обществом потребителей в Томске: на 1 декабря 1919 г. в его рядах состояло 11 382³⁵ пайщика, общество обслуживало с учетом членов семей пайщиков около половины жителей города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Илимский Д.* Очерки сибирской кооперации: от распыленности к организации // *Сибирские записки.* 1916. № 1. С. 140–149.
2. *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009. 391 с.

3. *Меркулов А.В.* Как организовать и вести потребительное общество. Текст, законы, уставы, инструкции и пр. Пг., 1914. 318 с.

4. *Махов В.* Потребительская кооперация Сибири в процессе ее развития. Материалы по истории кооперации (1898–1920 гг.). Новониколаевск, 1923. 243 с.

REFERENCES

1. *Ilimskiy D.* Essays on Siberian societies: from dispersal to organization. *Sibirskie zapiski*, 1916, no. 1, pp. 140–149. (In Russ.)
2. *Korelin A.P.* Cooperation and cooperative movement in Russia. 1860–1917. Moscow, 2009, 391 p. (In Russ.)
3. *Merkulov A.V.* How to organize and lead a consumer society. Text, laws, statutes, instructions, etc. Petrograd, 1914, 318 p. (In Russ.)
4. *Makhov V.* Consumer cooperation of Siberia in the process of its development. Materials on the history of cooperation (1898–1920). Novonikolaevsk, 1923, 243 p. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 20.06.2019*

³⁴ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 539. Л. 1.

³⁵Там же. Д. 327. Л. 103.

DOI: 10.15372/HSS20190417
УДК 294.3+7.046.3+069:09 (045)

С.Г. БАТЫРЕВА

**МАТЕРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ НОМАДОВ:
ВОЙЛОК В ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ КАЛМЫЦКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ ЗАЯ-ПАНДИТЫ**

Калмыцкий научный центр РАН,
РФ, 358000 Республика Калмыкия, Элиста, ул. Илишкина, 8

В статье анализируется особое место музея сегодня в расширяющемся информационном пространстве. Трансляция обществу информации, многопрофильной и во многом уникальной, составляет суть музейного дела, определяемого его собранием. С сохранением и передачей информации, содержащей социальную память, связаны различные формы функционирования музея. Одной из них является экспозиционная как материальное выражение научной концепции Музея традиционной культуры им. Зая-Пандиты Калмыцкого научного центра РАН. В экспозиции музея особое внимание уделяется изделиям из войлока — основного традиционного материала этнической культуры номадов. Научная концепция музея находит реализацию в видовой и комплексной полноте коллекций, системно представленных в экспозиции.

Ключевые слова: экспозиция, информация, концепция, Музей им. Зая-Пандиты, калмыки, традиционное наследие номадов, войлок, коллекция.

S.G. BATYREVA

**MATERIAL LEGACY OF NOMADS:
FELT IN THE EXHIBITION OF THE MUSEUM OF KALMYK TRADITIONAL CULTURE
NAMED AFTER ZAYA-PANDITA**

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
8. Ilshkina Str, Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

The article devoted to the exposition of the Zay-Pandita Museum of KalmSC RAS, shows its originality in the iconic dominants of the nomads' economic activity. The specificity of culture is represented by the soft felt part of the home as a result of human adaptation to the natural environment. The problem of exhibiting is solved in the information field of a symbolic model of the house, rich in artifacts of crafts and, in particular, felting. The exposition module of the museum of traditional culture was found in the spherical, wooden frame of the "Ishkger" trolley, which enclosed the time and space of the nomadic universe in the circle of being. The felt-wooden structure of the dwelling is reconceptualized as the material context of the exposition, in which details and objects form an organic whole. The living sphere is likened to a natural panorama showcase in an open exhibit of the object environment. The species and complex completeness of the museum collections is presented in the historical and cultural approach and methodology of ethnocultural display of Kalmyk household items. The material is systematized according to the principle of sections uniting objects into "groups of cultural phenomena": tools, clothes, household items, religious accessories made of wood, metal, fabric, felt and leather. The decoration of a dwelling, ornamental quilted decor of felt mats conceptually assembled in an interior ensemble is perceived as a universal code of ethnic culture.

Key words: exposition, information, concept, Museum of Traditional Culture named after Zaya-pandita KalmSC RAS, Kalmyks, traditional heritage of nomads, felt, collection.

Экспозиция Музея калмыцкой традиционной культуры им. Зая-Пандиты КалмНЦ РАН содержит своеобразные *знаковые доминанты*, исторически обусловленные хозяй-

ственной деятельностью калмыков-номадов. Это определяет весьма продуктивный подход в реконструкции традиционного наследия, реализованной в экспозиции этнографиче-

Светлана Гарриевна Батырева — д-р искусствоведения, доцент, ведущий научный сотрудник Калмыцкого научного центра РАН, e-mail: sargere@mail.ru

Svetlana G. Batyreva — Doctor of Art Criticism, Associate Professor, Leading Researcher, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

ского профиля; сегодня этот подход широко используется [1, с. 165–172].

Предметная наглядность информативного ряда Музея им. Зая-Пандиты имеет *эколого-познавательную* значимость, акцентированную конструктивной основой мобильного жилища и других духовно-материальных явлений этнокультуры. Их синтез обусловлен гармоничными взаимосвязями человека, общества и природы. Цель такого «интегрированного музея» – содействовать развитию этнического самосознания «путем вовлечения населения в непосредственный контакт с естественной и культурной средой, выявления корней,ощернения творчества и воспитания бережного отношения к традициям, способствовать сохранению этой среды в целом» [2, с. 312–313].

Вместе с тем замысел собственно экомuzeя гораздо шире и связан с комплексным пониманием среды обитания человека, включая разнообразные культурные явления. Это предполагает выход музея за пределы традиционных задач и функций: идентификации, консервации и просвещения. Музей должен более полно входить в окружающую среду, в современный социум, что и обеспечивает его активное функционирование в жизни общества, его глубокую социокультурную значимость.

КОНЦЕПЦИЯ ЭКСПОЗИЦИИ

В русле научной концепции музея разработана и реализована схематическая структура экспозиции, изложенная в тематико-экспозиционном плане, представляющем основную идею концепции в разделах и экспозиционных вариантах [2, с. 427–463]. Культурологическое ядро музея КалмНЦ РАН, включающее этнические компоненты и базовые материалы предметной бытовой среды в жилище номадов, вместе с внешним информационным рядом составляют целостную экспозицию.

Информационный ряд экспозиции слагается в символической модели традиционного жилища, дополненного артефактами художественных ремесел номадов. В искусствоведческой трактовке калмыцкой традиционной культуры основополагающим принципом реконструкции является *историзм*, а подходами – сравнительно-типологический, семиотический, художественно-эстетический, которые в целом являются этнокультурологическими.

Коллекция предметов традиционного быта, собранная в процессе комплектования музея, постоянно пополняется. Привносимый материал в музейное собрание исследуется и вписывается в экспозицию, получающую таким образом дальнейшее развитие. В качестве базовых материалов предметного оформления выступают традиционные кожа, войлок, дерево, металл, ткань. Экспозиция, дополняемая формами «высокой культуры», а именно декоративно-прикладного искусства, в создании архитектурно-художественного ансамбля, доступна в образном осмыслении посетителю.

Экспозиционный модуль музея калмыцкой традиционной культуры найден в сферической, деревянной конструкции войлочной кибитки «ишкэ гер», замкнувшей в круге бытия время и пространство культуры номадов. Жилище являет собой *оптимальный тип мобильной архитектуры*,

выработанный в процессе адаптации населения к кочевому укладу животноводческого хозяйства. Простота и прочность конструкции, минимальное число деревянных и войлочных деталей, их целесообразность, продуманная до мелочей, взаимозаменяемость, легкость и пластичность исходных материалов, – все это отличает мобильный быт калмыков [3].

ВОЙЛОЧНОЕ ЖИЛИЩЕ В ТРАДИЦИОННОМ БЫТУ НОМАДОВ

В системном обзоре жилого пространства, создаваемого войлочным покрытием конструкции, важно акцентировать внимание на основополагающем материале кочевого уклада хозяйствования. Легкую, компактную и транспортабельную кибитку можно собрать или разобрать за 1–1,5 ч работы. Время зависит от соблюдения последовательности традиционной сборки-разборки деталей. Основные элементы конструкции жилища – деревянные, решетчатые, складывающиеся стены «терм», как правило, в количестве 6, при сборке образуют цилиндр высотой до 1,5 м и более. Крепятся они между собой волосными или кожаными веревками. Диаметр кибитки около 4–5 м и равен по традиции четырем диаметрам «харач». Жилое пространство может быть расширено за счет увеличения количества «терм» до 8, 12, 16 и более. Длинные деревянные жерди «унь» (60–80 и более) образуют вместе с кругом «харач» конус кибитки, покрываемый войлоком. Каждая жердь имеет заостренный верх, вводимый в лунку «харач» и нижнюю часть с кожаной петлей, надеваемой на головки рогов складных решеток «терм». На дымник «харач» устанавливается выпуклая крестовина «цаһрг», оформляющая верх кибитки и ориентирующая жилое пространство по сторонам света. Двустворчатая деревянная дверь «үүдн» с верхней и нижней перекладинами устанавливается между «терм» в направлении оси «север – юг». Вот, в принципе, и вся деревянная конструкция жилища, реконструированная в центре музейного пространства [3, с. 28 – 30].

В сквозной музейной модели подчеркнуты дверное войлочное покрытие, свернутое в валик над входом, тесьма «хошлнг» и половой настил войлочных покрытий. В быту их несколько: для дымохода (под ним устанавливается очаг с треножником) – «өрк хэрүлх», на сферу кибитки набрасывают две полости «деевр», на сочленения решеток и жердей – 2–4 полости «туурһ», на решетки стен – 2–4 полости «ирг» («киргвч»), а также полость на дверь «ишкэ үүдн». Каждая из полостей четырехугольной формы и определенного размера обшивалась по краям шерстяным шнуром и закреплялась на деревянном каркасе с помощью веревок или кожаных ремней «бүч». Войлок на стенной части снаружи кибитки придерживался и украшался вытканной узорчатой тесьмой «хошлн» с кистями. Летом боковые полости приподнимались с подветренной стороны с целью создания комфорта. Пол выстилался валяными циновками «ширдг» несколькими слоями. Таково в целом войлочное убранство кибитки, создающее необходимый микроклимат. Оно воспринимается в обходе вокруг кибитки слева направо, жилое пространство которой просматривается сквозь решетчатую деревянную конструкцию.

ЖИЛОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ЦЕНТР МИРОЗДАНИЯ НОМАДОВ

Пространство кибитки ориентировано входом на юг, спроецировано осью верхнего перекрестия «север-юг» на правую «барун бий» и левую «зүн бий» – мужскую и женскую половины. В предметном убранстве жилища нет ничего лишнего, целостность интерьера отработана кочевым укладом хозяйства. Центр сферического пространства – очаг; обозначенный треножником «тулһ», на котором ставился котёл «хээнс»; от очага к северу размещался низкий и круглый стол «ширэ». В северной – почетной части «гиичнрин бий» находился красный угол «шуһу», где на деревянном резном столике «тэклин ширэ» располагался алтарь. Здесь, согласно буддийскому канону, размещали культовую скульптуру «бурхн», иконы «шүтэн», молитвенные тексты «жодв» и другие металлические и деревянные атрибуты религии.

Рядом по правую сторону хранились семейные ценности в сундуках «авдр», поставленных друг на друга и прикрытых войлочными коврами «кевс». В сундуках и шкафах «үкг» помещались дорогая одежда, деньги, реликвии и постельные принадлежности. Все это объединялось общим названием имущества «баран», здесь на белых войлоках принимали почетных гостей. В хозяйской половине хранили принадлежности скотоводческого производства: конскую упряжь, плети, охотничье снаряжение, седла. Ближе к входу по правой стороне кибитки могла быть устроена небольшая клеть для молодняка, забираемого в холода, как правило, во время сакмана.

В левой половине находилась кровать «орн» с пологом, войлочными тюфяками, подушками и другими постельными принадлежностями, украшенными вышивкой и аппликацией. Здесь же хранились деревянная и кожаная хозяйственная утварь. В шкафчиках «үкг» и на полках «таг» находились сосуды для молока «чигэна сав», ведра «суулһ» и бурдюки «архд» для воды, а также кожаные мешки «тулм» и «түңгрцг» для круп, муки и твердых молочных продуктов. В хозяйстве женщины находилось место для люльки младенца «өлгэ» и детей, располагавшихся на войлочных циновках [4, с. 1–4; 5, БЛАНК с. 129–131].

Утварь и каркас жилища мастера-кибиточники вырезали из дерева, выдерживаемого для крепости в особых растворах и по-особому высушиваемого. Двустворчатая дверь была принадлежностью жилища состоятельных семей, в то время как у малоимущих использовался войлочный полог, орнаментальная аппликация которого впоследствии перешла в декоративную композицию деревянной двери.

В экскурсионном обзоре особое внимание уделяется кибитке «ишкэ гер», которая изготавливалась из натуральных материалов (дерева, кожи, войлока) и собиралась без единого гвоздя. Роспись резьбы по дереву, рогу и кости, тонированное кожаное тиснение, вышивка и аппликация тканых и войлочных изделий быта определяли декоративную выразительность интерьера. Красота и целесообразность, взаимосвязанные в народном искусстве, формировали художественный стиль предметов кочевого быта. Детально воспроизведенное убранство калмыцкой кибитки образует центральный этнографический комплекс музея.

Следует отметить, что в экспозиции музея традиционной культуры использование витрины (необходимого атрибута европейского музея) претерпевает существенную трансформацию. Экспонат, представляющий кочевой быт, уместен в естественной среде, отделять его от формы и функций среды не представляется правомочным. Войлочно-деревянный каркас калмыцкой кибитки переосмыслен как материальный атрибут музейной экспозиции, в которой каждая деталь и предмет органично взаимосвязаны. В пространстве воссозданного традиционного бытия сборно-разборная конструкция жилища выступает в качестве большой естественной витрины-панорамы в открытом экспонировании предметной среды кочевника.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ФОНДОВ И НАУЧНО-ПОИСКОВЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Формированию этнографического комплекса предшествовала работа в плане определения материальной основы музея в комплектовании фондов. При этом имелось в виду, что тематическое содержание предметов определяет специализированный профиль музея. Основой его функционирования является музейное собрание, его информационно-культурная значимость. Для реализации основных положений научной концепции музея необходима видовая и комплексная полнота коллекций, составляющих в целом собрание [6].

Создание музея повлекло за собой организацию научно-поисковых экспедиций с целью сбора предметов калмыцкой традиционной культуры. Многие этнографические коллекции в российских музеях XVIII – начала XX вв. сложились в результате целенаправленной поисковой деятельности отечественных ученых. Таковы, в частности, коллекции предметов материальной культуры монголоязычных народов, собранные для сибирских музеев Г.Н.Потаниным, В.А.Обручевым, Д.А.Клеменцем и др.

Формирование музея КалмНЦ РАН на рубеже XX–XXI вв. является критичным с позиций сохранности предметов калмыцкой традиционной культуры, особенно с учетом ее остаточного состояния после исторических перипетий XVII – XX вв., выпавших на долю народа (миграция из Западной Монголии, уход в 1771 г., пролетаризация, депортация 1943 – 1956 гг.). Поэтому комплектование подлинных предметов истории и калмыцкого кочевого быта изначально предполагало в случае невосполнимых утрат элементов традиционной культуры практиковать реконструкцию предметов, концептуально значимых для музейной экспозиции – по сохранившимся историческим и литературным источникам. Работа в «поле», по сбору нужной информации, добываемой нередко «по крупницам», проводилась комплексами научно-поисковыми экспедициями 2000–2001 гг. Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН после многолетнего перерыва в полевых исследованиях. Причиной было отсутствие их финансирования в перестроечный период конца XX в.

В материале, собранном автором во время выездов в районы республики [3, с. 101 – 109], отражена роль информантов, предоставивших не только необходимые сведения, но и предметы материальной культуры, сохранившиеся до наших дней. Благодаря целенаправленному сбору и науч-

ной реконструкции был скомплектован основной по экспозиционной значимости этнографический комплекс музейного собрания. Часть предметов калмыцкого кочевого быта представлена народными мастерами и художниками-профессионалами.

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКСПОНИРОВАНИЯ

В условиях музейного экспонирования важно сохранить целостное восприятие традиционной культуры. В практике моделирования музейного пространства применен наиболее целесообразный *ансамблевый метод* показа этнокультуры.

Создание ансамбля экспозиции предполагает выставить собранный материал в соответствии с классификационной системой, принятой в профильных научных дисциплинах – истории, этнологии и искусствознании. Основную структурную единицу составляет системный, или типологический ряд народного декоративно-прикладного искусства, представленный в центральном разделе постоянной экспозиции. Разнообразный этнографический материал систематизирован по принципу разделов, объединяющих предметы в «группы культурных явлений» [6, с. 26], представляемых в музее.

Тематическое содержание интерьера составляют орудия труда, утварь, одежда, культовые атрибуты из традиционных материалов (кожи, войлока, дерева, металла, ткани). Каждая группа экспонатов, в свою очередь, включает подгруппы: орудия мужского и женского труда; костюмы – мужской, женский, девичий и священнослужителя; произведения культового искусства (живопись, скульптура) и предметов быта.

Дифференциация «групп культурных явлений» связана с *материалом*, из которого изготовлены предметы. В такой системе можно рассматривать весь этнографический комплекс как совокупность традиционных ремесел, связанных с технологией изготовления и художественной обработкой предметов быта из дерева, кожи, металла, войлока или ткани. Ансамбль этнографического комплекса экспонатов из различных материалов объединен хозяйственным укладом в пространстве традиционного жилища. Центральный раздел экспозиции создан из *типологических рядов* бытовых предметов, прежде всего разного хозяйственного назначения. В совокупности они образуют обширную и содержательную информационно-образовательную коллекцию материалов, характеризующих калмыцкий традиционный кочевой быт.

В музейном пространстве такого рода подборка системно собранных предметов быта, их трактовка позволяют представленную информацию сделать более доступной для посетителей, раскрыть функции и назначение орудий труда, бытовой утвари, одежды, предметов культа.

ВОЙЛОК КАК ЗНАКОВАЯ ДОМИНАНТА ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НОМАДОВ

Своеобразными *знаковыми доминантами* как в смысле, так и дизайнерском выражении, исторически обусловленными традиционной хозяйственной деятельностью этноса, являются войлочные изделия, во многом обеспечивающие функционирование кочевого хозяйства. Из жилого

комплекса представлены войлочные покрытия, среди них – «деевр», укладываемая сверху на деревянную конструкцию. Наиболее интересную в декоре часть войлочной коллекции составляют циновки «ширдг», плотно сваляные из шерсти разного качества и украшенные стеганым узором. Эти изделия, относящиеся к XX и рубежу XX–XXI вв., поступили из Юстинского и Кетченеровского районов республики, а также из Западной Монголии (Улан Гом, Ховд, Булган) и Синьцзян-Уйгурского автономного округа Китая. Поступившие из этих стран экспонаты особо ценны для целей сравнительно-сопоставительного анализа узорного войлока с калмыцким материалом. Кибиточная тесьма «хошлнг», принадлежность конского снаряжения, образцы веревок и арканов, свитые из шерсти или конского волоса, предметы бытового назначения в музее представлены монгольскими образцами (Западная Монголия, Улан Гом), а также изделиями современных калмыцких мастеров (Д.Б. Нандышева, Е.Л. Адыяевой, В.Б. Басанговой, Н.П. Леджановой, М.З. Эльдеровой из пос. Кетченеры, пос. Цаган Аман, г. Элиста).

В единичных образцах имеются постельные принадлежности, изготовленные из войлока. Это тюфяки «деевскр» середины XX в. (дар мастерицы М.Б. Бадушевой) и аналогичные изделия современных авторов, а также подушки валикообразной формы «дер богц», перекидная сума «даалинг», украшенная тканевой аппликацией мастерицей В.Б. Басанговой (пос. Цаган-Аман Юстинского района Калмыкии). В жилом пространстве кибитки «ишкэ гер» использовались войлочные изделия, украшенные стежкой и аппликацией, кровать застилалась орнаментированной белой кошмой, пол – узорными войлочными циновками. Обрядовый характер в свадебном ритуале калмыков имело традиционное в порядке выкладывания войлоком брачное ложе. Заметим, наличие войлоков свидетельствовало о достатке семьи и мастерстве девушки на выданье, как правило, не засиживавшейся долго в отчем доме. Рукодельницы умели не только валять шерсть и окрашивать в нужный цвет, наносить узорную стежку на изделия из кожи и войлока, но также сучить нити из шерсти, искусно вытягивать золотые и серебряные нити, шить позументы для украшения одежды и изделий. Декор наносился на войлочную поверхность приемами аппликации, вышивки или простегивания шерстяными нитями (ранее использовались сухожилия животных) [7; 8, с. 102–103].

В музейной экспозиции также представлена валяная обувь, большей частью монгольского происхождения. В основном это дары, поступившие по линии сотрудничества от общества «Тодномингерл». Среди валяных из шерсти чулков «омсн» определенный интерес представляют «тооку» – обувь торговцев Западной Монголии (Улан Гом, Булган, Ховд) и Внутренней Монголии (Китай), снабженная кожаной подошвой и витыми шнурами для обвязки голенищ [9, с. 92 – 98].

Детали конского снаряжения – попона и потник российского изготовления довоенного периода (первая половина XX в., плохой сохранности) в комплекте с седлом – поступили в качестве дара от Д.Б. Манджиева (Ики-Бурульский район Калмыкии). Из современных изделий интерес представляют такие предметы, как ухватки «бярюль» и мячи «монда», сделанные мастерицами Е.Л. Адыяевой (г. Элиста) и Н.П. Леджановой (пос. Цаган-Аман). В коллекцию Музея

имени Зая-Пандиты Калмыцкого научного центра РАН входит большая войлочная полость «деевр» из купольного покрытия современного жилища ойратов (Западная Монголия, Улан Гом).

Достаточно разнообразный видовой состав предметов из войлока в постоянной экспозиции музея позволяет составить представление о хозяйстве скотоводов-номадов Евразии и Центральной Азии [10, с. 164-167]. В пространстве музейной экспозиции большое место занимают предметы быта, в частности валяные из шерсти изделия. Подчеркнуто значение войлока в сфере женского рукоделия, традиционно орнаментированного. Причем в орнаментальном декоре вещей стеганое изображение могло быть родовым знаком – «тамгой» древнего происхождения, подчеркивающим значимость символики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Собранные, согласно концепции, в ансамбле интерьера калмыцкой кибитки «ишкэ гер» (и вокруг нее) предметы быта воспринимаются в качестве универсального кода этнической культуры. Такое наследие отражает эстетические предпочтения монголоязычных номадов. Представленные здесь реконструкции не противоречат художественному образу экспозиции [11]. В предметах традиционной культуры, хозяйственного уклада и быта аккумулирована система мировоззрения и творческого сознания, транслирующая древний социокультурный опыт освоения окружающей природной среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батырева С.Г. Из опыта создания Музея калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты КИГИ РАН // Альманах-2002. Музеи Российской Академии наук. М: Наука, 2004, С.165 – 172.
2. Юренева Т.Ю. Музееведение: учеб. для высшей школы. М.: Академический проект, 2003, 560 с.
3. Батырева С.Г. Музей традиционной культуры в системе науки и образования. Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2007, 184 с.
4. Житецкий И.И. Очерки быта астраханских калмыков. М., 1893; Репр. изд. Элиста, 1991, 73 с.
5. Эрдниев У.Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калмиздат, 1970, 312 с. (3-е изд. перераб. и доп. : Элиста, 1985. 282 с.).
6. Система научного описания музейного предмета: классификация, методика, терминология: справочник. СПб: Изд. «Арт-люкс», 2003, 408 с.
7. Батырева С.Г. Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX–начала XX вв. Элиста: АОР «НПП «Джангар», 2006, 160 с.
8. Батырева С.Г. Войлок в калмыцком быту, художественная обработка // Искусство войлока в тюркском мире: история и современность: Материалы Междунар. симп. «Искусство войлока в тюркском мире: история и современность» (Казань, 29–30 января 2009 г.). Казань: Изд-во «Заман», 2013, С.102–103.
9. Батырева С.Г. Войлок ойратов Монголии в музейной коллекции КалмНЦ РАН как источник по изучению традиционной культуры калмыков // Magna adsurgit: historia studiorum. 2018, № 1. С.92 – 98.
10. Батырева С.Г. Войлок в системе комплектования музейного фонда КалмНЦ РАН // Бюл. Калм. науч. центра РАН. 2017, № 1. С. 164-167.
11. Кликс Р.Р. Художественное проектирование экспозиций. М.: Высш. шк., 1978, 368 с.

REFERENCES

1. Batyreva S.G. From the experience of creating the Museum of Kalmyk traditional culture named after Zaya-pandita of KIGI RAS Al'manakh-2002. Muzei Rossiyskoy Akademii nauk. Moscow, Nauka, 2004, pp.165–172. (In Russ.)
2. Yureneva T.Yu. Museology. Textbook for high school. Moscow, Academic project, 2003,560 p. (In Russ.)
3. Batyreva S.G. Museum of traditional culture in the system of science and education. Elista, ZAO NPP Dzhangar, 2007,184p. (In Russ.)
4. Zhitetskiy I.I. Essays on the life of Astrakhan Kalmyks. Moscow, 1893 (reprint edition) of Elista, 1991, 73 p. (In Russ.)
5. Erdniev U.E. Kalmyks. Historical and ethnographic essays. Elista: Kalmizdat (Kalm. Prince. Ed.), 1970, 312 p. (3rd ed. Rev. and add. 1985. 282 p.). (In Russ.)
6. The system of scientific description of the museum subject: classification, methodology, terminology. Directory. Saint Petersburg: Publishing House "Art Lux", 2003, 408 p. (In Russ.)
7. Batyreva S.G. Folk arts and crafts of Kalmyks XIX – early XX centuries. Elista: JSC NPP Dzhangar, 2006,160 p. (In Russ.)
8. Batyreva S.G. Felt in Kalmyk life, artistic processing. *Iskusstvo voyloka v tyurkskom mire: istoriya i sovremennost'.* Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma «Iskusstvo voyloka v tyurkskom mire: istoriya i sovremennost'» (Kazan', 29–30 yanvarya 2009 goda), avt.–sost. R.R. Sultanova. Kazan'. Izd-vo Zaman, 2013, pp.102–103. (In Russ.)
9. Batyreva S.G. Felt of the Oirats of Mongolia in the Museum Collection of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences as a Source for Studying the Traditional Kalmyk Culture. *Magna adsurgit: historia studiorum.* 2018, no. 1. p. 92-98. DOI 10.22162 / 2541-9749-2018-5-1-92-98. (In Russ.)
10. Batyreva S.G. Felt in the acquisition system of the museum fonds of KalmNTs RAS. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo issentra RAN.* 2017, no 1 (1). pp. 164–167. (In Russ.)
11. Klix R.R. Artistic design of expositions. Moscow.: Higher School, 1978, 368 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 10.10.2019

DOI: 10.15372/HSS20190418
УДК 39 + 572

РОДСТВО, СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ И КОММУНИКАЦИИ: РОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ

В условиях глобализации актуализируются проблемы преодоления неравенства и поиска справедливых механизмов распределения благ, что обусловлено неравномерным развитием капиталистической миро-системы. Порожденные ею социальные разрывы и напряженность связаны не только с усилением страновой и региональной дифференциации, но в немалой степени и с экономической многоукладностью и этническим разнообразием. Парадокс современного развития заключается в том, что глобализация, нивелируя различия и стирая национальные границы, в то же время усиливает значимость таких социальных институтов, которые, казалось бы, давно остались в прошлом: родство, землячество, этничность. Эффект одновременного сосуществования архаичных, традиционных и современных социальных институтов давно находится в центре пристального внимания историков, антропологов, социологов, этнологов.

Данное обстоятельство предопределило научную тему XIII Конгресса антропологов и этнологов России — «Системы родства, связей и коммуникаций в истории человечества: антропологический аспект», который состоялся в Казани 2 – 6 июля 2019 г. Конгрессы этнологов и антропологов России проводятся в различных городах России с 1995 г., один раз в два года Ассоциацией антропологов и этнологов России. Конгресс принимали у себя такие города, как Рязань (1995), Уфа (1997), Москва (1999, 2013), Нальчик (2001), Омск (2003), Санкт-Петербург (2005), Саранск (2007), Оренбург (2009), Петрозаводск (2011), Екатеринбург (2015), Ижевск (2017). Организаторами очередного конгресса в 2019 г. выступили помимо Ассоциации Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Академия наук Республики Татарстан (АН РТ) и Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан.

Масштабное мероприятие, собравшее в Казани более 800 ведущих специалистов, прошло на высоком организационном и научном уровне. В адрес оргкомитета конгресса поступили приветственные слова от имени Президента Российской Федерации В.В. Путина, Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова, ректора Казанского (Приволжского) федерального университета И.Р. Гафурова. Пленарное заседание Конгресса открыли выступления заместителя руководителя Администрации Президента Российской Федерации М. М. Магомедова и Председателя Государственного Совета Республики Татарстан, Председателя совета Ассамблеи народов Татарстана Ф. Х. Мухаметшина.

Пленарные доклады ведущих специалистов обозначили перечень перспективных направлений работы конгресса. Доклад Л.М. Дробжевой (Институт социологии РАН,

Москва) был посвящен динамике показателей гражданской идентичности россиян в сопоставлении с динамикой показателей других типов коллективной идентичности. Как свидетельствует сравнительный анализ результатов исследований, осуществленных коллективом под ее руководством в различных регионах России в 2005, 2015, 2018 гг., при сохранении примерно одинакового уровня показателей этнической солидарности очевиден рост показателей принадлежности к согражданству россиян и региональной идентичности. В большей степени россияне склонны солидаризироваться, как показали результаты исследования 2018 г., с представителями своего поколения.

В выступлении М. Ю. Мартыновой (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва) «Язык и языковая политика в России» поднимались вопросы изучения языкового многообразия населения России и проблемы школьного образования на национальных языках. В ее докладе приводилась статистика языкового разнообразия России, освещался статус государственного языка РФ и государственных языков ее субъектов, анализировались проблемы их изучения в средней школе, перспективы жизни языков народов России.

Развитию этнографических школ на постсоветском пространстве были посвящены доклады Т. А. Титовой и С. Е. Ажигали. Т.А.Титова (Казанский (Приволжский) федеральный университет) в сообщении «Свое и чужое мы должны судить по высшим человеческим принципам» представила историю развития этнографических исследований в Казанском университете. С.Е.Ажигали (Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан) познакомил хозяев и гостей конгресса с результатами исследований казахстанских этнографов во второй половине XX в.

Неподдельный интерес участников конгресса вызвал доклад Петера Швайцера (Университет Вены, Австрия) «От родства к инфраструктуре», в центре которого оказалась жизнь локальных сообществ в Восточной Сибири (зоне БАМа). Вопреки устоявшейся в парадигме пространственного развития связи между агломерациями, транспортной инфраструктурой и социальным благополучием, им было показано, что такая связь не является универсальной. Напротив, как свидетельствуют полевые исследования, для значительной части представителей локальных сообществ отсутствие налаженной транспортной коммуникации изолированных поселков с «большой землей» рассматривается как благо. Исследования, выполненные в такой парадигме «отдаленности», позволили П. Швайцеру и его коллегам прийти к следующим заключениям: 1) «обещания модерности» выступают помехой для оценки реальных рисков крупных ин-

фраструктурных проектов; 2) актуализируется потребность в систематическом изучении возможностей инфраструктур в условиях отдаленности; 3) перспективным следует признать исследование социальных отношений, опосредованных инфраструктурой.

О. Ю. Артемова (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва) в докладе «Академические ученые в высшей школе (опыт двадцати лет работы)» остановилась на проблеме трансляции этнографического знания в системе высшего образования. Значительная часть ее доклада была посвящена проблеме академической конкуренции, формированию новых направлений высшего образования и многочисленным проблемам, с которыми сталкивается направление подготовки «Этнология и антропология» в высшей школе. А. В. Чернов (Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН) в выступлении «Мобильность и социальная коммуникация в цыганских общинах России» представил результаты исследования социальных трансформаций цыган, форм их мобильности и расселения, сетевой коммуникации. Г. Р. Назипова (Национальный музей Республики Татарстан) в сообщении «Коммуникативная роль музеев в контексте культурной антропологии» рассказала о роли музеев в сохранении, интерпретации и трансляции историко-культурного наследия.

Симпозиумы конгресса охватили следующие темы: 1) системы родства, связей и коммуникаций в истории человечества; 2) современная антропология и этнология в теории и прикладных исследованиях; 3) история науки; 4) религии, межрелигиозные отношения и этноконфессиональные процессы в духовном пространстве России; 5) визуальная антропология и музейное дело; 6) изучение семьи и гендерные исследования; 7) политическая антропология и региональные исследования; 8) цифровые технологии в антропологии; 9) миграции и мигранты; 10) измерение культурного многообразия. Регламент работы конгресса включал 66 секций, мастер-класс по написанию статей в зарубежные журналы, круглый стол по обсуждению тома «Казахи» (серия «Народы и культуры»).

Симпозиум I «Системы родства, связей и коммуникаций в истории человечества: антропологический аспект» объединил 11 секций. Одной из запоминающихся стала работа секции 3 «Родство и свойство в предпринимательстве», которая собрала более 20 участников из Москвы, Новосибирска, Тулы, Якутска, Салехарда и других городов. В докладах участников родство и свойство рассматривались как социальные институты общества, которые непосредственно не только влияют на воспроизводство этнических и иных социальных связей, но и формируют пространство экономической жизни. В работе секции было выделено два аспекта заявленной проблемы: исторический и современный. На примере экономической активности представителей разных этнических групп в конце XIX — первой четверти XX в. были раскрыты процессы трансформации первичных структур самоорганизации в успешные бизнес-проекты благодаря практикам взаимопомощи, показана роль родства в преемственности ведения дела, рассмотрены способы и навыки предпринимательства: крестьянское предпринимательство, отходничество, купечество (В. Ефимова, М. Имашева, В. Орлов). В исследовании современных аспектов

этнического предпринимательства поднимались как теоретические, так и практические проблемы исследований. Во-первых, было показано значение родства и свойства в традиционных занятиях аборигенных сообществ Севера Сибири (Е. Мартынова, Н. Москаленко, Е. Яптик). Во-вторых, большое значение было уделено обсуждению результатов исследования этнических сетей кавказских и среднеазиатских диаспор (В. Пешкова, Е. Ерохина). В заключении работы секции ее руководитель — д-р. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая Наталья Ивановна Новикова предложила обсудить эвристический потенциал концепта этнической экономики, понимаемой как «экономика для бедных». Итогом дискуссии стало признание данной области исследования весьма перспективной.

Симпозиум IV «Религии, межрелигиозные отношения и этноконфессиональные процессы в духовном пространстве России», объединивший семь секций, был посвящен проблемам изучения роли религии в традиционном и современном обществе, причинам религиозного ренессанса современности, влиянию религии на различные формы экономического, политического, семейно-брачного поведения, особенностям бытования вероисповедальных практик православия, старообрядчества, буддизма, ислама и иных конфессий, особенностям воспроизводства религии и ее институтов в постсекулярном обществе.

Симпозиум VI «Изучение семьи: гендерные исследования» собрал участников семи секций. Одной из наиболее интересных его секций стала 36-я секция «Коммуникативные механизмы русской традиции и проблема культурных идентичностей», которая собрала около 40 участников из многих регионов России. Один из ее руководителей, д-р. ист. наук Е.Ф. Фурсова подчеркнула, что такое широкое представительство обусловлено интересом к традиционной культуре и способам воспроизводства ее отдельных элементов в рамках современного социума. На секции были раскрыты особенности ее воспроизводства в локальной среде как крупного мегаполиса, так и отдаленных населенных пунктов в сельской местности. На примере деятельности учащейся молодежи новосибирского Академгородка, вовлеченной в движение исторической реконструкции и фольклорное движение, показана роль традиций в формировании представлений о воинском поведении (Е. А. Рублев). С другой стороны, активно обсуждались особенности функционирования медиaproстранства в населенных пунктах сельской местности на Тамбовщине (Е. В. Петрова и Е. В. Шалонская). География докладов также была чрезвычайно широка и включала обсуждение факторов воспроизводства коммуникативного пространства российско-белорусского приграничья (А. В. Гурко), локальных сообществ бурят Баргузинской долины Республики Бурятия (В. В. Лыгденова) и жителей севернорусской деревни (А. В. Фролова). Обсуждалась роль мифологических образов в маркировании этнокультурной идентичности локальных групп восточных славян (О. В. Голубкова), значение надэтнической солидарности в сохранении культурного многообразия (Е. Ф. Фурсова), специфика советских и постсоветских моделей межэтнической коммуникации (О. В. Кириченко). Секция оказалась по-настоящему междисциплинарной.

Завершила работу конгресса пленарная лекция академика-секретаря историко-филологических наук РАН, научного руководителя Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, академика Валерия Александровича Тишкова «Да изменится молитва моя: 30 лет спустя». Выступление одного из ведущих специалистов-антропологов не только подвело итог 30-летнему опыту развития постсоветских этнолого-антропологических исследований, но и наметило новые водоразделы внутри данной области междисциплинарного знания, зафиксировав позиции сторонников и противников этнологического конструктивизма.

Содержание всех пленарных докладов и тезисов участников конгресса нашло отражение в сборнике материалов конгресса, опубликованном к началу мероприятия¹. В издание вошли материалы 66 секций Конгресса этнологов и антропологов России, которые существенно расширили дискуссионно-коммуникационное пространство российской антропологии и позволяют на основе репрезентативной эмпирической базы в дальнейшем рассматривать проблемы

исследования этнических и культурных взаимодействий, историографических традиций в этнографии, междисциплинарных связей в этнологии и антропологии, этнологического образования и просвещения, мониторинга межэтнических отношений. Важно учитывать, что включение отечественной антропологии в международное научное пространство существенно усилило влияние глобализации на исследовательский процесс, актуализировало необходимость интеграции на международном уровне исследований, остро поставило вопрос об этических, политических и ценностных аспектах внедрения результатов научных исследований. Перспективам осмысления этих процессов будет посвящен следующий XIV Конгресс этнологов и антропологов, который состоится в 2021 г.

*Е. А. Ерохина,
д-р филос. наук,
ведущий научный сотрудник
Институт философии и права СО РАН,
г.Новосибирск*

¹ XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. 2–6 июля 2019 года, г. Казань / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: Казань, 2019. 516 с.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА, РЕАЛИИ НАСТОЯЩЕГО, КОНТУРЫ БУДУЩЕГО»

14 августа 2019 г. Тюменской области исполнилось 75 лет (1944 – 2019 гг.). Юбилейной дате и была посвящена состоявшаяся 20 – 21 сентября 2019 г. на площадках Тюмени и Тобольска международная научная конференция «Тюменская область: историческая ретроспектива, реалии настоящего, контуры будущего». Главная тема конференции – «**От поиска вариантов экономического развития – к энергетическому лидерству в стране**». Ученые попытались выяснить, как тихая в послевоенные пятилетки «заводь» советской экономики превратилась к середине 1970-х гг. в главную топливную базу страны. Обсуждались проблемы прошлого, настоящего и будущего территории. Особое внимание историки, экономисты, геологи и представители других наук уделили вопросам развития нефтегазового тюменского Севера, проблемам геологии, что нашло отражение и в резолюции, принятой по итогам Форума.

Цель конференции ее организаторы – Тюменский индустриальный университет совместно с Тюменской областной Думой, Правительством Тюменской области, Тобольским педагогическим институтом им. Д.И. Менделеева, Тюменским государственным медицинским университетом, Тюменским отделением Российского исторического общества — сформулировали следующим образом: обобщение и осмысление исторического опыта развития региона.

В программу форума после конкурсного отбора были включены 106 докладов и сообщений от 142 чел. Участники конференции представляли Москву, Екатеринбург, Новосибирск, Тюмень, Салехард, Ханты-Мансийск, Сургут, Нижневартовск и другие города Российской Федерации, а также университеты и колледжи Казахстана, Кыргызстана, США и Франции. Свои научные разработки представили ученые из Института российской истории РАН (Москва), Института истории СО РАН (Новосибирск), Института истории и археологии УРО РАН (Екатеринбург), ТюмНЦ СО РАН, Государственного казенного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа (ГКУ ЯНАО) «Научный центр изучения Арктики» (г. Салехард), Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, музейные работники из Тюмени, Сургута и Нижневартовска.

На пленарном заседании с научными докладами выступили ученые РФ и зарубежья: д-р социол. наук., профессор Ю.М. Конев (тема доклада: «Ретроспектива становления Тюменской области как субъекта Российской Федерации»); д-р ист. наук В.В. Калинов (РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина (Москва), д-р ист. наук В.В. Калинов («О стратегиях освоения Западной Сибири в послевоенные десятилетия и их реализации»); профессор из Университета г. Руан (Франция) Иветт Ваге («Пространственно-временная эволюция городов Арктики»); д-р экон. наук В.В. Елгин,

ТИУ («Арктический вектор индустриального и инфраструктурного развития Тюменской области»); д-р социол. наук. А.Н. Силин, ТИУ («Тюменская область как плацдарм социально-пространственной трансформации Российской Арктики»); другие ведущие ученые-североведы.

В первый день в рамках научного форума работали четыре площадки. Из 14 докладов секции «Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: создание и развитие» особый интерес вызвали выступления, посвященные персоналиям: «Ким Анатолий Индекович – один из первооткрывателей большой нефти Тюменской области» (доклад сургутских историков В.А. Араслановой и Н.Н. Рашевской); «От рабочего до «нефтяного маршала»: Виктор Иванович Муравленко и Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс» (доклад д-ра техн. наук С.Н. Бастрикова, ТИУ). В обсуждении выступлений приняли участие как историки, так и ветераны геологоразведки. Почетный гость конференции, Заслуженный геолог РФ, д-р геол.-мин. наук А.М. Брехунцов рассказал о своих встречах с А.И. Кимом, о совместной трудовой деятельности.

Следует отметить широкий круг проблем, заслушанных на секции «История Тюменского края» (экономика, культура, политика, война, тыл, повседневность труда и быта) и большой временной горизонт (от истории древнего заселения Тазовского Заполярья (д-р ист. наук А.А. Ткачѳв) до места Ямала в пространстве современной цивилизации (д-р ист. наук А.В. Трофимов). Заинтересованное внимание специалистов к выступлениям объяснялось в первую очередь тем, что обсуждались проблемы, еще недостаточно изученные. Впрочем, не только историков, но и представителей других областей знания интересовало, например: как посчитать численность строителей Тюменской области, если на Тюменском Севере были задействованы строительные коллективы практически из всех союзных республик, а буровые бригады и бригады капитального ремонта скважин летали вахтами в нефтегазодобывающие районы из 320 городов СССР?

Обсуждение проблем развития Тюменской области на современном этапе состоялось на секции «Социокультурное развитие Тюменской области». Большинство докладов было посвящено проблемам защиты природы как собственно Тюменской области, так и северных территорий региона – Югры и Ямала. Это свидетельствует о росте интереса исследователей к экологической истории, которая в XXI в. превращается в самостоятельное направление исторической науки.

На площадке Тюменского государственного медицинского университета рассматривались проблемы становления системы здравоохранения в Тюменской области. Авторами докладов были профессор и доценты, заведующие кафед-

рами и ординаторы ведущего в регионе медицинского научного и образовательного центра. В выступлениях поднимались вопросы развития медицины в широком диапазоне: от общероссийского (советского) до поселкового уровня. Интересовались ученые и проблемами охраны здоровья человека на Севере.

Работа второго дня конференции была организована на базе Тобольского педагогического института им. Д.И. Менделеева. На круглом столе «Освоение Тюменского сектора Арктики» освещались вопросы как прошлого, так и современного развития нефтегазовых районов Тюменского Крайнего Севера, их дальнейшего обустройства. Участники заседания были единодушны в выводе – северные и арктические территории «большой» Тюменской области с их природными богатствами обладают огромным потенциалом для развития экономики и благоустройства жизни людей.

Особый интерес вызвало сообщение заслуженного геолога РФ, д-ра геол.-мин. наук В.Н. Бородкина, который в своем выступлении «Трубки взрыва» на шельфе Карского моря и Ямальском полуострове» раскрыл загадку появления глубоких воронок на территории Ямала. Ученый не только подробно обосновал природу данного явления, но и поделился предположениями о возможностях его использования. По словам докладчика, такие гигантские провалы вызваны выходом на поверхность больших объемов природного газа, поднимающегося из залежей газовых гидратов под влиянием многих факторов, в том числе и вследствие глобального потепления. На шельфе в Карском море такие выходы газа происходят в гораздо большем количестве. «Порой они подобны извержениям вулканов, только природа этих кратеров

несколько другая – на поверхность Земли или под толщей воды вырывается не раскаленная магма, а холодный газ», – отметил ученый. И это явление представляет собой безусловный маркер наличия на значительной глубине больших залежей природного газа.

Не остались без обсуждения сообщения членов Студенческого научного общества (СНО) «Arctic Research Community – Арктическое научное сообщество» (ARC) А.В. Широких и Г.С. Яркова. Первый рассказал об итогах экспедиции «Плавучий Арктический университет» в июне – июле 2019 г. (Маршрут Архангельск – разрез «Кольский меридиан» – Шпицберген – Лонгиир-Пирамида – Нью-Олесунн – Нью-Лондон – Архангельск), второй – поделился впечатлениями о поездке в Арктическую школу Харбинского технологического института летом этого же года.

В ходе заседания круглого стола известный тобольский меценат и историк Григорий Елфимов презентовал четырехтомное издание, посвященное истории Северного морского пути.

Материалы докладов и выступлений участников конференции и дискуссии на заседаниях секций и Круглого стола подтвердили, что диалог представителей различных наук в изучении процессов, имевших место в прошлом и происходящих сегодня в Тюменской области, необходимо продолжить. Данное сотрудничество является важным условием успешного развития как региона, так и страны в целом.

*Л.Л. Мехришвили, д-р социол.наук,
В.П. Карпов, д-р ист.наук,
Тюменский индустриальный университет*

НАУЧНЫЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЕМИНАР, ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАМЯТИ АКАДЕМИКА Н.Н. ПОКРОВСКОГО

14 октября 2019 г. в Институте истории СО РАН состоялся научный археографический семинар «Актуальные проблемы археографии и источниковедения», посвященный памяти академика Н.Н. Покровского – выдающегося российского историка. В его организации приняли участие сотрудники ИИ СО РАН, ГПНТБ и НГУ. Было заслушано 10 докладов, посвященных темам, связанным с кругом научных интересов Николая Николаевича: археография (камеральная и полевая), источниковедение, история старообрядчества и Русской Православной церкви, древнерусская книжность.

Во вступительном слове директор Института истории СО РАН В.М. Рышков дал высокую оценку научной и преподавательской деятельности Ученого, а также отметил особую заслугу Н.Н. Покровского перед отечественной наукой в создании сибирской археографической школы, последователи которой успешно продолжают дело своего Учителя.

Семинар открыл доклад Е.И. Дергачевой-Скоп и А.Ю. Бородихина (НГУ, ГПНТБ) «Синтагма старообрядческих согласий Сибири в свете типологии чтения». Он был посвящен характеристике книжных собраний, бытующих в настоящее время в старообрядческих общинах Сибири. Благодаря археографическим экспедициям последних десятилетий зафиксировано несколько частных «живых» библиотек в Красноярском крае, Томской и Кемеровской областях и в Бурятии. Расселенность членов согласия на большой территории – основная причина и условие миграции книги. В связи с этим всякую старообрядческую библиотеку, считают докладчики, необходимо рассматривать как книжное собрание, никогда не приобретающее статуса библиотеки в связи с тем, что оно постоянно находится в движении и не имеет стабильной структуры.

В докладе отмечено, что именно специфика согласий (и, следовательно, «картина мира» того или иного старообрядческого согласия) в конечном счете определяет круг чтения и связанный с ним тип чтения старообрядцев. Тип чтения зависит от особенностей формирования согласия: у разных старообрядческих толков имеются свои нюансы отношения к чтению как способу нравственного воспитания, сохранения традиции, богословского фундамента своего согласия. В докладе сформулирована задача – необходимо четко определить границы согласий в системе поповщины и беспоповщины на основе их отношения к книге.

Одна из важных проблем, стоящая перед археографами, – это определение и описание не только старообрядческих общинных собраний, но и книжных фондов провинциальных музеев, библиотек, госархивов. Доклад И.А. Шиловой и В.В. Подопригоры «Рукописные и старопечатные книги Музея истории Алтайской духовной миссии» был посвящен итогам камеральной археографиче-

ской работы в г. Бийске в 2019 г. Научное описание фондов музеев Бийска проводится новосибирскими археографами (Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев, А.Ю. Бородихин, Т.Г. Казанцева и др.) с 2009 г. В докладе кратко охарактеризовано собрание кириллических рукописных и печатных книг Музея истории Алтайской духовной миссии г. Бийска (более 400 экз.). Основное внимание докладчиков было сосредоточено на итогах работы 2019 г.: составлены описания 40 рукописей и книг кириллической печати, поступивших в фонд музея в 2018–2019 гг.

Среди недавних поступлений значительное место занимают старообрядческие издания XVIII – начала XX в. Особое внимание в докладе было обращалось на описание изданий второй половины XIX – начала XX в. (многочисленных, но пока недостаточно каталогизированных), что будет способствовать воссозданию целостной истории старообрядческого книгопечатания. В заключение докладчики представили результаты предварительного исследования источников старообрядческого рукописного сборника эсхатологического содержания конца XIX в., хранящегося в Бийском краеведческом музее им. В.В. Бианки, и обозначили перспективы его дальнейшего изучения.

Доклад А.Н. Коваленко «Из опыта археографического описания книг гражданской печати 1830–1840-х гг. (Тобольский госархив)» представляет собой промежуточный результат камеральной археографической работы в Государственном архиве в г. Тобольске по описанию книг гражданской печати 1830–1840-х гг. издания, которая ведется с 2015 г. при участии сотрудников ОРКиР ГПНТБ СО РАН и студентов филологического отделения Гуманитарного института НГУ. В архиве выявлено 153 экз. книг, относящихся к указанному периоду. Большую часть (96 экз.) из них составляют тома первого издания Полного собрания законов Российской империи. В докладе дано описание этих экземпляров и отмечено, что на полях и в тексте встречаются пометы и подчеркивания карандашом – чаще всего обозначены указы, касающиеся Сибири.

Завершая доклад, А.Н. Коваленко обратил особое внимание на издания «Славяно-русский корнеслов», «Штаты мужских и женских монастырей Епархиального ведомства» с пространными записями о выдаче книг из библиотеки Тобольского Знаменского мужского монастыря, а также на издание «Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII века», которое принадлежало Тобольской семинарии. Оно сохранило многочисленные пометы и правки карандашом. В докладе было высказано предположение об их атрибуции.

Несколько докладов было посвящено изучению старообрядческой литературы – темы приоритетной в исследованиях как Николая Николаевича, так и его учеников. В докладе Н.С. Гурьяновой «Старообрядческие сборники как источник для изучения идеологии движения» дан ана-

лиз рукописных сборников, составленных защитниками старого обряда из фрагментов текстов, которые противники церковной реформы отыскивали в качестве аргументов в пользу своей точки зрения на внесенные изменения в обряд и богослужебную практику официальной Церкви. Н.С.Гурьяновой подчеркнута, что отбор цитат осуществлялся целенаправленно, в фонд включались только те фрагменты текстов, которые свидетельствовали о незаконности новшеств. Они были объявлены «священными» и использовались в дискуссиях с оппонентами – представителями официальной Церкви или других направлений и согласий внутри старообрядческого движения. В докладе сделан вывод, что этот фонд выписок формировал взгляды членов сообщества на отношение к официальной Церкви и влиял на решение конкретных вопросов религиозной жизни общины. Опираясь на эти тексты, лидеры согласий характеризовали особенности вероучения, поэтому старообрядческие сборники являются ценными источниками для изучения идеологии движения.

Л.В. Титова в докладе «О литературном конвое „Книги“ Спиридона Потемкина» обратилась к анализу сочинений старообрядческих полемистов 50-х–70-х гг. XVII в. дьякона Федора и Спиридона Потемкина. Ею было проанализировано содержание сборников, включающих в свой состав Послание дьякона Федора Иоанну Аввакумовичу о священстве, написанное дьяконом Федором от имени протопопа Аввакума, инока Епифания и попа Лазаря в 1669 г., и „Книги“ Спиридона Потемкина, состоящей из его Слов. В них освещены основные вопросы, по которым велись ожесточенные споры противников нововведений с официальной Церковью. В результате докладчиком сделан вывод, что уже в первой половине XVIII в. Послание дьякона Федора Иоанну Аввакумовичу о священстве постоянно сопровождало „Книгу“ Спиридона Потемкина, а в XIX в. на основе этих сочинений и Посланий Андрея Плещеева и протопопа Аввакума формируется своеобразный тематический цикл. Ведущее место в нем занимают Слова Спиридона Потемкина, а сам он является главной фигурой в цикле, именно его жизнеописанием либо начинается, либо завершается цикл.

Доклад Т.Г. Казанцевой «Старообрядческая певческая книга в Сибири» был посвящен исследованию музыкальной культуры старообрядцев. Ею охарактеризованы два крупнейших собрания певческих рукописей – Института истории СО РАН и ГПНТБ СО РАН, сформировавшиеся в результате полувековой экспедиционной деятельности сибирских археографов, а также ряд «малых» собраний, находящихся в научных библиотеках, краеведческих и художественных музеях Томска, Барнаула, Бийска, Новокузнецка, Красноярска, Минусинска, Улан-Удэ, Иркутска, Хабаровска и Владивостока. Т.Г. Казанцевой были предложены критерии выявления среди общего массива певческих книг собственно «сибирских старообрядческих». Анализ состава фондов позволил установить, что старообрядческие певческие книги явно преобладают в сибирских хранилищах, составляя не менее трех четвертей от общего числа музыкальной книжности. В результате в докладе сделан убедительный вывод о том, что сибирский регион по праву следует признать одним из крупнейших центров

старообрядческой культуры наряду с Москвой, Поволжьем, Уралом и Прибалтикой.

Доклад Т.В. Панич «Сюжетное повествование в церковной публицистике второй половины XVII в.» посвящен анализу текстов из литературного наследия сообщества писателей круга патриарха, которые были написаны с целью обличить защитников старого обряда. В центре внимания автора – книга «Увет духовный» (М., 1682), рукописная книга «Щит веры» и «Сибирские послания» митрополита Сибирского и Тобольского Игнатия. Т.В.Панич обратила внимание на различные сюжеты, использованные церковными иерархами, на то, каким образом они включали их в композиционную структуру своих сочинений. Это позволило ей сделать вывод об особенностях рецепции сюжетных форм в указанных сочинениях, продемонстрировать характер трактовки и обработки литературных сюжетов, установить их роль и функции в полемическом дискурсе церковных публицистов второй половины XVII в.

В докладе Е.Г. Сосновцевой (ИЛИ, С.-Петербург) «Жития угличских святых: история формирования регионального агиографического сборника в XVII–XVIII вв.» предпринята попытка прояснить историю создания и бытования житий угличских святых, большинство из которых первоначально существовали в виде кратких редакций в XVII в. (или на рубеже XVI–XVII вв.). Во второй половине XVIII в., как показано в докладе, в Угличе были созданы новые пространственные редакции этих житий, в состав которых вошли обширные вставки, посвященные истории города. Рукописи этого периода угличского происхождения характеризуются единством оформления и состава. Завершающим этапом формирования цикла угличских житий, как считает автор доклада, было создание Жития князя Андрея Васильевича Большого.

В сообщении «Сказочный сюжет о мертвой царевне в „Гистории о Фларенте и Георгии“» Л.А. Курышева (ИФЛ СО РАН) обратилась к проблеме источников повести елизаветинского времени «Гистория о Фларенте и Георгии». Ею отмечены общие черты этой повести с рукописным произведением «Повесть о некоем царе и о дочери его» конца 1710-х – второй половины 1730-х гг., написанном в традиции русских повестей второй половины XVII – начала XVIII в. В сообщении отмечены основные черты сходства двух рукописных памятников, проявившиеся даже в совпадении деталей (отравленная сорочка, смерть братьев, надпись на гробнице, трактовка магических занятий мачехи), и высказано предположение об их общем фольклорном источнике и даже о непосредственном восхождении позднейшего памятника к более раннему.

Доклад С.Г. Петрова «Частные письма В.В. Адоратского о поездке на Международный конгресс историков 1928 г.» посвящен анализу шести частных посланий В.В. Адоратского из Осло. Сделан убедительный вывод, что данный эпистолярный корпус содержит нигде более не встречающуюся подробную информацию о работе конгресса, услышанных докладах, кулуарных столкновениях, встречах с зарубежными коллегами, об общении с ними. Не менее ценной представлена в докладе имеющаяся в письмах информация о повседневной бытовой стороне поездки в Осло, начиная с получения виз, решения непре-

стых транспортных проблем и до описания ярких впечатлений от культурной программы конгресса, местных достопримечательностей, банкетов и застолий, проживания в студенческом общежитии.

Работа семинара завершилась сообщениями о состоявшихся обсуждениях актуальных вопросов археологии и источниковедения на научных конференциях 2019 г. С информацией об этих форумах выступили их участники: X Международная научная конференция «Комплексный подход в изучении Древней Руси». 9–13 сентября 2019 г. Москва – Л.И. Журова; Международная научная конференция «Духовное и культурное наследие монастырей Русской Православной Церкви. К 500-летию Московского Новодевичьего монастыря». Москва, 9–11 октября — Л.И. Журова; Международная научно-практическая конференция «Наука, технологии и информация в библиотеках (LIBWAY-2019)», Иркутск, 17–19 сентября 2019 г. – А.Ю. Бородихин; VIII Всероссийская научная конференция по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера «Ря-

бинские чтения-2019». Петрозаводск, 23–27 сентября 2019 г. – С.Г. Петров; Международная научная конференция «Кусковские чтения. Аксиологическое пространство русской словесности: традиции и перспективы изучения». Москва, 3 – 6 октября 2019 г. – О.Д. Журавель; Всероссийская молодежная научная школа-конференция с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых». Новосибирск, НГУ, ИИ СО РАН, 19–21 сентября 2019 г. – И.А. Шипилов; Международная конференция «Места заключения как многофункциональные пространства в Западной Европе и России (XVI–XIX вв.)», 4–5 сентября 2019 г., Москва – Е.Н. Туманик; Международная научная конференция «Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение», 21–24 октября 2019 г., Москва — Е.Н. Туманик.

Л.В. Титова
канд. филол. наук, Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск

Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 504 с.: ил.

Монография посвящена анализу начального этапа процесса русской колонизации Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв., которая инициировала процесс включения в состав России и других регионов Сибири. В первой главе рассмотрена предыстория утверждения России на территории Северо-Западной Сибири (походы новгородцев, московских войск, установление торговых связей жителей Европейского Севера с зауральскими народами), освещены поход Ермака и основание первых русских поселений в конце XVI – начале XVII в. Отдельные очерки этой главы посвящены истории создания центров русской колонизации на севере Западной Сибири – городов Березов, Пелым, Сургут, Мангазее, Нарым, Кетск, Обдорского городка, а также ясачных зимовий Мангазейского уезда.

Рассматривая вопросы, связанные с продвижением русских за Урал и стремительным освоением Сибири в XVII в., автор справедливо отмечает особое значение в этом процессе судостроения и использования речных путей и прибрежного мореплавания. Данной теме посвящена вторая глава, в которой дается детальное описание конструкции и особенностей использования стругов, дощаников, каюков и кочей. В ряде случаев отмечены распространенные в научной и научно-популярной литературе сведения о различных типах судов (их размеры, формы, грузоподъемность и др.), которые, как показывает автор монографии, не соответствуют данным источников. Так, М.И. Белов (а вслед за ним и большинство других исследователей) считал, что кочи имели яйцеобразную форму, позволявшую судну при сжатии льдинами «выжиматься» на лед. По мнению Е.В. Вершинина, которое убедительно подкреплено архивными данными, никаких оснований для таких утверждений не имеется и документы первой половины XVII в. говорят лишь о возможности вытаскать коч на лед, используя подручные средства, чему способствовали легкость и конструктивные особенности днища судна.

Говоря о предназначении различных типов судов, автор делает важные выводы. Наиболее распространенными и полезными для освоения территории Западной Сибири он признает дощаники и кочи. В отношении дощаников с этим выводом можно согласиться, что же касается кочей, то следует принять во внимание отмеченный в монографии факт: кочи использовались в основном лишь для сообщения с Мангазеей. С ее упадком их строительство сокращается, а с 1672 г. в связи с переносом центра уезда в Туруханск (Новую Мангазее) практически останавливается. Парусно-гребные дощаники, обладавшие большой грузоподъемностью, играли ведущую роль в снабжении беспашенных северных уездов продовольствием и иными припасами не только в XVII, но и в XVIII вв. Струги со времени похода Ермака использовались в основном в военных экспедициях служилых, поэтому со временем значение этого вида транспорта падает. Что же касается каюков (парусно-гребных крытых лодок), то автор

признает, что детальных описаний постройки такого типа судов в архивных документах не содержится. Возможно, это связано с большой вариативностью их предназначения, конструкции, размеров (в длину от 3 до 7 саженой и более) и грузоподъемности. Между тем приведенные в монографии данные позволяют утверждать, что каюки были самым распространенным типом судов в Обь-Иртышском бассейне и использовались для доставки казенных грузов, а также промышленными людьми для путешествий к местам промысла, торговцами. К этому можно добавить, что со временем небольшие каюки стали использовать и коренные жители региона во время сезонных перемещений семей к местам промысла.

В главе «Местное управление и состав колонистов» охарактеризованы организация и управленческая практика органов власти в рассматриваемом регионе в контексте существовавших в России форм местного управления. По мнению автора, каких-то специальных колониальных органов управления, характерных лишь для Сибири, создано не было, а специфику в деятельности местной воеводской администрации можно увидеть лишь в управлении ясачным населением. Рассматривая таможенную политику правительства в Сибири, Е.В. Вершинин отмечает ее непоследовательность, большое разнообразие существовавших пошлин, нечеткость в организации таможенной службы. Унификацию таможенных сборов и сокращение количества пошлин автор относит лишь к концу XVII в., когда таможенные сборы резко сократились вследствие истощения пушных промыслов в Северо-Западной Сибири.

Постоянное русское население шести северных уездов к началу XVIII в. оценивается лишь в 5 500 – 5 700 чел. Проживали они преимущественно в городах и Самаровском яме, а в социальном отношении принадлежали к служилым людям (собственно служилые, члены их семей и родственники). Последнее утверждение представляется нам излишне категоричным, тем более что оно противоречит приведенным в монографии фактам: в Пелымском уезде по переписи 1625 г. было всего 143 служилых, ружников, оброчников и пашенных крестьян, из которых почти треть составляли крестьяне (45 чел.); в Новой Мангазее в 1699 г. насчитывалось 168 служилых, ружников и оброчников, а также 65 посадских, помимо этого в самом уезде имелось большое количество зимовий промышленных людей с постоянным населением; в Кетском уезде в конце XVII в. все русское население состояло из 30 служилых и 24 пашенных крестьян и т. д. Указанные факты могут быть дополнены данными, приведенными другими исследователями. Так, согласно Н.Ф. Емельянову, в 1677 г. в Кетском уезде было 22 двора пашенных крестьян, а в 1710 г. уже 37 дворов крестьян и гулящих, в которых проживало 324 чел. – почти столько же, сколько насчитывалось служилых и казачьих детей (44 двора с 327 жителями). Чрезвычайно интересны имеющиеся в главе сведения о семейном строе и повседневной жизни различных категорий русского населения Сибири, круге их развлечений.

Заключительная четвертая глава книги посвящена взаимоотношениям русских властей Северо-Западной Сиби-

ри с коренным населением этого региона. Детально исследованы этнический и родовой состав тундровых и лесных ненцев, тундровых и лесных энцев, селькупов, манси и хантов, территория их проживания, миграции и численность. Значительное место в главе отведено полемике с авторами различных концепций, касающихся характера социополитического уровня угорских «княжеств» накануне и в начале колонизации Западной Сибири. По мнению Е.В. Вершинина, никаких признаков зарождения феодальных отношений у угорских народов не наблюдалось, нет также оснований считать угорские «княжества» раннегосударственным явлением, равно как и «военно-потестарная» организация хантов не может рассматриваться как форма становления государственной власти. Сам автор разделяет точку зрения Е.П. Маргшиной, которая определяет социополитический уровень угорских «княжеств» как вождество. Несомненно, дискуссия по данному вопросу будет продолжена.

В отношении ясачного режима и повинностей аборигенного населения в главе приводятся новые важные данные, которые ранее либо не учитывались исследователями, либо им не придавалось должного значения. Это, в частности, сведения о тяжести подводной повинности: многие ханты

привлекались в качестве «тяглой силы» для сопровождения государевых судов именно в то время, когда делались запасы рыбы – основного источника питания аборигенного населения Приобья. Приведенные в монографии сведения о ясачных окладах жителей разных уездов, представителей разных этнических групп позволяют утверждать, что различия в размерах окладов определялись в первую очередь не экономическими, а политическими обстоятельствами: наиболее высокие оклады устанавливались для тех, кто не представлял серьезной угрозы для русской власти. К примеру, в начале XVII в. в Сургутском уезде ясак составлял 11 соболей с плательщика, а в беспокойном в политическом отношении Березовском – 5-6 соболей.

Подводя итог, следует отметить высочайший уровень профессионализма автора, блестящее знание им архивных источников и работ предшественников. Несомненно, рецензируемая монография будет интересна и полезна не только историкам и краеведам, но и широкому кругу читателей, интересующихся историей России и родного края.

*А.Х. Элерт, д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ (Требования к статьям и сообщениям)

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;
- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;
- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 30 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала на сайте Института истории СО РАН: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm; <http://www.hssiberia.info/> и сайте Издательства Сибирского отделения РАН: <http://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.